

ВЕСТНИК

ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

ISSN 2409-4102
doi 10.47475/2409-4102

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2014 году

2023 № 2 (22)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Важенин, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор
(Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. В. Майоров, доктор юридических наук, доцент, член АНРИ
(Челябинский государственный университет, Россия)

А. А. Миасова, кандидат биологических наук
(Южно-Уральский государственный медицинский университет, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Белоусова, доктор психологических наук (кандидат педагогических наук), профессор (Челябинский государственный университет, Россия); *В. В. Базельюк*, доктор педагогических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия); *В. Г. Дегтярь*, академик РАН, доктор технических наук, профессор (Государственный ракетный центр им. академика В. П. Макеева, Россия); *О. С. Дейнека*, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия); *А. И. Долгушина*, доктор медицинских наук (Челябинск, Россия); *А. С. Доможирова*, доктор медицинских наук (Челябинск, Россия); *А. В. Привалов*, доктор медицинских наук, профессор (Челябинск, Россия); *А. Ю. Савочкина*, доктор медицинских наук, председатель редакционной коллегии (Челябинск, Россия); *В. А. Тупиков*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); *Н. А. Шаназаров*, доктор медицинских наук, профессор (Больница медицинского центра управления делами президента Республики Казахстан, Казахстан); *Е. А. Шумилова*, доктор педагогических наук, профессор (Кубанский государственный университет, Россия); *О. Б. Цейликман*, доктор медицинских наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); *В. Э. Цейликман*, доктор биологических наук, профессор (Южно-Уральский государственный университет, Россия); *Ямини Неги*, PhD, (School of Liberal Studies, UPES, India), ORCID: 0000-0003-0300-4069; *Айвана Педович*, PhD, Assistant Professor (University of Niš, Serbia); ORCID: 0000-0001-6547-909X; Scopus Author ID 35782224000

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

О. Н. Егоров, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); *А. А. Данилова*, ответственный секретарь, кандидат педагогических наук (Челябинский государственный университет, Россия); ORCID: 0000-0001-6701-1941; Web of Science ResearcherID IAQ-3990-2023; *Д. В. Деккерт*, кандидат педагогических наук (Челябинский государственный университет, Россия); *Н. В. Держинский*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия); *Е. В. Забелина*, доктор психологических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); ORCID: 0000-0002-2365-6016; Scopus Author ID 633966; Web of Science Researcher ID V-1905-2018; *С. А. Курносова*, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинский государственный университет, Россия); ORCID: 0000-0002-1458-6597; Scopus Author ID 57210634327; Web of Science ResearcherID W-7235-2018; *В. С. Полковникова*, ответственный секретарь (Челябинский государственный университет, Россия); *Е. В. Шереметьева*, кандидат педагогических наук (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия); *Н. М. Эрлихман*, кандидат медицинских наук (Челябинский государственный университет, Россия)

Редакция журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций.

Цель журнала — представить российской и зарубежной научной и научно-педагогической обществу, а также докторантам, аспирантам, магистрантам и другим обучающимся учреждений высшего образования новые научные результаты, имеющие значение в различных областях фундаментальной и прикладной науки по педагогике, психологии, биологии и медицине.

Журнал выходит
четыре раза в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57а,
аудитория 213
Тел. +7 (351) 799-71-58

С требованиями
к оформлению статей можно
ознакомиться на сайте журнала
http://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/index

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство
ПИ № ФС77-58492

Журнал включен
в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНИТИ РАН

Корректурa *М. В. Трифонова*
Верстка *М. В. Трифоновой*

Подписано в печать 01.09.23.
Выход в свет 08.09.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 9,3.
Уч.-изд. л. 7,0.
Тираж 100 экз. Заказ 412.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 57б

BULLETIN

OF CHELYABINSK
STATE
UNIVERSITY

EDUCATION
AND HEALTHCARE

ISSN 2409-4102
doi 10.47475/2409-4102
ACADEMIC PERIODICAL

Founded in 2014

2023 № 2 (22)

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

EDITOR-IN-CHIEF

A. V. Vazhenin, RAS Academician, Dr. Sci. (Medicine),
Prof. (South Ural State Medical University, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.),
Member of ASEP (Chelyabinsk State University, Russia)

A. A. Minasova, Cand. Sci. (Biology)
(South Ural State Medical University, Russia)

EDITORIAL BOARD

S. A. Belousova, Dr. Sci. (Psychology), Cand. Sci. (Pedagogy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); *V. V. Bazelyuk*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (South Ural State University (NRU), Russia); *O.S. Deineka*, Dr. Sci. (Psychology), Professor (St. Petersburg State University, Russia); *V. G. Degtyar*, RAS Academician, Dr. Sci. (Technical), Prof. (Academician V. P. Makeev State Rocket Center, Russia); *A. I. Dolgushina*, Dr. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk, Russia); *A. S. Domozhirova*, Dr. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk, Russia); *A. V. Privalov*, Dr. Sci. (Medicine), Prof. (Chelyabinsk, Russia); *A. Yu. Savochkina*, Dr. Sci. (Medicine), Chair of the Editorial Board (Chelyabinsk, Russia); *V. A. Tupikov*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *N. A. Shanazarov*, Doctor of Medical Sciences, Professor (Hospital of the Medical Center for the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan); *E. A. Shumilova*, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Kuban State University, Russia); *O. B. Tseilikman*, Dr. Sci. (Medicine), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk State University, Russia); *V. E. Tseilikman*, Dr. Sci. (Biological), Prof. (South Ural State University, Russia); *Yamini Negi*, PhD (School of Liberal Studies, UPES, India); ORCID: 0000-0003-0300-4069; *Ivana Pedović*, PhD, Assistant Professor (University of Niš, Serbia); ORCID: 0000-0001-6547-909X; Scopus Author ID 35782224000

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTIONS

O. N. Egorov, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *A.A. Danilova*, Executive Secretary, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); ORCID: 0000-0001-6701-1941; Web of Science Researcher ID IAQ-3990-2023; *D. V. Dekkert*, Cand. Sci. (Pedagogical) (Chelyabinsk State University, Russia); *N. V. Derzhinskiy*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Zabelina*, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor (Chelyabinsk State University, Russia); ORCID: 0000-0002-2365-6016; Scopus Author ID 633966; Web of Science Researcher ID V-1905-2018; *S. A. Kurnosova*, Cand. Sci. (Pedagogical), Associate Professor (Chelyabinsk State University, Russia); ORCID: 0000-0002-1458-6597; Scopus Author ID 57210634327; Web of Science ResearcherID W-7235-2018; *V. S. Polkovnikova*, Executive Secretary (Chelyabinsk State University, Russia); *E. V. Sheremetieva*, Cand. Sci. (Pedagogical) (South Ural State University of Humanities and Education, Russia); *N. M. Erlichman*, Cand. Sci. (Medicine) (Chelyabinsk State University, Russia)

The journal is published
four times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
57a Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia, room 213
Telephone: + 7 (351) 799-71-58

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
vcsu_eh/index](http://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/index)

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФС77-58492

Abstracting and indexing
in Referativny Zhurnal
and VINITI Database RAS

Proofreader *M. V. Trifonova*
Imposition by *M. V. Trifonova*

Passed for printing 01.09.23.
Date of publication 08.09.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 9,3.
Ac.-publ. sh. 7,0.
Circulation 100 copies. Order 412.
Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

The Editorial Board may not share the views of the authors.

Authors are responsible for the article content and quality of annotations' translation.

The purpose of the journal is to present to the Russian and foreign scientific and pedagogical community, as well as to doctoral students, postgraduate students, undergraduates and other students of higher education institutions new scientific results of importance in various fields of fundamental and applied science in pedagogy, psychology, biology and medicine.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

Профессор Шаназаров Насрулла Абдуллаевич (к 60-летию со дня рождения) 5

ПЕДАГОГИКА

Капалкина Ю. А. Факторы, влияющие на успешность в конкурсах профессионального мастерства 7

Караваева С. А. Формирование духовно-нравственных ценностей у студентов вуза 15

Маркина Н. В., Качуро И. Л. Событийные механизмы трансформации ценностно-смысловых установок современных подростков. 20

Сяляхова А. Р. Проблема выявления дислексии среди школьников и педагогические стратегии для эффективного взаимодействия с дислексиками в рамках учебного процесса . 26

Шуныкова О. В. Речевые модели как средство обучения академическому чтению 30

ПСИХОЛОГИЯ

Быструшкина Н. Г. Мышление клинического психолога 35

Барышева Т. А., Данилова А. А. Оценка удовлетворённости трудом в коллективах с разным уровнем текучести кадров. 41

Кадочникова И. В., Сергиенко Е. А. Категория зрелости как основа интегративности и согласованности психической организации человека (теоретический анализ проблемы с позиций системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко). 47

Меркурьев Д. В. Взаимосвязь субъективного благополучия и базисных убеждений в юношеском возрасте 52

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Саргсян А. А., Зограбян Н. Ю. Особенности законодательной регламентации ятрогенных преступлений в контексте нового Уголовного кодекса Республики Армения 60

Галюкова М. И. Принцип защиты человека от медицинских экспериментов и опытов 67

Хакимова Я. Р. Проблемные аспекты правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации 73

CONTENTS

<i>Professor Nasrulla Abdullaevich Shanazarov (60th anniversary of his birth)</i>	5
--	---

PEDAGOGY

<i>Kapalkina Y. A.</i> Factors influencing the success in professional skills competitions	7
<i>Karavaeva S. A.</i> Formation of spiritual and moral values among university students	15
<i>Markina N. V., Kachuro I. L.</i> Event mechanisms of transformation of value-semantic attitudes of modern adolescents	20
<i>Salyakhova A. R.</i> The problem of dyslexia detection among schoolchildren and pedagogical strategies for effective interaction with dyslexics in the educational process.	26
<i>Shunyakova O. V.</i> Speech models as a means of teaching academic reading	30

PSYCHOLOGY

<i>Bystrushkina N. G.</i> Thinking of a clinical psychologist	35
<i>Barysheva T. A., Danilova A. A.</i> Assessment of satisfaction with work in team with different level of staff turnover.	41
<i>Kadochnikova I. V., Sergienko E. A.</i> Category of maturity as the basic of integrativity and consistency of human mental organization (theoretical analysis of the problem from the standpoint of the system-subject approach of E. A. Sergienko).	47
<i>Merkuryev D. V.</i> The correlation between subjective well-being and basic beliefs in adolescence	52

HEALTHCARE

<i>Sargsyan A. A., Zohrabyan N. Yu.</i> Features of the legislative regulation of iatrogenic crimes in the context of the new Criminal Code of the Republic of Armenia.	60
<i>Galyukova M. I.</i> The principle of protecting humans from medical experiments and experiences	67
<i>Khakimova Y. R.</i> Problematic aspects of legal regulation of surrogacy in the Russian Federation.	73

ПРОФЕССОР ШАНАЗАРОВ НАСРУЛЛА АБДУЛЛАЕВИЧ (к 60-летию со дня рождения)

Насрулла Абдуллаевич Шаназаров родился 17 июля 1963 г. в селе Сайрам Южно-Казахстанской области Казахской ССР. Имеет три высших образования: в 1989 г. окончил лечебный факультет Челябинского государственного медицинского института (ЧГМИ), в 2004 г. — Междисциплинарный учебно-исследовательский центр (МУИЦ, Москва) по специальности «практическая психология», в 2017 г. — ОЧУ ЦДО «Сити Бизнес Скул» по специальности «МВА в медицине».

За годы работы стал высококвалифицированным специалистом-онкологом, пройдя все ступени профессионального роста врача. После окончания интернатуры в 1990 г. начал работу в Челябинском онкологическом диспансере в качестве врача — хирурга-онколога в торакальном отделении.

В 1997 г. в Челябинской государственной медицинской академии защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора Е. В. Котлярова, в 2011 г. в Челябинском государственном медицинском университете защитил докторскую диссертацию под руководством академика РАН, профессора А. В. Важенина.

В 2000–2003 гг. работал доцентом кафедры онкологии и радиологии Уральской государственной медицинской академии дополнительного образования, по совместительству руководил поликлиническим отделением Челябинского областного онкологического диспансера.

В 2003–2005 гг. Н. А. Шаназаров работал доцентом кафедры онкологии Южно-Казахстанской государственной медицинской академии, совмещая преподавание с клинической деятельностью в качестве заведующего отделением дневного стационара в Южно-Казахстанском областном онкологическом диспансере.

В 2005 г. назначен главным врачом онкологического диспансера в г. Астане, по совместительству доцент кафедры онкологии факультета усовершенствования врачей Медицинского университета Астаны.

С 2008 г. Н. А. Шаназаров заведовал кафедрой онкологии с курсом лучевой диагностики и лучевой терапии Тюменской государственной медицинской академии.

С 2012 г. работает профессором кафедры онкологии и радиологии в Челябинском государственном медицинском университете.

С марта 2015 г. по настоящее время является заместителем директора по стратегическому развитию, науке и образованию больницы медицинского центра Управления делами Президента Республики Казахстан (МЦ УДП РК).

Н. А. Шаназаров — инициатор внедрения в Казахстане нового направления в лечении

злокачественных новообразований — фотодинамической терапии (ФДТ). Им создан центр ФДТ на базе больницы МЦ УДП РК, разработан клинический протокол по ФДТ. С момента основания в центре пролечено около тысячи пациентов. По специальности «Фотодинамическая терапия» им подготовлены специалисты из Узбекистана, России, Грузии, Кыргызстана и Казахстана, проведены мастер-классы в России, Узбекистане, Таджикистане.

Шаназаровым создана оригинальная онкологическая школа. Под его руководством врачами из Астаны, Тюмени, Актюбинска, Шымкента защищено более 10 диссертаций. Он является автором более 800 научных трудов, в том числе 58 учебных, методических, учебно-методических пособий, шести монографий и восьми патентов на изобретение, 33 авторских свидетельств.

Шаназаров является членом редакционных коллегий многих отечественных и зарубежных медицинских журналов онкологического и радиологического профилей, членом диссертационных советов в Казанском федеральном университете, Тюменском ГМУ.

Шаназаров имеет большой опыт проведения научных исследований, являлся научным руководителем и исполнителем нескольких научно-технических проектов министерства здравоохранения, министерства науки и образования РК, выполнял клинические исследования.

Насрулла Абдуллаевич принимает активное участие в организационной и общественной работе: председатель общества онкологов, главный внештатный онколог ДЗ Астаны (2006–2008), председатель общества врачей онкологического профиля Тюменской области (2009–2012), вице-президент Казахстанской ассоциации кардиоторакальных хирургов, президент Казахстанского альянса специалистов по фотодинамической терапии. Является председателем научно-консультативного совета узбекско-

го этнокультурного центра Астаны Ассамблеи народов Казахстана.

Н. А. Шаназаров пользуется заслуженным авторитетом среди коллег; его характеризуют высокая трудоспособность, энергичность, обязательность, трудолюбие и любознательность, целеустремленность, преданность профессии; Насрулла Абдуллаевич обладает замечательным чувством юмора.

За большой вклад в развитие онкологической службы и организационной работы Н. А. Шаназаров награждён:

- нагрудным знаком «Денсаулық сақтау ісінің үздігі» (отличник здравоохранения РК) Министерства здравоохранения Республики Казахстан (2007);

- юбилейной медалью «10 лет Астане» (2008);

- «Денсаулық сақтау ісіне қосқан үлесі үшін» (за вклад в развитие здравоохранения РК) (2013);

- орденом «Labore et Scientia» («Трудом и знанием») (2013);

- юбилейной медалью «25 лет Независимости Республики Казахстан» (2016);

- медалью «Халық Құрметі» (2019);

- орден «Құрмет» (Почёт) (2021);

- юбилейной медалью «10 лет узбекскому этнокультурному центру города Астана» (2021);

- нагрудным знаком общества онкологов и радиологов г. Астаны «70 онкологической службе города Астана» (2022);

- золотой медалью узбекского этнокультурного центра г. Астаны «Общественный деятель» (2023)

- множеством благодарственных писем и грамот районного, городского и областного уровня республик Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Российской Федерации.

Друзья, коллеги, ученики от всей души поздравляют Насруллу Абдуллаевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии и дальнейшей успешной реализации всех творческих планов.

ПЕДАГОГИКА

PEDAGOGY

Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 7–14. ISSN 2409-4102 (print)

Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2023;(2(22)):7-14. ISSN 2409-4102 (print)

Научная статья

УДК 37.08

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-7-14

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УСПЕШНОСТЬ В КОНКУРСАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА

Юлия Александровна Капалкина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, julia_kool77@mail.ru, ORCID: 0009-0008-6052-6713

Аннотация. Рассматриваются конкурсы профессионального мастерства в российском образовании как важная часть национальной системы учительского роста. Ежегодный широкий охват участия в них и постоянная ротация участников позволяют говорить о конкурсах как о самом эффективном способе повышения квалификации педагогов. Результативность участника конкурса зависит от многих факторов, степень влияния которых исследована на основе как открытых, так и собранных автором данных конкурса «Учитель года России» как самого статусного из всех проводимых на данный момент конкурсов. Проведено исследование влияния на результат таких факторов, как регион участника, преподаваемый им предмет, пол, возраст, стаж работы и статус образовательного учреждения. Подробно рассматриваются изменения в концепции проведения конкурсных испытаний и подходов к их оцениванию за всю историю проведения конкурса. Автор предлагает свой подход к результативности, рассматривая не только абсолютную победу, как традиционно принято в конкурсном движении, но и достижение званий «лауреат» и «призёр». Такой подход позволяет переосмыслить стереотипы в подготовке учителей к конкурсным испытаниям и повысить мотивацию к участию в подобных мероприятиях.

Ключевые слова: конкурс профессионального мастерства, учитель года, результативность участия

Для цитирования: Капалкина Ю. А. Факторы, влияющие на успешность в конкурсах профессионального мастерства // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 7–14. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-7-14.

Original article

FACTORS INFLUENCING THE SUCCESS IN PROFESSIONAL SKILLS COMPETITIONS

Yulia A. Kapalkina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, julia_kool77@mail.ru

Abstract. This article deals with professional mastery competitions in Russian education as an important part of the national system of teacher growth. The annual wide participation in them and the constant rotation of the participants allow us to speak about the contests as the most effective way of the teachers' professional development. The performance of a contestant depends on many factors, the degree of influence of which is studied on the basis of both open and collected by the author data of the contest "Teacher of the Year of Russia", as the most status of all competitions held at the moment. The influence of such factors as participant's region, teaching subject, gender, age, work experience and status of educational institution on the result is investigated. Changes in the concept of competitive tests and approaches to their evaluation throughout the history of the competition are discussed in detail. The author offers his own approach to performance, considering not only absolute victory, as traditionally accepted in the competition movement, but also the achievement of the titles "laureate" and "prizewinner". This approach allows us to rethink stereotypes in the preparation of teachers for competitive tests and increase motivation to participate in such events.

Keywords: professional mastery contest, teacher of the year, performance of participation

For citation: Kapalkina YA. Factors influencing the success in professional skill competitions. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22):7-14. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-7-14. (In Russ.).

Введение

Современное российское образование стоит на пороге больших перемен. На наших глазах в течение последних лет в государственной политике происходят перемены, призванные вывести образование нашей страны в десятку мировых лидеров.

Достижение такой амбициозной цели невозможно без привлечения всей системы образования страны, начиная с рядовых учителей. Именно поэтому с 2017 г. началось формирование Национальной системы учительского роста (НСУР), которая является в первую очередь государственной гарантией развития и поддержки учителя. НСУР выступает в качестве главного интегратора педагогической жизни страны, укрепляя единое образовательное пространство.

Неотъемлемой частью НСУР, её неоценимым ресурсом является целостная система конкурсного движения в системе образования. В контексте НСУР конкурсы профессионального мастерства рассматриваются не как разовое мероприятие с определением победителей, а как целенаправленная системная работа с учителями. При поддержке и участии Министерства просвещения РФ ежегодно проводится ряд конкурсов:

- «Учитель года России»;
- «Воспитатель года»;
- «Директор года»;
- Конкурс лучших учителей (с вручением денежной премии);
- «Педагог-психолог»;
- «За нравственный подвиг учителя» (совместно с РПЦ);
- «Сердце отдаю детям» (для педагогов дополнительного образования);

а в последние годы появились и конкурсы с частными учредителями, также вошедшие в Федеральный перечень Всероссийских конкурсов профессионального мастерства. В этом году, объявленном Президентом России Годом педагога и наставника, по просьбам учителей начальной школы проводится специальный конкурс «Первый учитель».

Об особом внимании к конкурсам профессионального мастерства свидетельствует то, что полномочия единого оператора основных мероприятий в 2023 г. были переданы Государственному

университету просвещения для единого подхода к проведению и оцениванию конкурсных испытаний.

Основная часть

Несмотря на различные форматы проведения и обширную номенклатуру различных конкурсов в Федеральном перечне, их объединяет то, что сами по себе они становятся самым интенсивным и продуктивным путём повышения квалификации педагогов.

Периодичность повышения квалификации регулируется работодателем и определяется по мере необходимости, но не реже одного раза в пять лет (п. 2.8 Требований к содержанию дополнительных профессиональных образовательных программ (утв. приказом Минобрнауки РФ от 18 июня 1997 г. № 1221)). Тем не менее зачастую подобные курсы неинтересны учителю, а значит, при их прохождении отсутствует именно внутренняя мотивация педагога. Такого рода повышение квалификации становится фикцией и существует только на бумаге, ничего не меняя в работе учителя.

Участие же в конкурсе профессионального мастерства действительно мобилизует внутренний ресурс учителя, даёт толчок для саморазвития, а главное — именно желание проявить себя и добиться успеха подключает внутреннюю мотивацию, которая, как известно, играет важную роль для успеха в обучении в любом возрасте.

Важным показателем эффективности конкурсов профессионального мастерства для системы образования в целом является охват педагогического сообщества. Например, по данным 2019 г. на муниципальных этапах конкурса «Учитель года России» приняли участие 21 582 человека, на региональных — 2 882 человека, в финал традиционно вышли 85 представителей всех субъектов Российской Федерации. Таким образом, более 20 тысяч учителей ежегодно проходят совершенно бесплатные неформальные курсы повышения квалификации, образуя сообщество педагогов, ставящих перед собой новые цели и умеющих их достигать.

Вторым таким показателем является ротация: в одном и том же конкурсе предписывается, как правило, участие не чаще одного раза в 3–5 лет. Таким образом, сообщество конкурсных педаго-

гов ежегодно пополняется, а не остаётся в одном и том же составе.

Результативное участие в конкурсах идёт не только в личный зачёт конкурсанта, но и в рейтинговые баллы школы, муниципалитета, региона, в конечном итоге отражаясь на общем статусе педагогов конкретной территории.

Исследования в данной работе опирались на статистику конкурса «Учитель года России» — самого статусного и широко освещаемого в педагогической среде.

Учредителями конкурса «Учитель года России» являются Министерство просвещения РФ, Общероссийский профсоюз образования и «Учительская газета», по инициативе которой он проводится с 1990 г. Историческая статья В. Жукова «Выбираем учителя года» вышла в № 67 от 6.06.1989 и вызвала большой резонанс в педагогическом сообществе. Бурные дискуссии, многочисленные отклики и их серьёзный анализ завершились созданием Положения о конкурсе «Учитель года», подробно описывающего процедуру проведения, которая неоднократно менялась за годы проведения. Это Положение было согласовано и одобрено Госкомитетом СССР по народному образованию и в ЦК КПСС. Такая серьёзная поддержка конкурса и на государственном уровне, и среди простых учителей заложила основу для его дальнейшего становления и развития.

Первые два конкурса в 1990 и 1991 гг. прошли в стране, которой сейчас нет, и дали звания учителя года СССР учителю русского языка из Тульской области Александру Сутормину и физику из Минска Валерию Гербутову.

В 1992 и последующих годах конкурс стал всероссийским и ежегодным, и кроме тестирования, собеседования и урока конкурсанты должны были представить любую творческую работу, что позволило выявлять именно творческих учителей, как и заявлялось в целях мероприятия.

В 1993 г. в конкурсные испытания вводится сценический урок со взрослыми, который выступал как творческая лаборатория для участников и не оценивался жюри. Однако именно такое занятие стало прототипом самого интересного современного конкурсного испытания — мастер-класса. В этом же году появился и нагрудный знак финалиста, специально разработанный художником Б. Л. Старисом.

С 1994 г. введено действующее и поныне правило: на финал от каждого региона приглашается только один участник, ставший победителем регионального этапа конкурса. Знаменателен этот

год и тем, что Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина за результативное участие финалисты награждались премиями — от 4 до 6 тарифных ставок, продления на дальнейшие годы не было.

В 1995 г. вводятся новые правила: всем конкурсантам предписывается участие на всех этапах конкурса, начиная со школьного, при этом испытания включают в себя защиту опыта работы, конкурсный урок с самоанализом. Возникает малое жюри, отбирающее 15 лауреатов, и большое жюри, выбирающее 5 победителей и абсолютного победителя. С этого года и по наши дни председателем большого жюри является ректор МГУ В. А. Садовничий. Кроме того, именно в 1995 г. с лауреатами конкурсов 1993–1995 гг. встретился Президент РФ Б. Н. Ельцин.

С 1996 г. в конкурс вводится письменное испытание: предлагается написать творческую работу по одной из предложенных тем и статью для научно-методического журнала. Для лауреатов добавляется пресс-конференция с журналистами и большим жюри.

1997 и 1998 годы приносят первые победы финалистам из Москвы и Санкт-Петербурга. Конкурсные испытания проводятся на базе Учебного центра ЦК Профсоюза агропромышленного комплекса в Подмоскowie. В 1999 г. проходит десятый, юбилейный конкурс, который подвёл итоги первого десятилетия. В самые сложные, 90-е годы прошлого века конкурс не просто выжил, но и получил самое широкое признание в педагогической среде и серьёзную государственную поддержку на самом высоком уровне.

За первые десять лет конкурс постепенно расширял географию и выполнял свою сверхзадачу — поиск новых ярких имён в педагогической среде, «моцартов в педагогике», как метко назвала их заместитель главного редактора «Учительской газеты» И. Г. Димова, участвующая в оргкомитете с первых лет проведения и по сей день.

В 2001 г. главные учредители конкурса и его партнёры создали НКО «Фонд поддержки российского учительства», президентом его стал В. В. Рябов, ректор МПГУ. Именно эта организация до 2008 г. осуществляла организационно-техническое сопровождение конкурса, или, как это сейчас принято называть, стала оператором конкурса. Фонд стал инициатором новых проектов, в том числе и конкурсных: «Лучшие школы России», «Лидер в образовании», «Педагогический дебют».

В это же время работа по подготовке московских учителей к конкурсу «Учитель года Москвы»

и дальнейшему участию в финале приобретает системный характер: привлекаются специалисты, создаются специальные структуры в московском образовании. Именно это позволило московским учителям стать безусловными лидерами в результативности, как будет показано далее.

В 2002 и 2003 гг. апробируются новые конкурсные испытания, позволяющие раскрыть конкурсанта не только как предметника, но и как воспитателя, тьютора, психолога, коммуникатора — так называемые проблемные номинации.

Вновь разворачиваются бурные дискуссии по вопросам изменений в конкурсе на страницах «Учительской газеты» и журнала «Учитель года: лучшее от лучших», который начал выходить в 2001 г. В 2002 г. однократно отказались от выбора именно 15 полуфиналистов, решив дать такую возможность всем достойным, набравшим максимум баллов. Их оказалось 26, все они традиционно встретились с Президентом РФ В. В. Путиным.

В 2003 г. конкурсанты давали по два открытых урока: предметный (20 минут) и проблемный (30 минут), причём тему по предмету выбирали строго по плану школы, в которой проводился урок. Московские школьники в 2003 г. участвовали более чем в 200 конкурсных уроках. И впервые закрытие конкурса прошло в Государственном Кремлёвском дворце с трансляцией на Первом канале ТВ.

В 2004 г. конкурсные испытания были структурированы в иной логике. Тур «Учитель-предметник» предусматривал проведение урока по предмету, презентацию опыта работы и хобби-клуб. Тур «Учитель учителей», в который прошли 39 финалистов, предполагал проведение мастер-классов.

2004 год стал примечателен утверждением Положения о Всероссийском конкурсе «Учитель года России», которое и в наше время определяет и регламентирует статус конкурса как всероссийского. На его основе каждый год разрабатывается и утверждается Порядок проведения заключительного этапа.

Абсолютным победителем конкурса «Учитель года России — 2004» стал учитель русского языка и литературы из Калининграда Евгений Славгородский, и именно тогда было принято решение проводить финал на родине победителя.

С этого момента абсолютная победа несла не только честь и славу, но и серьёзную ответственность за проведение заключительного этапа на достойном уровне для принимающего региона. Это стало ещё одним негласным критерием отбо-

ра финалистов, именно потому в данном исследовании не делается особенной разницы между статусом результативного участника.

С 2009 г. все конкурсные испытания начинают транслироваться в режиме реального времени в Интернете. Этот юбилейный конкурс закрепил открытость конкурсных испытаний как один из концептуальных принципов проведения.

Таким образом, второе десятилетие проведения конкурса запомнилось поиском оптимальных форм проведения, созданием специального фонда, осуществляющего функции оператора, а также расширением географии проведения финала на родине абсолютного победителя. Прорывом десятилетия стало освещение конкурса в Интернете, создание специального сайта конкурса. Ширится послеконкурсное движение, которое дало начало организации клуба «Учитель года России».

В 2010–2014 гг. структура и логистика проведения конкурса оставались неизменными. В 2014 юбилейном году оператор и соучредитель конкурса «Учительская газета» совместно с учёными, методистами, победителями прошлых лет разработала новую модель проведения. Ведь именно в эти годы разрабатывались и внедрялись новые ФГОС, был принят закон «Об образовании», профессиональный стандарт педагога. Эти фундаментальные изменения всей системы образования не могли не отразиться на таком авторитетном профессиональном состязании, которое за 25 лет получило профессиональное и общественное признание.

Важнейшее положение ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» о поддержке непрерывного образования на протяжении всей жизни отразилось в девизе конкурса: «Учить учиться».

Проведение финала конкурса было разделено на два этапа: заочный и очный. Заочный этап назывался «Методическое портфолио» и включал три испытания: «Интернет-ресурс», «Методический семинар» и эссе «Я — учитель».

Очный этап состоял из трёх туров: «Учитель-профи» с заданием «Урок»; «Учитель-мастер» с заданиями «Мастер-класс», «Педагогический совет», «Образовательный проект»; и «Учитель-лидер» с заданием «Круглый стол образовательных политиков».

Таким образом, восемь основных форм проведения были объединены общей логикой и внутренне взаимосвязаны, а также позволяли оценить конкурсантов с точки зрения компетентностного подхода в преподавании, организации конструктивных коммуникаций всех участников образовательного процесса и умения организовать про-

ектную деятельность. В 2018 г. введено испытание «Классный час», которое в 2019 г. было заменено на «Внеурочное занятие», отражая внимание к воспитательному компоненту обучения.

Эта модель прошла апробацию в 2015 г., не вызвала принципиальных возражений в педагогической среде и применялась вплоть до юбилейного, тридцатого конкурса включительно, прошедшего в 2019 г. в Грозном.

Таким образом, третье десятилетие проведения конкурса было в основном связано с модернизацией модели его проведения, учитывающей как изменения в системе образования, так и социальный запрос к педагогам. Конкурс стал осуществлять пропаганду педагогических идей и достижений, став рупором лидеров образования страны.

В 2020 г. в проведение конкурса вмешалась пандемия коронавируса. Привычные сроки проведения (конец сентября — начало октября) были вынужденно сдвинуты на январь 2021 г., структура конкурсных испытаний изменена: упразднены испытания заочного тура, «Круглый стол образовательных политиков» был переименован в «Вопрос учителю года», окончательно закрепился «Классный час».

В последние годы учитель находится в зоне особого внимания в соцсетях и медийном пространстве вообще, прошла череда громких скандалов в области интернет-этикета в отношении педагогов. В связи с этим в 2021 г. вместо «Интернет-ресурса» вводится испытание «Медиавизитка» в заочном туре, упраздняется эссе. В 2022 г. по просьбам экспертов и конкурсантов медиавизитка становится нецениваемым испытанием в связи с неравнозначными условиями в разных регионах.

В 2023 г. снова появились изменения в процедуре проведения: в первом очном туре конкурсантам предстоит «Педагогический диктант» (это испытание прошло широкую апробацию в 2020 г. в очно-заочной форме), затем испытание воспитательной направленности — «Разговор со школьниками» и традиционный урок в том же классе.

За 34 года проведения конкурса «Учитель года России», подобно живому организму, рос и менялся, отвечая всем изменениям в системе образования и в стране в целом. Успешность в этом конкурсе стала одним из маркеров качественной подготовки педагогов и желаемым результатом для любого региона.

Даже систематическая подготовка без учёта основных факторов успешности может оказаться безрезультатной. Постоянные изменения в процедуре проведения не дают возможности

серьёзно сравнивать статистику в разные годы, но проследить явные тенденции всё же можно. Будем называть результативным участием выход в число лауреатов, а не только абсолютных победителей.

Открытые данные по конкурсу «Учитель года России» не дают возможности провести их анализ: данные разрознены, статистика результативности как выхода в число лауреатов ведётся с 2009 г. Автору удалось полностью восстановить всех результативных участников с 1997 г. с помощью архивов «Учительской газеты» и свидетельств очевидцев. Всего были проанализированы данные около 2000 конкурсантов, рассмотрено влияние основных факторов, которые могут быть учтены при подготовке.

1. Влияние фактора региона несколько переоценено из-за традиционного внимания только к абсолютным победителям: при таком подходе лишь 20 регионов с лидерством Санкт-Петербурга, Москвы, Московской и Челябинской областей могут считаться успешными. Рассмотрев результативное участие в широком смысле, получим, что количество регионов, не подготовивших ни одного результативного конкурсанта, составляет примерно восьмую часть от общего количества регионов страны. Кроме того, в лидеры по общей результативности попадают уже 22 региона (на первом месте — Москва), многие из них не подготовили абсолютного победителя, но давали постоянный стабильный результат. Распределение же результативности по годам в отдельно взятом регионе позволяет судить о наличии или отсутствии методической работы с участниками конкурса в тот или иной год.

Отметим, что лидер данного рейтинга (Москва) почти каждый год выступает на конкурсе результативно, что, без сомнения, связано с систематической работой по подготовке конкурсантов с 2001 г.

Вывод: результативность участия безусловно зависит от региона конкурсанта именно в контексте проводимой системной работы. При её наличии результативность региона стабильна, при отсутствии — единична и случайна. Анализ результативности региона только по абсолютным победителям принципиально неверен и даёт искажённое представление об успешности в конкурсе.

2. Влияние предмета, преподаваемого конкурсантом, достаточно велико на региональных этапах любого конкурса. При отборе финалиста региональные жюри зачастую руководствуются сомнительными тезисами о том, что некоторые

предметы являются неудачными для участия. Проще всего бывает заглянуть в статистику по абсолютным победителям, которая может несколько ввести в заблуждение о невозможности победы, например, учителей химии или физической культуры. Ведь абсолютными победителями были учителя, преподающие русский язык, математику, историю и обществознание, физику, музыку, биологию, иностранный язык, технологию, предметы начальной школы и информатику (по убыванию их количества).

Рассматривая теперь этот фактор в контексте общей результативности, получаем, что абсолютно все предметы школьного курса имеют ненулевую результативность, при этом сохраняется лидерство русского языка, историки обгоняют математиков, а начальные классы, традиционно считающиеся провальными на конкурсах, оказываются на почётном четвёртом месте.

Кроме того, получено, что количество результативных участников по отдельно взятому предмету коррелирует с общим количеством конкурсантов, преподающих этот предмет. Однако выявлена сравнительно низкая результативность учителей иностранных языков, а также истории и обществознания — доля результативных участников значительно меньше их доли от общего количества. Это расхождение не особенно удивительно для тех, кто следит за конкурсом: в последние годы по этим предметам значительно увеличилось общее количество участников. Причины тут разные — от возможно плохого понимания иностранного языка членами жюри до актуальности изучения истории, провозглашённой на государственном уровне.

Расчёт коэффициента эффективности по каждому предмету отдельно даёт следующие результаты. Самый высокий коэффициент эффективности у учителей технологии: в конкурсе их за всю историю было немного, и пятая часть дала результат (в том числе абсолютный). На это следует обратить внимание при подготовке. В лидерах по-прежнему остаются математика и русский язык, что говорит о высоком качестве подготовки конкурсантов по этим предметам. Неожиданным становится эффективность участия учителей информатики: они даже обогнали филологов, при этом участвуют в конкурсе не с самого начала его проведения.

Большинство предметов показывают примерно одинаковую эффективность, при этом ожидаемо невысокие коэффициенты эффективности у преподавателей иностранных языков и истории

и обществознания: их очень много среди участников вообще по сравнению с результативными участниками.

Вывод: в педагогическом сообществе явно переоценены конкурсные возможности иностранных языков, истории и обществознания и недооценён потенциал учителей начальных классов, информатики и предметов естественно-научного цикла. В целом количество результативных участников по любому предмету коррелирует с общим количеством таких предметников.

3. Влияние гендерного фактора на успешность в конкурсе считается традиционно высоким, и это справедливо, если рассматривать абсолютных победителей: мужчин — 28, женщин — 9. Учитывая то, что среди педагогов 82 % составляют женщины (по данным исследования ВШЭ, 2020), но при этом в сфере образования наблюдается явная вертикальная сегрегация (мужчин мало, но они занимают высшие должности), такой результат вполне допустим, хотя многим кажется несправедливым. Тем не менее, рассматривая результативность в широком смысле, видим, что гендерное распределение среди результативных участников вполне коррелирует с общим количеством мужчин и женщин, как в целом за историю конкурса, так и по отдельно взятым годам. Таким образом, влияние гендерного фактора сильно переоценено. Тем не менее при подготовке конкурсантов следует учитывать традиционно большую нагрузку домашними делами среди женщин по сравнению с мужчинами, поэтому целесообразно проводить выездные интенсивы для конкурсантов с полным погружением в подготовку к конкурсным испытаниям.

4. Следующие два важных фактора рассмотрим параллельно вследствие их взаимосвязанности — это возраст и стаж работы. Как правило, между ними существует прямая зависимость: чем больше возраст, тем больше стаж, и наоборот. В последнее время среди участников наблюдаются случаи среднего возраста и небольшого стажа, так бывает, когда человек приходит в образование из других отраслей. Кстати, такие конкурсанты бывают очень интересными в конкурсных испытаниях и часто добиваются результата.

Анализ данных показал, что среди всех финалистов конкурса всегда самой многочисленной была группа от 30 до 40 лет. Группа молодых учителей всегда была меньше группы возрастных учителей, но разность между ними имеет тенденцию к уменьшению.

Среди результативных участников группа от 30 до 40 лет тоже самая многочисленная. Однако если

до 2012 г. результативных молодых учителей было 1–2, и даже два года такая возрастная группа вообще отсутствовала, то после 2012 г. идёт явное возрастание этой группы с уменьшением числа учителей возраста более 40 лет (в 2021 г. до нуля). Таким образом, имеет место тенденция к уменьшению возраста среди результативных участников.

Анализ данных по стажу участников позволяет сделать вывод о том, что с 2006 по 2017 г. среди всех участников конкурса учителей со средним стажем и стажистов было примерно поровну, а в 2011–2015 гг. стажистов было даже больше. Начиная с 2017 г. доля стажистов значительно уменьшается, но остаётся более многочисленной, чем группа молодых специалистов.

Среди результативных участников с 2005 по 2009 г. учителя со средним стажем — самые многочисленные, в 2010 и 2011 г. увеличилась доля стажистов, а с 2012 г. снова вырастает по численности группа со средним стажем, оставаясь самой большой и в наши дни. Доля стажистов стремительно уменьшается до 2–3 человек, в 2019 их совсем нет среди лауреатов. Доля молодых специалистов до 2014 г. остаётся в пределах 1–2 человек, затем идёт постепенное увеличение до максимума в 2019 г., и последние два года их количество снижается, но остаётся всё же больше, чем учителей со стажем.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что среди финалистов и лауреатов самой многочисленной группой являются учителя со средним стажем работы, имеется тенденция к уменьшению доли стажистов среди результативных участников с увеличением числа молодых специалистов.

5. В последнее время большое внимание на государственном уровне уделяется развитию сель-

ских школ. В связи с этим было интересно проследить, как повышенное внимание к образованию на селе будет влиять на результативность конкурсантов, представляющих именно сельские школы. Анализ влияния статуса школы показал, что:

1. Доля сельских учителей среди участников всегда значительно ниже чем городских, заметных тенденций к их увеличению нет. Общее число сельских учителей составляет примерно четверть от общего количества.

2. Доля сельских учителей среди результативных участников ещё ниже, чем среди всех финалистов. Выраженных тенденций к увеличению нет. Общее число сельских учителей составляет примерно пятую часть от общего числа лауреатов. В 2022 г. среди результативных участников сельских учителей не было совсем.

Таким образом, внимание к сельской школе не отражается на уровне подготовки сельских конкурсантов.

Заключение

Среди рассмотренных факторов, влияющих на результативность участия в конкурсе, подтвердили свою значимость факторы возраста и стажа работы. Новый подход к анализу результативности участников позволяет переосмыслить традиционно приписываемое влияние остальных факторов: расширена география регионов-лидеров по результативности, доказано слабое влияние фактора выбора предмета и гендерного фактора, а также отсутствие влияния реформ в сельских школах на уровень подготовки сельских конкурсантов.

Список источников

1. Димова И. Г. Окрыляющая педагогика. «Учитель года»: жизнь в конкурсе и после него. Ярославль, «Академия 76», 2022. 599 с.
2. Кнорре Дмитриева К. Учителя — учителям. М. : Точка, 2017. 392 с.
3. Кнорре Дмитриева К. Учителя — родителям. М. : Точка, 2017. 248 с.
4. Конкурс «Учитель года»: история в лицах и фактах / редкол. : В. В. Рябов, И. Г. Димова, Е. М. Пахомова и др. М. : Книгодел ; МГПУ, 2021. 372 с.
5. Заир-Бек С. И., Ангинов К. М. Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям : информационный бюллетень. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 44 с.

References

1. Dimova IG. Okrylyayushchaya pedagogika. "Uchitel' goda": zhizn' v konkurse i posle nego [Enlivening Pedagogy. "Teacher of the year": life in the contest and after it]. Yaroslavl, Academy 76 Publ.; 2022. 599 p. (In Russ.).
2. Knorre Dmitrieva K. Uchitelya — uchitelyam [Teachers to teachers]. Moscow, Publishing Group "Tochka", 2017. 392 p. (In Russ.).

3. Knorre Dmitrieva K. Uchitelya — roditelyam [Teachers to parents]. Moscow, Publishing Group “Tochka”, 2017. 248 p. (In Russ.).

4. Konkurs “Uchitel’ goda”: istoriya v litsakh i faktakh [Contest “Teacher of the Year”: History in Persons and Facts]. Ed. by VV Ryabov, IG Dimova, EM Pakhomova et al. Moscow, KNigodel; Moscow State Pedagogical University, 2021. 372 p. (In Russ.).

5. Zair-Bek SI, Anchikov KM. Shkol’nyye uchitelya v izmenyayushchikhsya usloviyakh: adaptivnost’ i gotovnost’ k innovatsiyam: informatsionnyy byulleten’ [School teachers in changing conditions: adaptability and readiness to innovations: information bulletin]. Moscow, Higher School of Economics, 2022. 44 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. А. Капалкина — магистрант кафедры психологии.

Information about the author

J. A. Kapalkina — graduate student of the Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; принята к публикации 25.06.2023.

The article was submitted 15.05.2023; accepted for publication 25.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 378.147.34

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-15-19

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Светлана Анатольевна Караваева

Челябинский государственный университет, Троицкий филиал, Троицк, Россия, karavaeva-s@mail.ru, ORCID: 0009-0003-6585-3944

Аннотация. В условиях снижения уровня культуры личности в постиндустриальном обществе всё более важное значение приобретает проблема формирования у подрастающего поколения духовно-нравственных ценностей. Рассматривается сущность таких понятий, как духовность, нравственность, духовно-нравственные ценности. Определены пути и условия формирования духовно-нравственных ценностей у обучающихся.

Ключевые слова: духовность, нравственность, ценности, духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Караваева С. А. Формирование духовно-нравственных ценностей у студентов вуза // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 15–19. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-15-19

Original article

FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES AMONG UNIVERSITY STUDENTS

Svetlana A. Karavaeva

Troitsk branch of Chelyabinsk State University, Troitsk, Russia, karavaeva-s@mail.ru, ORCID: 0009-0003-6585-3944

Abstract. In the context of a decrease in the level of personality culture in a post-industrial society, the problem of the formation of spiritual and moral values in the younger generation is becoming increasingly important. The essence of such concepts as spirituality, morality, spiritual and moral values is considered. The ways and conditions for the formation of spiritual and moral values among students are determined.

Keywords: spirituality, morality, values, spiritual and moral values

For citation: Karavaeva SA. Formation of spiritual and moral values among university students. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2023;(2(22)):15-19. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-15-19. (In Russ.)*

Введение

В настоящее время образовательная система, как один из социокультурных и духовных феноменов, вступила в новый этап своего развития, связанный с изменением ценностных ориентаций не только у подрастающего, но и у старшего поколения. В современных психолого-педагогических исследованиях подчёркивается факт существующего разрыва между предметно-технической, социально-функциональной компетентностью современного человека и его гуманитарной образо-

ванностью, «отражающей способность брать ответственность за собственное культуросообразное, духовно-нравственное саморазвитие, осознавать свои отношения с миром, свои поступки и деятельность, конструктивно решать профессиональные и личностные задачи».

Основная часть

Одним из наиболее перспективных подходов к решению обозначенных проблем, на наш взгляд, является развитие духовно-нравственных ценностей студентов вуза в процессе их профессиональной подготовки.

В научной литературе существует множество подходов к определению ценности. Так, по определению В. И. Плотникова, «ценность — это сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от сознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать “иное” и сохранять в памяти прошлое» [14, с. 34].

Д. А. Леонтьев считает, что ценность — это «духовный или материальный объект, имеющий определённую жизненную цену и способный удовлетворить интересы и потребности личности и общества» [11, с. 16].

Анализ философской, психолого-педагогической литературы показывает, что ценностные ориентации являются стержнем духовно-нравственного развития личности.

А. Маслоу, изучая проблему ценностей и ценностных ориентаций, пришёл к следующим выводам: на основе предпочтений отдельных людей нельзя судить о ценностях не только общества, но и отдельных социумов; характер ценностей зависит от потребностей людей и конкретного социума; иерархия ценностей зависит от иерархии потребностей личности и социума; самоактуализация выступает как самооценочность личности, как средство саморазвития личности [13].

Н. А. Бердяев, разрабатывая проблему нравственных ценностей, пришёл к выводу, что человек представляет абсолютную ценность и всякое его творчество значимо, а значит, и ценно [4].

Известный педагог К. Д. Ушинский подчёркивал, что воспитание нравственности составляет главную задачу воспитания, причём более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями [15].

М. Рокич и И. В. Дубровина выделяют терминальные — ценности цели и инструментальные ценности — ценности средств [8].

У В. А. Ядова терминальные ценности — это друзья, любовь, здоровье, мир, мудрость, общественное признание, личностная позиция, познание, работа, свобода, самостоятельность, семья, инструментальные — воля, аккуратность, воспитанность, жизнедеятельность, исполнительность, непримиримость, образованность, терпимость, чуткость [18].

С. И. Маслов к нравственным ценностям относит такие ценности, как «добро, справедливость, свобода, милосердие, мир, честность, верность, долг, благодарность. Например, такие ценности,

как любить Родину, чтить отца и мать, могилы и памятники предков, не нуждаются в доказательствах, в их рациональном обосновании, они имеют чувственную основу» [13].

И. М. Дуранов к духовным ценностям относит «и идеал личности, как гражданина и патриота, выступающего как образец, цель и результат воспитания» [7, с. 95]. В педагогической деятельности важно понимание ценности как идеала, принятого личностью, как значимого для неё явления, понятия, установки.

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что ценность трактуется как реальный предмет, полезный субъекту, как идеал, как значимость.

Существует несколько взглядов на определение духовности.

Например, в психологическом словаре И. М. Кондакова духовность определяется как «высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами её жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» [10, с. 253].

Духовность в общем смысле определяется как совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии, в публицистике «духовностью» часто называют «объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода... укрепление духовности осуществляется в процессе просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы» [16].

В энциклопедическом словаре педагога духовность личности определяется как высший уровень самосознания, саморазвития и саморегуляции личности, когда основными ориентирами становятся непреходящие человеческие ценности, стремление к творчеству, а также способность и потребность действовать «для других» [3, с. 101].

Н. А. Коваль, «определяя духовность как целостное и динамическое явление, формирующееся через активный поиск истины, добра и красоты в процессе самореализации личности, выделяет критерии духовного развития личности:

– отношение к другому как самооценности, что выражено в таких качествах, как эмпатия, сострадание, сочувствие, правдивость, совесть, общительность, отзывчивость, дружелюбие, доброта, умение владеть собой, душевность, реалистич-

ность в оценке ситуации, самоотдача и др.;

– творческий целенаправленный характер жизнедеятельности, проявляющийся в таких качествах, как миротворчество, альтруизм, деятельная помощь окружающим, соучастие, организация микросреды общения, целеустремлённость, высокая сенситивность, открытость, коллективное творчество и др.;

– духовно-творческая активность личности, где особое значение приобретают воля, высокая самооценка, оптимизм, бодрость, стремление к успеху, гибкость мышления, изобретательность, ответственность перед собой и другими, вера в осуществимость намеченного, потребность в позитивной свободе и др.» [9].

Таким образом, на основе анализа литературных источников мы определяем «духовность» как способность человека осознавать и осмысливать своё предназначение в жизни, свою роль в индивидуальном развитии, полезность своих действий по отношению к людям, к миру в целом.

Вторая составная часть термина «духовно-нравственные ценности» — «нравственность» — отражает его связь с феноменом человеческой деятельностиной составляющей.

Нравственность определяется в педагогическом словаре как «особая форма общественного сознания и вид общественных отношений» [3]. Т. И. Грозова определяет её как «один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм. В отличие от простых норм или традиций нравственные нормы получают обоснование в виде идеалов добра и зла, должного, справедливости и т. д.; системы внутренних прав человека, основанной на гуманистических ценностях доброты, справедливости, порядочности, сочувствия, готовности пойти на помощь» [5, с. 291].

Ю. Г. Черняк считает, что «духовность определяется как устремлённость личности к избранным целям, ценностная характеристика сознания. Нравственность представляет собой совокупность общих принципов поведения людей по отношению друг к другу и обществу. В сочетании они представляют основу личности, где духовность — вектор её движения (самовоспитания, самообразования, саморазвития), она является основой нравственности. Духовность имплицитно несёт в себе оценочный компонент и не может быть понята вне её аксиологических характеристик, она непосредственно связана с аффективно-эмоциональной сферой. Как способность человека к духовной жизни, как сущностная черта, духовность имеет атрибутивный характер (она присуща

всем без исключения человеческим индивидам), однако эта способность заложена в человеке потенциально. Дух может реализоваться в реальных человеческих поступках, в творениях культуры, в духовном переживании...» [17, с. 56].

Итак, под феноменом «нравственная ценность» понимается целостность сознания, сконцентрированная на значимости и важности нравственных норм, принципов, идеалов, определяющая мотивы и потребности индивида, сознательно ориентированная на нравственные цели, выполняя функции оценки и регуляции поведения человека на принципах гуманизма.

В научной литературе существуют различные трактовки понятия «духовно-нравственные ценности». Чаще всего под «духовно-нравственными ценностями» понимают «универсальные общечеловеческие ценности и систему моральных регуляторов поведения человека, таких как совесть, честь, чувство собственного достоинства, долга» [1; 16 и др.].

В Большой психологической энциклопедии даётся следующее определение: «Духовно-нравственные ценности — это установки личности, являющиеся системообразующим элементом ценностных ориентаций, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие её на достижение высших идеалов» [6].

Для религиозно-философского мировоззрения характерно восприятие духовно-нравственных ценностей через божественное начало в человеке. «Главными целями воспитания духовно-нравственных ценностей являются передача культурных ценностей, накопленных личностью, обществом, и привитие способностей для восприятия и принятия культурного наследия. Воспитание духовно-нравственных ценностей должно сформировать подростка как самостоятельную личность, способную реализовать свои планы с помощью собственных ресурсов, потенциала» [16].

Анализ понятий «духовность», «нравственность», «духовно-нравственные ценности» позволил нам дать своё определение понятию «духовно-нравственные ценности»: это универсальные человеческие ценности, на основе которых человек способен осознавать и осмысливать своё предназначение в жизни, свою роль в индивидуальном развитии, полезность своих действий по отношению к людям, к миру в целом.

Опираясь на ряд исследований [1; 2; 7; 16 и др.], мы выделили духовно-нравственные ценности:

эмпатия, сострадание, сочувствие, отзывчивость, умение владеть собой, деятельная помощь окружающим, соучастие, ответственность перед собой и другими.

Мы выделили следующие педагогические условия успешного формирования духовно-нравственных ценностей у студентов университета на основе культурологического, технологического и антропологического подходов:

- формирование мотивации к развитию духовно-нравственных ценностей происходит на основе ценностных установок к познавательной деятельности и самопознанию;
- развитию компонентов духовно-нравственных ценностей способствует разработка дидактического обеспечения процесса формирования духовно-нравственных ценностей;
- интеграция компонентов духовно-нравствен-

ных ценностей осуществляется в процессе использования инновационных образовательных технологий: проблемно-диалоговой, игровой, кейс-стади и др.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что формирование духовно-нравственных ценностей основывается на знаниях этики, религиоведения, юриспруденции, искусствоведения, философии, психологии, педагогики и других гуманитарных наук. Системообразующие ценности гуманитарных наук — гуманизм, идеалы добра, истины, красоты, совершенства, свободы и т. д. Эти ценности имеют решающее значение в целеполагающей деятельности людей, так как поднимают человека от состояния животного эгоизма к всесторонней общественной жизни.

Список источников

1. Аммаева А. А. Духовно-нравственное воспитание личности в сфере профессионального образования // *Современные технологии в мировом научном пространстве : сборник статей Международной научно-практической конференции*. Уфа, 2019. С. 11–13.
2. Андреев В. И. Педагогика : учебный курс для творческого саморазвития. Казань : Центр инновационных технологий, 2012. 600 с.
3. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2014. 456 с.
4. Бердяев Н. А. Самопознание. М. : АСТ, 2007. 123 с.
5. Грозова Т. И. Любовь — путь к совершенству // *Концепт Любовь в духовном опыте человечества : материалы II Межрегиональной научно-практической конференции*. Йошкар-Ола : МарГТУ, МГПИ, МОСУ, 2003. С. 205–209.
6. Дубенюк Н. В. Большая психологическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2015. 471 с.
7. Дуранов И. М., Дуранов М. Е., Жернов В. И., Лешер О. В. Педагогика воспитания и развития личности обучающегося : учебное пособие. Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2001. 335 с.
8. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2014. 512 с.
9. Коваль Н. А., Калинина Е. А. Психология семьи и семейной дезадаптивности. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2007. 351 с.
10. Кондаков И. М. Психологический иллюстрированный словарь. М. : АСТ, 2009. 729 с.
11. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2014. 487 с.
12. Маслов С. И. Дидактические основания духовно-нравственного воспитания // *Педагогика*. 2008. № 9. С. 46–51.
13. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999. 399 с.
14. Плотников В. И. Онтология : хрестоматия. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. 832 с.
15. Ушинский К. Д. Педагогика. Избранные работы. М. : Юрайт, 2020. 258 с.
16. Хасанова Л. Б., Зименс М. Ф. Актуализация ценностей духовно-нравственного воспитания детей и подростков в современных условиях // *Техническое творчество молодёжи*. 2016. № 2 (96). С. 58–60.
17. Черняк Ю. Г. Социальные риски молодёжи. Минск : Право и экономика, 2009. 159 с.
18. Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 47–50.

References

1. Ammaeva AA. Spiritual and moral education of a person in the field of vocational education. In: Modern technologies in the world scientific space: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa; 2019. Pp. 11–13. (In Russ.).
2. Andreev VI. Pedagogika: uchebnyy kurs dlya tvorcheskogo samorazvitiya [Pedagogy: A training course for creative self-development]. Kazan, Center of Innovative Technologies; 2012. 600 p. (In Russ.).
3. Bezrukova VS. Osnovy dukhovnoy kul'tury (entsiklopedicheskiy slovar' pedagoga) [Fundamentals of spiritual culture (encyclopedia dictionary of a teacher)]. Ekaterinburg; 2014. 456 p. (In Russ.).
4. Berdyayev NA. Samopoznaniye [Self-knowledge]. Moscow, AST; 2007. 123 p. (In Russ.).
5. Grozova TI. Love is the path to perfection. In: Kontsept Lyubov' v dukhovnom opyte chelovechestva. Materialy II Mezhtsebnogo nauchno-prakticheskoy konferentsii [Concept of Love in the spiritual experience of mankind: Materials of the II Interregional scientific and Practical Conference]. Yoshkar-Ola; 2003. Pp. 205–209. (In Russ.).
6. Dubenyuk NV. Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya [Big Psychological Encyclopedia]. Moscow, Eksmo; 2015. 471 p. (In Russ.).
7. Duranov IM, Duranov ME, Zhernov VI, Leshchov OV. Pedagogika vospitaniya i razvitiya lichnosti obuchayushchegosya: uchebnoye posobiye [Pedagogy of education and development of the student's personality]. Magnitogorsk, Publishing House of the Magnitogorsk State University; 2001. 335 p. (In Russ.).
8. Ilyin EP. Motivation and motives. St. Petersburg, Peter; 2014. 512 p. (In Russ.).
9. Koval NA, Kalinina EA. Psikhologiya sem'i i semeynoy dezadaptivnosti [Psychology of family and family maladaptivity]. Tambov, Publishing House of TSU; 2007. 351 p. (In Russ.).
10. Kondakov IM. Psikhologicheskii illyustrirovannyi slovar' [Psychological illustrated dictionary]. Moscow, AST; 2009. 729 p. (In Russ.).
11. Leontiev DA. Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Sense; 2014. 487 p. (In Russ.).
12. Maslov SI. Didactic foundations of spiritual and moral education. *Pedagogika* [Pedagogy], 2008;(9):46-51. (In Russ.).
13. Maslow A. Mtivatsiya i lichnost' [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Eurasia; 1999. 399 p. (In Russ.).
14. Plotnikov VI. Ontologiya: khrestomatiya [Ontology: A textbook]. Moscow, Academic project; Yekaterinburg, Business book; 2004. 832 p. (In Russ.).
15. Ushinsky KD. Pedagogika. Izbrannyye raboty [Pedagogy. Selected works]. Moscow, Yurayt Publishing House; 2020. 258 p. (In Russ.).
16. Khasanova LB, Zimens MF. Actualization of values of spiritual and moral education of children and adolescents in modern conditions. *Tekhnicheskoye tvorchestvo molodezhi* [Technical creativity of youth], 2016; (2):58-60. (In Russ.).
17. Chernyak YG. Sotsial'nyye riski molodezhi [Social risks of youth]. Minsk, Law and Economics; 2009. 159 p. (In Russ.).
18. Yadov VA. Transformation of post-Soviet societies: what is more significant — historically traditional or recent past. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2014;(7):47-50. (In Russ.).

Информация об авторе

С. А. Караваева — доцент департамента образования.

Information about the author

S. A. Karavaeva — Associate Professor of the Department of Education.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 07.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 379.8

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-20-25

СОБЫТИЙНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Нина Витальевна Маркина¹, Ирина Леонидовна Качуро ²

¹Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования, Челябинск, Россия; ООО «Издательский дом “Методист”», Москва, Россия, nvmark@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5396-9785

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kachuro@list.ru, ORCID: 0000-0002-8075-1375

Аннотация. В исследовании представлены результаты сравнительного анализа структуры ценностно-смысловых установок подростков, обладающих различным опытом погружения в образовательное пространство детско-творческих объединений (более трёх лет и менее одного года), в том числе выявление особенностей реализации творческого потенциала и жизненных сценариев современных подростков. Доказано, что ценность субкультуры детского творческого коллектива не только способствует трансформации ценностно-смысловых установок подростков, но и выступает ресурсом воспроизводства значимых для этого коллектива ценностей и смыслов.

Ключевые слова: образовательное событие, механизмы трансформации, ценностно-смысловые установки, детско-творческие объединения, подростки

Благодарности. Авторы выражают благодарность специалистам ФГБОУ ДО «Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей» (Москва) за сотрудничество в рамках пилотного проекта Министерства просвещения РФ по теме «Информационно-методическое сопровождение национальной кадровой инициативы “Открытое дополнительное образование”».

Для цитирования. Маркина Н. В., Качуро И. Л. Событийные механизмы трансформации ценностно-смысловых установок современных подростков // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 20–25. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-20-25

Original article

EVENT MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF VALUE-SEMANTIC ATTITUDES OF MODERN ADOLESCENTS

Nina V. Markina¹, Irina L. Kachuro ²

¹Chelyabinsk Institute for Retraining and Advanced Training of Educators, Chelyabinsk, Russia, nvmark@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5396-9785

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kachuro@list.ru; ORCID: 0000-0002-8075-1375

Abstract. The study presents the results of a comparative analysis of the structure of value-semantic attitudes of adolescents with different experiences of immersion in the educational space of children's creative associations (more than three years and less than one year), including the identification of features of the realization of creative potential and life scenarios of modern adolescents. It is proved that the value of the subculture of the children's creative team not only contributes to the transformation of the value-semantic attitudes of adolescents, but also acts as a resource for the reproduction of value and meanings that are significant for this team.

Keywords: educational event, transformation mechanisms, value-semantic attitudes, children's creative associations, teenagers

Acknowledgments. The authors express their gratitude to the specialists of the Federal Center for Additional Education and Organization of Recreation and Recreation of Children (Moscow) for their cooperation in the framework of the pilot project of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic “Information and methodological support for the national personnel initiative ‘Open Additional Education’”.

For citation: Markina NV, Kachuro IL. Event mechanisms of transformation of value-semantic attitudes of modern adolescents. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22):20-25. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-20-25. (In Russ.).

Введение

Воспитание в духе уважения к традиционным ценностям как ключевой инструмент государственной политики в области образования и культуры как никогда необходимо сегодня для формирования гармонично развитой личности¹. Оно предполагает формирование у детей ценностно-активного положительного отношения к жизни на основе готовности и способности в ситуации постоянного выбора действовать исходя из этнокультурной и национальной традиции в глобальных цивилизационных процессах.

Модель поведения, способная не только обеспечить нормальную адаптацию и комфортное существование гражданина России в современном обществе, но и содействовать сохранению и укреплению традиционных российских ценностей, должна формироваться в соответствующих условиях.

Актуальным становится формирование образовательного пространства, ориентированного на национально-культурную основу, гуманистическую открытость и личностную направленность в сочетании с воспитанием гражданской ответственности и созидательной активности.

Научные исследования и современная практика показывают, что оптимальное воспитательное пространство формируется путём организации социально-педагогического партнёрства (И. В. Гужва, Н. В. Московская, Е. Н. Никитина, С. Ш. Умеркаева) [1; 6].

Данное направление реализуется в настоящее время в образовательных организациях через формирование системной модели научно-методического и организационно-методического обеспечения поликультурного образования: разработка соответствующего содержания, методик, технологий, форм воспитательной деятельности, дополнительного образования, требований к условиям и результатам. Это требует привлечения участников образовательного процесса, общественности, заинтересованных лиц к созданию эффективной информационной поддержки.

В современных условиях система образования и её педагогический корпус рассматриваются ос-

новным институтом патриотического и гражданского воспитания. Направленность на духовное и социальное воспитание, укрепление гражданской позиции учащихся, формирование общих духовных и нравственных основ национального самосознания детей, общей системы нравственных и культурных ценностей составляет основное содержание всего многообразия форм воспитательной деятельности образовательных организаций [5].

Основу поликультурного пространства образовательной организации составляет воспитательная система, определяющая ключевые воспитательные события, программы и подпрограммы социализации школьников. Её инструментами выступают ученическое самоуправление, социальное проектирование и социальное партнёрство, программы и проекты дополнительного образования.

В настоящее время создаются условия для формирования единого воспитательного пространства России. При этом на уровне каждого образовательного учреждения разрабатываются воспитательные системы, идея которых состоит в том, что духовно-нравственное воспитание — это не просто направление воспитательной деятельности школы, а концептуальная основа воспитания, направленного на объединение усилий всех заинтересованных сторон, неравнодушных к судьбе своей страны в широком понимании, а значит, и к своей собственной судьбе.

Говоря о партнёрстве в воспитании, следует особо выделить деятельность классного руководителя в осуществлении духовно-нравственного воспитания, воспитательное содержание в образовательной деятельности учителей-предметников, педагогов дополнительного образования, а также потенциал взаимодействия с семьёй, общественностью.

Активно иницируются муниципальные и институциональные проекты, выявляющие эффективность воспитательной деятельности в образовательных учреждениях и стимулирующие обновление содержания и технологий образовательных событий.

В ходе таких событий учитываются социокультурные и социально-психологические факторы, определяющие современное качество образования: опора на самостоятельность

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

подростков, их умение делать осознанный выбор и нести ответственность за собственные действия, общественная активность и творческая инициатива, рационализм и эффективность, умение адаптироваться в условиях постоянных общественных изменений, видение ключевых проблем современной жизни и стремление решать их, устанавливая взаимодействие с окружающими людьми [2].

В этом контексте целесообразно ответить на ряд вопросов: 1) связанных с определением ценностно-смысловых оснований деятельности современных подростков; 2) раскрывающих механизмы трансформации их ценностно-смысловых установок; 3) связанных с особенностями событийного механизма вышеобозначенной трансформации. В качестве отдельного вопроса можно обозначить следующее утверждение: можем ли мы рассматривать образовательное пространство современного дополнительного образования детей в качестве событийного механизма динамики личностных и ценностно-смысловых оснований их деятельности.

Это требует уточнения концептуальных основ нашего исследования. В качестве ценностно-смысловых установок личности современного подростка мы будем рассматривать ценности определённого типа поведения: социально-нормативного (трудолюбие, дружба, взаимодействие, познание), адаптивного, инновационно-поискового, творческой направленности и ценности успеха и самоорганизации. На основе конструктивного проявления и реализации инициативности и самостоятельности подростков в более раннем возрасте Э. Берн в рамках транзактного анализа выделяет три типа жизненных сценариев: «Победитель», «Не-победитель» и «Проигравший» [7]. Реализация творческого потенциала как ценность обозначена в дуальной концепции творчества С. В. Максимовой. Развивая идеи концепции неадаптивной активности В. А. Петровского, она вводит понятие «творческая состоятельность», раскрывая его содержание исходя из соотношения «адаптивной активности» (умение реализовать свой потенциал в заданных условиях) и «неадаптивной активности» (творческий потенциал личности) [3].

Методология и методы исследования

Целью нашего исследования является сравнительный анализ структуры ценностно-смысловых установок талантливых подростков, обладающих различным опытом погружения в образователь-

ное пространство детско-творческих объединений, в том числе выявление особенностей реализации творческого потенциала и жизненных сценариев подростков.

Мы исходим из предположения, что погружение подростка в событийно организованное образовательное пространство дополнительного образования задаёт формирование и развитие его ценностно-мотивационной сферы. Развитие затрагивает прежде всего трансформацию его ценностно-смысловых установок. В условиях детского творческого коллектива происходит не только освоение ребёнком содержания образовательной программы, но и включённость в многолетние традиции и культурно-образовательные события детского творческого коллектива, освоение подростком ценностей и норм деятельности соответствующего профессионального сообщества (взаимопомощь, ответственность, наставничество и т. п.).

Эмпирические задачи исследования:

1) сравнительный анализ структуры ценностно-смысловых установок талантливых подростков, обладающих различным опытом погружения в событийно организованное образовательное пространство детского творческого объединения (более трёх лет и менее одного года);

2) изучение особенностей ценности реализации творческого потенциала современных подростков;

3) анализ особенностей жизненных сценариев современных подростков.

Батарея методик: авторская анкета для учащихся, осваивающих сетевые дополнительные образовательные программы (Н. В. Маркина, И. В. Выбойщик, А. С. Гумницкая, Ю. Л. Юсупова и др.); методика «Выбор пословиц» (Н. В. Маркина) [3]; опросник «Творческая состоятельность» (С. В. Максимова) [3]; модификация опросника жизненных сценариев Л. Бейкера [7].

Результаты исследования и обсуждение

Для решения первой задачи в качестве базы исследования выступали ответы на вопросы авторской анкеты для учащихся, осваивающих сетевые образовательные программы дополнительного образования детей, разработанной специалистами проектного офиса ООО «МЭО» (под руководством Н. В. Маркиной) для проведения пилотного исследования образовательных ресурсов разработки региональных карт кадрового резерва. Для исследования ценностно-смысловых установок использована методика «Выбор пословиц»

(Н. В. Маркина)¹. Нами проанализированы ответы 340 подростков 13–15 лет (Красноярский край, Мурманская, Омская, Свердловская области).

Сравнительный анализ данных позволил обнаружить значимые различия в степени выраженности ценности учебной, познавательной деятельности и ценности самоорганизации подростков, обладающих различным опытом погружения в событийно организованное образовательное пространство детского творческого объединения (более трёх лет и менее одного года). Значения коэффициента знаков (Z) равны соответственно 2,084 ($p \leq 0,03$ — ценность учёбы) и 3,35 ($p \leq 0,001$, ценность самоорганизации).

Ценность учёбы (освоения конкретного предметного знания) является системообразующей ценностью социально-нормативного поведения, обеспечивающего воспроизводство менталитета соответствующей субкультуры, ответственности за себя и окружающих. Данный факт актуализирует необходимость и важность погружения современных подростков в развёрнутую во времени позитивную, созидательную деятельность. Процесс познания в данном ключе будет усиливающим фактором в работе педагога.

Ценность самоорганизации деятельности для подростка актуализирована через внимание к вопросам управления своим временем, умением распределить его. Логично, что подростки, занимающиеся по программам дополнительного образования менее одного года, сталкиваются с большей необходимостью адаптации к совмещению двух образовательных реалий (школа и дополнительное образование) в отличие от своих сверстников, занятых в дополнительном образовании более трёх лет. При этом процессы адаптации затрагивают не только умение распределять своё время, но и умение самостоятельно расставлять приоритеты, формулировать свои выборы и готовность нести за них ответственность. Для подростков, погружённых в событийно организованное пространство дополнительного образования на протяжении трёх и более лет, ценность субкультуры своего детского творческого коллектива не только способствует трансформации их ценностно-смысловых установок, но и выступает ресурсом вос-

производства значимых для этого коллектива ценностей и смыслов.

Для решения второй и третьей задач в качестве базы исследования выбран детский творческий коллектив «Вокально-хореографический ансамбль “Ералаш”» Metallургического центра детского творчества города Челябинска. В исследовании принимали участие 36 подростков среднего школьного возраста. Для получения эмпирических данных применялись опросник «Творческая состоятельность» (С. В. Максимова) и модификация опросника жизненных сценариев Л. Бейкера. Творческая состоятельность раскрывается через соотношение показателей «Творческий потенциал» и «Творческая реализация потенциала».

В рамках второй серии относительно творческой направленности личности, ценности реализации своего творческого потенциала среди подростков выявлен ряд фактов.

Во-первых, среднее значение показателя «творческий потенциал» у подростков исследуемой выборки находится в диапазоне средних значений ($x_{cp} = 14,3$). В отличие от него, среднее значение показателя «творческая реализованность» попадает в зону высоких значений ($x_{cp} = 17,26$). Другими словами, для подростков, занимающихся в хореографическом коллективе в течение трёх лет и более, ценность представляет профессиональное усердие, максимальное воплощение задач педагога и режиссёра-постановщика танцевальных номеров, настрой на командность при решении хореографических задач. Ценность реализации своих собственных задач ещё только формируется и проявляется ситуативно в рамках конкретного танцевального номера и в соответствии с хореографическими компетенциями подростка-исполнителя.

Во-вторых, в результате сравнительного анализа зафиксировано отсутствие различий показателей творческой состоятельности у подростков с различным типом жизненного сценария. Это свидетельствует о том, что событийно насыщенное образовательное пространство детского творческого коллектива, включённость в традиции и культурно-образовательные события профессионального хореографического сообщества, регулярные встречи с танцовщиками и выпускниками творческих коллективов позволяют компенсировать переживания раннего детства, связанные с запретами воплощения их инициатив и детской самостоятельности.

¹ Исследование выполнено в рамках соглашения о сотрудничестве ФГБОУ ДО «ФЦДОиОООиД» Министерства просвещения РФ и ООО «МЭО» (Москва) по теме «Информационно-методическое сопровождение национальной кадровой инициативы “Открытое дополнительное образование”» (01.08.2022–30.11.2022).

Выводы

Вывод 1. Подростки, длительно (на протяжении трёх и более лет) погружённые в событийно организованное пространство, способны воспроизводить значимые для них ценности и смыслы, опираясь на ценность субкультуры своего детского творческого коллектива, в отличие от сверстников, в большей степени занятых процессами адаптации к новым обстоятельствам жизни.

Вывод 2. Событийно организованное образовательное пространство выступает механизмом трансформации негативных ценностно-смысловых установок современных подростков и формирует у них ценности трудолюбия, командной

и профессиональной ответственности, открытости новому знанию.

Вывод 3. Вследствие того, что ценность реализации своих собственных задач у подростков ещё только формируется и проявляется ситуативно, а профессиональное усердие уже представляет для них ценность, у педагогов есть ресурс максимального воплощения задач воспитания.

Вывод 4. Результаты исследования могут стать основой для изучения факторов и кадровых ресурсов максимального воплощения задач воспитания подростков путём организации социально-педагогического партнёрства в условиях событийно организованных образовательных пространств образовательных организаций.

Список источников

1. Гужва И. В. Партнёрские отношения «преподаватель — студент» в условиях образовательного пространства современного вуза // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 6 (123). С. 178–185. DOI: 10.20323/1813-145X-2021-6-123-178-185
2. Качуро И. Л. Социально-образовательные проекты как стратегический ресурс социально-экономического развития региона // Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения : сборник статей международной конференц-сессии. М. : Научная библиотека, 2020. Т. 1. С. 830–837.
3. Максимова С. В. Творчество: созидание или деструкция? М. : Академический проект, 2006. 224 с.
4. Маркина Н. В. Методика диагностики адаптивности и активной неадаптивности // Социальная психология творчества 2007. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2007. С. 153–163.
5. Меньшенина М. Б., Качуро И. Л., Маркина Н. В. Особенности конструирования образовательных событий гражданско-патриотической направленности // Нижегородское образование. 2021. № 2. С. 74–80.
6. Московская Н. В., Никитина Е. Н., Умеркаева С. Ш. Художественно-эстетическое воспитание студенческой молодёжи в условиях социально-культурного партнёрства вуза и музея // Искусство и образование. 2022. № 1 (135). С. 172–178. DOI: 10.51631/2072-0432-2022-135-1-172
7. Харрис Т. А. Я — о'кей, ты — о'кей. М. : Академический Проект : Деловая книга, 2001. 368 с.

References

1. Guzhva IV. Partnerships “teacher — student” in the educational space of a modern university. *Yaroslavl'skiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2021;(6):178-185. DOI 10.20323/1813-145X-2021-6-123-178-185. (In Russ.).
2. Kachuro IL. Socio-educational projects as a strategic resource for the socio-economic development of the region. In: Gosudarstvennoye upravleniye i razvitiye Rossii: global'nyye ugrozy i strukturnyye izmeneniya. Sbornik statey mezhdunarodnoy konferents-sessii [Public Administration and Development of Russia: Global Threats and Structural Changes: Collection of articles of the international conference-session]. Moscow, Publishing House “Scientific Library”; 2020. Vol. 1. Pp. 830–837. (In Russ.).
3. Maksimova SV. Tvorchestvo: sozidaniye ili destruktsiya? [Creativity: creation or destruction?]. Moscow, Academic project, 2006. 224 p. (In Russ.).
4. Markina NV. Methods for diagnosing adaptability and activenon-adaptation. *Sotsial'naya psikhologiya tvorchestva* [Social psychology of creativity]. Chelyabinsk, Publishing Center of SUSU; 2007. Pp. 153–163. (In Russ.).
5. Menshenina MB, Kachuro IL, Markina NV. Features of the construction of educational events of a civil-patriotic orientation. *Nizhegorodskoye obrazovaniye* [Nizhny Novgorod education], 2021;(2):74-80. (In Russ.).
6. Moskovskaya NV, Nikitina EN, Umerkaeva SS. Artistic and aesthetic education of students in the context

of social and cultural partnership between the university and the museum. *Iskusstvo i obrazovaniye* [Art and education], 2022;(1):172-178. doi: 10.51631/2072-0432-2022-135-1-172. (In Russ.).

7. Harris TA. *Ya — o'key, ty — o'key* [I'm OK, you're OK]. Moscow, Academic Project, Business Book, 2001. 368 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. В. Маркина — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления, экономики и права.

И. Л. Качуро — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и профессиональной педагогики Института образования и практической психологии.

Information about the authors

N. V. Markina — Candidate of Psychology Sciences, Associate Professor.

I. L. Kachuro — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 13.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 376.4

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-26-29

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ДИСЛЕКСИИ СРЕДИ ШКОЛЬНИКОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ДИСЛЕКСИКАМИ В РАМКАХ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Алиса Рустемовна Саляхова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ali.sick99@gmail.com

Аннотация. Акцентируется необходимость в активном взаимодействии между преподавателями и учениками с дислексией, а также определяются конкретные критерии для выявления дислексии среди дошкольников и школьников до 4-го класса. Автором также выделяются основные компоненты учебного процесса, на которые стоит обращать особое внимание в рамках работы с учениками с дислексией. В заключение работы автор приводит конкретные педагогические стратегии, использование которых способствует успешной интеграции учеников с дислексией в учебный процесс.

Ключевые слова: дислексия, критерии дислексии, дислексиики, учебный процесс, педагогические стратегии

Для цитирования: Саляхова А. Р. Проблема выявления дислексии среди школьников и педагогические стратегии для эффективного взаимодействия с дислексиками в рамках учебного процесса // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 26–29. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-26-29

Original article

THE PROBLEM OF DISLEXIA DETECTION AMONG SCHOOLCHILDREN AND PEDAGOGICAL STRATEGIES FOR EFFECTIVE INTERACTION WITH DYSLEXICS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Alisa R. Salyakhova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ali.sick99@gmail.com

Abstract. The article emphasizes the need for active interaction between teachers and students with dyslexia, and also defines specific criteria for identifying dyslexia among preschoolers and schoolchildren up to the 4th grade. The author also highlights the main components of the educational process, which should be paid special attention when working with students with dyslexia. At the end of the work, the author gives specific pedagogical strategies, the use of which contributes to the successful integration of students with dyslexia into the educational process.

Keywords: dyslexia, criteria for dyslexia, dyslexics, educational process, pedagogical strategies

For citation: Salyakhova AR. The problem of dislexia detection among schoolchildren and pedagogical strategies for effective interaction with dyslexics in the educational process. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22)):26-29. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-26-29. (In Russ.).

Введение

Дислексия (с греческого “*dys*” — «сложность» и “*lexis*” — «слова») представляет собой нейробиологическое расстройство, которое выражается в частичной неспособности к освоению навыка чтения [1]. Дислексия является одной из форм от-

клонений речевого развития, которая проявляется в младшем школьном возрасте в период интенсивного усвоения навыков письменной речи. Её распространённость достаточно высока и составляет у школьников не менее 5–10 % [2]. Дети с дислексией испытывают сложности с декодированием (расшифровкой) написанных слов, а также с поиском их разговорных аналогов, в результате чего

они читают очень медленно, с ошибками, искажениями и угадыванием, тем самым не до конца понимая смысла прочитанного. В конечном итоге, дети с дислексией не достигают такого уровня развития навыков чтения и письма, который бы соответствовал их интеллектуальным возможностям [3].

Основная часть

Дислексия является заболеванием, которое сохраняется на протяжении всей жизни. При надлежащей помощи люди с дислексией могут научиться хорошо читать и/или писать. Раннее выявление дислексии и её преодоление является залогом того, что дислексика добьются успехов как в школе, так и в остальных сферах жизни. Большинство людей с дислексией нуждаются в помощи учителя, репетитора или специально обученного терапевта, который применяет мультисенсорный, структурированный языковой подход. Дислексикам необходимо, чтобы их обучали по методу, который задействует одновременно несколько органов чувств (слух, зрение, осязание). Многие люди с дислексией нуждаются в индивидуальной поддержке, чтобы иметь возможность учиться в собственном темпе. Школы могут внедрить изменения в учебный процесс, чтобы помочь учащимся с дислексией добиться успеха в образовательном процессе. Например, ученику с дислексией может быть предоставлено дополнительное время для выполнения заданий, оказана помощь в ведении записей, а также предложены другие виды заданий на оценку. Таким образом, учителя могут включать аудиозаписи для проведения тестов или экзаменов или подобрать для учеников-дислексиков альтернативные способы оценивания их способностей¹.

Международная ассоциация дислексиков (*International Dyslexia Association*) выделяет широкий ряд критериев, способствующих раннему выявлению дислексии у детей в дошкольном и школьном возрасте. Далее мы рассмотрим критерии по выявлению дислексии, на которые могут опираться как родители, так и школьные учителя.

Критерии для выявления дислексии среди дошкольников включают в себя случаи, когда ребёнок: 1) испытывает сложность с произношением слов (например, “*busgetti*” вместо “*spaghetti*” или “*mawnlower*” вместо “*lawnmower*”; 2) медленно пополняет свой активный вокабуляр но-

выми словами; 3) не может вспомнить нужное слово; 4) испытывает сложность с рифмованием слов; 5) с трудом учит алфавит, числа, дни недели, цвета, геометрические формы, произносит слова по буквам, а также не может написать своё имя; 6) испытывает сложности в общении со сверстниками; 7) не способен следовать многоэтапным указаниям; 8) испытывает трудности с рассказом или пересказом истории в правильной последовательности; 9) с трудом выделяет звуки в словах и соединяет звуки для создания слов.

Критерии для выявления дислексии среди школьников до 4-го класса включают в себя случаи, когда ученик: 1) с трудом читает слова по отдельности; 2) не может быстро освоить взаимосвязь между буквами (их написанием) и звуками (их звучанием); 3) путает предлоги и союзы (*at/to*); 4) меняет местами буквы (*bog* вместо *dog*); 5) «переворачивает» слова (*tip* вместо *pit*); 6) «переворачивает» буквы (“*m*” вместо “*w*”, “*u*” вместо “*n*”); 7) медленно формирует новые навыки и преимущественно опирается на запоминание новой информации².

Международная ассоциация дислексиков выделила следующие шесть основополагающих компонентов учебного процесса, которые должны преподаваться в рамках коррекционных программ для школьников с дислексией: 1) фонология; 2) ассоциация между звуками и символами; 3) слог; 4) морфология; 5) синтаксис; 6) семантика².

Для того чтобы обучить школьников с дислексией вышеперечисленным навыкам грамотности, Международная ассоциация дислексиков выделяет педагогические стратегии, которые следует интегрировать в рамках учебного процесса. Во-первых, дислексикам необходимо *систематическое и кумулятивное обучение*, опирающееся на ранее изученные понятия. Систематический аспект предполагает организацию учебных материалов с самых простых, базовых понятий и элементов, за которым следует постепенный переход к более сложным понятиям и элементам в логически понятной последовательности. Кумулятивный аспект означает обучение, при котором каждый новый урок строится на основе ранее изученных понятий².

Во-вторых, ученикам с дислексией необходимо *эксплицитное и многосенсорное обучение*, которое

¹ Dyslexia Basics (2020). International Dyslexia Association. URL: <https://dyslexiaida.org/dyslexia-basics/> (дата обращения 02.12.2022)

² Effective Reading Instruction (2015). International Dyslexia Association. URL: <https://dyslexiaida.org/effective-reading-instruction/> (дата обращения 30.11.2022)

наглядно и целенаправленно раскрывает понятия в увлекательной форме. Эксплицитное обучение намеренно раскрывает все понятия и принципы их применения при постоянном взаимодействии ученика и учителя. Не предполагается, что учащиеся самостоятельно поймут эти понятия или просто усвоят их путём косвенного обучения или ознакомления с материалом¹.

В-третьих, существует необходимость в *диагностическом обучении*, которое гарантирует индивидуальный подход к уникальным потребностям каждого ученика. Диагностическое обучение подразумевает оценку сильных и слабых сторон учащихся и постоянное отслеживание их прогресса для корректировки преподавания.

Далее мы предлагаем рассмотреть конкретные педагогические стратегии по взаимодействию со школьниками с дислексией, которые необходимы преподавателям для успешной интеграции таких учеников в учебный процесс:

1. *Предоставляйте задания небольшого объёма*. Преподаватель может скопировать страницы из рабочих тетрадей или предоставить небольшую часть учебных материалов, чтобы ученики с дислексией не волновались из-за объёмов предстоящей работы.

2. *Минимизируйте потенциально лишние раздражители*. Если ученик легко отвлекается на зрительные образы в учебном материале, преподаватель может использовать чистый лист бумаги, чтобы закрыть участки страницы, над которыми в данный момент не ведётся работа.

3. *Используйте аудиозаписывающее устройство*. На него можно записывать указания и конкретные уроки. Таким образом, ученик может воспроизвести запись, чтобы прояснить для себя правильность указаний или понятий.

4. *Повторяйте указания*. Учеников с дислексией, которым трудно следовать указаниям, необходимо попросить повторить указания собственными словами. Если указания содержат несколько шагов, разбейте их на подэтапы. Упрощайте указания, представляя только одну часть за раз

¹ Effective Reading Instruction (2015). International Dyslexia Association. URL: <https://dyslexiaida.org/effective-reading-instruction/> (дата обращения 30.11.2022)

и записывая каждую часть на доске, а также проговаривайте всё вслух. При использовании письменных указаний убедитесь в том, что ученики понимают их смысл.

5. *Раздайте наглядный материал для заполнения*. Преподаватель может предоставить ученику с дислексией схему или таблицу, которую необходимо заполнить во время презентации учебного материала. Таким образом, это поможет ученику проще воспринять ключевую информацию, а также установить взаимосвязь между понятиями и наглядным материалом.

6. *Предоставьте копию материалов к уроку*. Преподаватель может выдать ученику с дислексией копию материалов к уроку, если он испытывает сложности с конспектированием.

7. *Одновременно сочетайте вербальную и визуальную информацию*. Вербальная информация может быть представлена с помощью наглядных средств — на экране или в раздаточном материале. Также преподаватель может записывать ключевые понятия или слова на доске во время урока².

Заключение

Ученики с дислексией нуждаются в индивидуальном подходе к преподаванию материала, который позволит активно вовлекать их в учебный процесс и способствовать развитию их интеллектуальных способностей. Для выявления учеников с дислексией мы привели широкий ряд критериев, которые позволяют выявлять дислексиков среди дошкольников и школьников на ранних этапах. Более того, мы представили конкретные педагогические стратегии, которые могут быть использованы преподавателями для успешной интеграции учеников с дислексией в учебный процесс. Таким образом, материалы, предоставленные Международной ассоциацией дислексиков, позволяют в полной мере осознать важную роль преподавателей в подготовке дислексиков не только к завершению обучения в школе, но и к жизни в целом.

² Dyslexia in the Classroom What Every Teacher Needs to Know (2017). International Dyslexia Association. URL: <https://dyslexiaida.org/dyslexia-in-the-classroom/> (дата обращения 30.11.2022)

Список источников

1. Заваденко Н. Н., Румянцева М. В. Дислексия: механизмы развития и принципы лечения // Русский журнал детской неврологии. 2008. № 1. С. 3–9.
2. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей. СПб. : Речь, 2003. 330 с.
3. Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика. М. : Аспект-пресс, 1999. 447 с.

References

1. Zavadenko NN, Rummyantseva MV. Dyslexia: mechanisms of development and principles of treatment. *Russkiy zhurnal detskoy nevrologii* [Russian Journal of Child Neurology], 2008;(1):3-9. (In Russ.).
2. Kornev AN. *Narusheniya chteniya i pis'ma u detey* [Reading and writing disorders in children]. St. Petersburg, Speech; 2003. 330 p. (In Russ.).
3. Ravich-Scherbo IV, Maryutina TM, Grigorenko EL. *Psikhogenetika* [Psychogenetics]. Moscow, Aspect press, 1999. 447 p.

Информация об авторе

А. Р. Саляхова — студент кафедры восточных и романо-германских языков.

Научный руководитель: А. Ю. Акмалов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей профессиональной педагогики.

Information about the author

A. R. Salyakhova — Student of the Department of Oriental and Romano-Germanic Languages.

Scientific adviser: A. Yu. Akmalov — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General and Professional Pedagogy

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 07.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-30-34

РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ

Ольга Владимировна Шунякова

Уральский юридический институт МВД РФ, Екатеринбург, Россия, olga.sharkunova@mail.ru

Аннотация. Понятие речевых моделей полицейского дискурса, представляющих языковые устойчивые формулы, может рассматриваться как вспомогательное средство обучения академическому чтению текстов полицейского дискурса. В статье описаны характеристики речевых моделей, их структура и значимость в процессе работы с академическим чтением. Подчеркивается важность эффективного формирования навыков академического чтения при работе с институциональным дискурсом. Отметим, что полицейский дискурс и его структурные речевые модели связаны со способами интерпретации, восприятия и систематизации текстовой информации для составления на данной основе собственного высказывания. Статья описывает речевые модели в связи с их применением в процессе эффективного обучения академическому чтению как способу экспликации смысла для создания собственного высказывания сотрудников полиции.

Ключевые слова: речевые модели, академическое чтение, полицейский дискурс

Для цитирования: Шунякова О. В. Речевые модели как средство обучения академическому чтению // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 30–34. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-30-34

Original article

SPEECH MODELS AS A MEANS OF TEACHING ACADEMIC READING

Olga V. Shunyakova

Ural Law Institute Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russia, olga.sharkunova@mail.ru

Abstract. The concept of speech patterns of police discourse, representing language stable formulas, can be considered as an auxiliary means of teaching academic reading of texts of police discourse. The present article describes the characteristics of speech patterns, their structure and significance within the process of working with academic reading. The importance of effective formation of academic reading skills when working with institutional discourse is emphasized. It should be noted that the police discourse and its structural speech patterns should be associated with the ways of interpretation, perception and systematization of textual information for composing own utterance on this basis. The article describes speech patterns in connection with their application in the process of effective teaching of academic reading as a way of explication of meaning to create their own statements of police officers.

Keywords: speech patterns, academic reading, police discourse

For citation: Shunyakova OV. Speech models as a means of teaching academic reading. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(2(22)):30-34. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-30-34. (In Russ.).

Введение

Речевые модели рассматриваются в рамках лингвистики в аспекте уровневого, структурного, языкового, комплексного подходов. Лингводидактика рассматривает их как средство обучения по-

строению текстов некоторого типа дискурса. Ещё не до конца изучена значимость данного феномена в институциональном полицейском дискурсе в рамках обучения академическому чтению как способу восприятия, понимания, извлечения информации специального характера из текстов на иностранном языке. Выявление способов ис-

пользования речевых моделей как средства обучения академическому чтению позволит более эффективно изучать тексты полицейского дискурса, уточнить сущность и функционал, структуру речевых моделей в аспекте их образовательного потенциала при изучении полицейского дискурса. Применение речевых моделей как способа обучения академическому чтению способствует правильному восприятию, усвоению и воспроизведению основанных на терминологии и типизированных речевых конструктах текстов полицейского дискурса, корректному пониманию и интерпретации первичных текстов данного вида институционального дискурса, грамотному построению собственного высказывания на этой основе.

Сотрудникам правоохранительных органов необходим высокий уровень профессиональных знаний, умение работать с информацией научного характера, что позволяет грамотно вести документальную деятельность, совершенствоваться в науке, анализировать, приводить в систему, генерировать новые научные знания, грамотно работать с законами и нормативными актами. Всё это достигается за счёт формирования представления об эффективном способе восприятия и интерпретации текстов полицейского дискурса, которым является академическое чтение.

Описание исследования

Актуальность исследования заключается в изучении речевых моделей и их характеристик в полицейском дискурсе как средства формирования навыка академического чтения. Значит, нужно описание способа работы с академическим чтением посредством речевых моделей институционального полицейского дискурса, что способствовало бы эффективному восприятию и пониманию текстов полицейского дискурса в ходе академического чтения. Следовательно, необходимо описать особенности функционирования речевых моделей в институциональном полицейском дискурсе как способ работы с академическим чтением. Исследование нацелено на описание свойств речевых моделей и их применение в процессе академического чтения как способа извлечения семантики для создания вторичного высказывания, поэтому необходимо определить и описать явление речевых моделей и академического чтения, характеристик речевых моделей и структуры, описание процесса академического чтения и роли речевых моделей в нём. С позиции теории значимо описание речевых моделей как

эффективного способа усвоения учебно-научного и собственно научного полицейского дискурса. Чтение и интерпретация полицейского дискурса исследовались через призму общего языкознания (Е. В. Горбачева, Л. Н. Сидорова, А. К. Соболева, В. К. Давыденко), юриспруденции (О. Н. Муромцев, В. Д. Карташев, Н. Н. Вопленко, И. А. Грамов, Ю. Г. Ткаченко, А. Ф. Черданцев) посредством речевых структур.

Полицейский дискурс и его связь с речевыми моделями в аспекте грамматики и структуры текста изучали Л. С. Выготский, Л. А. Чистович, А. А. Леонтьев, М. В. Чеканова [4, с. 77–82], И. Шлизенгер, Ч. Осгуд, Т. В. Ахутина; собственно структурой занимались Н. Д. Арутюнова [1], У. С. Каландаров, Р. А. Эгамов [6, с. 651–653]; референтно-номинативные особенности рассматривали В. Г. Гак, Н. Хомский, Ю. С. Степанова, Г. А. Золотов, З. Я. Ярцева, Дж. Миллер, И. Р. Гальперин, Т. В. Рябова; коммуникативность изучали В. Гладров, Е. Которова; институциональная принадлежность и стилистика рассматривались Т. В. Шмелевой, С. С. Талашмановым, И. В. Тубаловой, Т. Г. Винокур, Е. А. Кожемякиным, П. Б. Кондратьевым, Л. А. Непомиловым, О. А. Крапивкиной.

Полицейский дискурс, по Н. Д. Арутюновой, Т. ван Дейку [2], З. С. Гаррису, Е. С. Кубряковой, Е. А. Богачевой, И. В. Палашевской, Л. Е. Поповой [12], Л. В. Ступниковой [13, с. 213–220], определяем как совокупность знаний, устных и письменных текстов, относящихся к деятельности сотрудников полиции, связанных между собой, имеющих функционал регуляции и предписания и соотнесённых с полицейской и правовой реальностью. По И. Д. Зайцевой [5, с. 36–40], З. С. Гаррису, такие тексты проецируют социально-правовые отношения, объекты, действия и их последствия, законы. *Речевыми моделями полицейского дискурса*, согласно В. Гладрову, Е. Г. Которовой, Е. Н. Басовской, И. Д. Зайцевой [5, с. 36–40], У. С. Каландарову, Р. А. Эгамову [6, с. 651–653], М. В. Чекановой [4, с. 77–82], считаем институционально, структурно, тематически и стилистически заданные относительно статичные языковые структуры в идентификационной, представляющей, связной и номинативной функции, используемые для предписаний, обоснования и совершения правовых действий в контексте общественных отношений. Речевые модели позволяют вписать в дискурс номинативные единицы, соединяют части текста, заложенную в него систему смыслов логически для совершения право-

вых действий или выполнения деятельности полиции, указанных в федеральных законах об их функционале. Существуют различные типы речевых моделей в зависимости от вида полицейского дискурса, функций.

Выделим *характеристики речевых моделей*. Внешние: соотносённость в наименовании объектов полицейского дискурса с их реальными прототипами посредством речевых моделей; типизированность структурного описания объекта. К внутренним характеристикам отнесём директивность наименования и идентифицируемость объекта; терминологическую заданность посредством правовых концептов и правил их вербально-языковой реализации при помощи речевых моделей на уровне слов и словосочетаний; логическое и семантическое развёртывание. К структурным элементам текста, содержащим речевые модели, относим логические части текста. Языковыми уровнями в тексте, включающими речевые модели, считаем лексический, типовые контекстуальные речевые модели.

Академическое чтение как вид работы с полицейским дискурсом, согласно С. Г. Кирдиной, Т. В. Поповой [7, с. 188–193], А. Н. Олейник, И. П. Поповой, Т. Ю. Шаталовой, — это вид речевой деятельности, представляющий процесс обучения антиципации и интерпретации контента текста полицейского дискурса, включая следующие виды работ: предтекстовое, собственно текстовое, послетекстовое чтение с опорой на изучаемый текст, а также с опорой на знания по теме, представленной совокупностью подобных текстов. Вслед за Т. В. Поповой [3, с. 188–193], И. В. Григорьевым, Н. Б. Смольской [1, с. 102–105] отмечаем, что академическое чтение текстов, относящихся к полицейскому дискурсу, даёт понимание об институциональной семантике текстов, их регулятивном характере. Тексты полицейского дискурса институционально интерпретируемы посредством контекста однозначности. Академическое чтение таких текстов на иностранном языке требует понимания особенностей их построения, интерпретации и функционала для создания высказывания.

Работу с академическим чтением изучали С. Г. Кирдина, Т. Ю. Шаталова, А. А. Контримович, М. В. Паюнена [4, с. 148–154], А. Н. Олейник, Т. В. Попова [3, с. 188–193], Е. Ф. Карпиевич, Т. И. Краснова, П. Н. Костылев, А. Е. Пращеник, Л. В. Великолуг и др. Предтекстовая работа может быть первичной индивидуальной и коллективной. Реконструкция смысла содержания

невозможна без включения текста в интерпретационный контекст. Смысл эксплицируется через опосредованную коммуникацию автора с читателем на этапе его декодирования. Данный репродуктивный уровень работы с текстом позволяет выйти на продуктивный. Незнание лексики по специальности, невладение понятийным аппаратом, отсутствие знаний в предметной области делают невозможным понимание текста. Речевые модели на этапе предтекстовой работы позволяют увидеть структуру текста (логические части, содержание каждой из логических частей, тематическое членение текста, способ связности подтем меньшего порядка и самих тем). Собственно текстовая работа с академическим чтением включает в себя изучение нормативно-правовых текстов с их комментированием, связывание прочитанного с вопросами законности и правопорядка и нормативно-правовой базой по данному вопросу. Обучающиеся декодируют фразу для интерпретации, определяют оптимальные способы их выполнения и решение профессиональных полицейских задач на основе изученной правовой базы, изучают фрагмент и помогают коллегам проработать новую информацию либо используют мозговой штурм информации из области фоновых знаний, обращаются к выделению нужной информации из текста, уточняют имеющееся знание, конспектируют и систематизируют элементы нового знания, сравнивают конечные результаты чтения с первичными ожиданиями от текста на иностранном языке по совокупности полученных знаний по теме, фоновых знаний и знаний со специальных дисциплин. На выходе получаем представление об элементе профессиональной картины мира на обоих языках. Речевые модели на этапе собственно текстовой работы позволяют определить стилистическую принадлежность текста институционального дискурса, вид коммуникативной ситуации профессионального или научного характера, умение определить модальность текста (предписание, запрет, разрешение, интерпретация правовой ситуации, ссылка на нормативные источники, сообщение/обмен информацией, исследование или экспертная работа), языковые средства (прецедентные, в том числе терминология, лексемы-дескрипторы, либо статичные, в том числе речевые модели, устойчивые конструкции официальной речи и канцеляризма). Послетекстовая работа в дискуссионных группах позволяет обсудить спорные моменты содержания текста, через поиск дополнительной информации прийти к её

пониманию, обобщить содержание при прочтении разделов текста, совместно задать исследовательские вопросы. Роль речевых моделей на этапе послетекстовой работы заключается в умении видеть, строить текст, высказывания по образцу на основе информации первичного текста (оценочное высказывание, исследование, дискуссия, аналитическое наблюдение, объективная передача содержания либо субъективно-эvaluативная передача содержания).

Заключение

Речевые модели помогают разобраться в особенностях структуры и содержания текстов полицейского дискурса. Правильное использование речевых моделей в полицейском дискурсе, пони-

мание их видов и структурно-языковых уровней объясняет, как строятся учебно-научные и учебно-профессиональные, собственно научные и собственно профессиональные тексты полицейского дискурса, что позволяет сотруднику полиции совершенствовать профессиональные знания, повышать навыки грамотной работы с информацией. Роль академического чтения текстов полицейского дискурса важна для получения правильной, однозначной интерпретации институционального полицейского дискурса, его системы норм, предписаний, требующих понимания и исполнения. Владение навыками академического чтения с учётом всех типов работы и через призму речевых моделей упрощает понимание и усвоение подобных текстов.

Список источников

1. Григорьев И. В., Смольская Н. Б. Обучение академическому чтению в рамках подготовки современного специалиста к поиску, восприятию и смысловой переработке информации // *Казанская наука*. 2023. № 1. С. 102–105.
2. Дейк Т. ван. Язык: понимание и коммуникация / пер. с англ., под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
3. Попова Т. В. Академическое чтение как средство формирования коммуникативной компетенции студентов // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 188–193.
4. Чеканова М. В. Модели речевого высказывания // *Проблемы современного образования*. 2017. № 6. С. 77–82.
5. Зайцева И. Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) // *Юрислингвистика*. 2010. № 10 (10). С. 36–40.
6. Каландаров У. С., Эгамов Р. А. Работа с речевыми моделями на занятиях по русскому языку как иностранному // *Молодой учёный: международный научный журнал*. 2017. № 3 (137). Ч. VII. С. 651–653.

References

1. Grigoriev IV, Smolskaya NB. Teaching academic reading in the framework of training a modern specialist to search, perception and semantic processing of information. *Kazan Science*. 2023;(1):102-105. (In Russ.).
2. Dake T. van. *Language: understanding and communication*. Moscow, Progress; 1989. 310 p. (In Russ.).
3. Popova TV. Academic reading as a means of forming students' communicative competence. *Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology*. 2018;7(3):188-193. (In Russ.).
4. Chekanova MV. Models of speech utterance. *Problems of modern education*. 2017;(6):77-82. (In Russ.).
5. Zaitseva ID. Discursive features of the texts of legal documents (general characterization). *Jurislignistics*. 2010;(10):36-40. (In Russ.).
6. Kalandarov US, Egamov RA. Work with speech models in Russian as a foreign language classes. *Young Scientist: International Scientific Journal*. 2017;(3):651-653. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Шуныкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

O. V. Shunyakova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 29.03.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 35–40. ISSN 2409-4102 (print)
Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2023;(2(22):35-40. ISSN 2409-4102 (print)

Научная статья

УДК 159.9.07

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-35-40

МЫШЛЕНИЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА

Наталья Геннадьевна Быструшкина

Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, Челябинск, Россия, psynb@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4625-0166

Аннотация. На современном этапе развития российского общества всё более востребованной становится деятельность психологов; в последние два года для обеспечения общества необходимыми специалистами подготовка кадров осуществляется не только в системе высшего образования, но и в рамках переподготовки, которая бесплатно проводится в онлайн-режиме в соответствии с федеральным проектом Министерства труда и социальной защиты РФ по содействию занятости населения. Целью статьи выступает рассмотрение роли, строения и функционирования категоризации как основного механизма мыслительной деятельности клинических психологов. В ней представлена попытка обобщить теоретические представления социальной и общей психологии относительно процесса категоризации как основного механизма мышления клинических психологов. В статье детально перечисляются присущие им характеристики практического мышления, описываются структура и процесс категоризации как механизма диагностического мышления. Кроме того, делается вывод о том, что интуитивное принятие решения о способах психологического воздействия на пациентов, а также исследовательский подход к анализу проблем, возникающих в ходе терапевтического взаимодействия, представляют собой частные случаи категоризации и перекатегоризации ситуаций.

Ключевые слова: практическое мышление, категоризация, перекатегоризация, диагностическое мышление клинических психологов

Для цитирования: Быструшкина Н. Г. Мышление клинического психолога // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 35–40. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-35-40

Original article

THINKING OF A CLINICAL PSYCHOLOGIST

Natalya G. Bystrushkina

South Ural State Medical University, Chelyabinsk, Russia, psynb@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4625-0166

Abstract. At the present stage of development of Russian society, the activity of psychologists is becoming more and more in demand; in the last 2 years, in order to provide society with the necessary specialists, training is carried out not only in the higher education system, but also as part of retraining, which is conducted online for free in accordance with the federal project of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation to promote employment. The purpose of the article is to consider the role, structure and functioning of categorization as the main mechanism of mental activity of clinical psychologists. It presents an attempt to generalize the theoretical concepts of social and general psychology regarding the process of categorization as the main mechanism of thinking of clinical psychologists. The article describes in detail the characteristics of practical thinking, the structure and process of categorization as a mechanism of diagnostic thinking. In addition, it is concluded that intuitive decision-making about the methods of psychological influence on patients and research approach to the analysis of problems arising during therapeutic interaction, are special cases of categorization and recategorization of situations.

Keywords: practical thinking, categorization, recategorization, diagnostic thinking of clinical psychologists

For citation: Bystrushkina NG. Thinking of a clinical psychologist. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22):35-40. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-35-40. (In Russ.).

Введение

На современном этапе развития российского общества всё более востребованной становится деятельность психологов. В последние два года для обеспечения общества необходимыми специалистами подготовка кадров стала осуществляться не только в системе высшего образования, но и в рамках переподготовки, которая бесплатно проводится в онлайн-режиме в соответствии с федеральным проектом Министерства труда и социальной защиты РФ по содействию занятости населения. Задачи, решаемые психологами при проведении группового и индивидуального консультирования, отличаются разнообразием. Попытки их систематизировать отражаются в существовании многочисленных классификаций, как в отечественной, так и зарубежной психологии. Знание типичных вариантов ситуаций, разбираемых в ходе взаимодействия с клиентом, помогает психологу оперативно выбрать методы и приёмы работы с ним. Данная статья посвящена вопросу о роли и строении категоризации задач профессиональной деятельности как механизма мышления клинических психологов.

Основная часть

Деятельность клинических психологов направлена на сохранение и укрепление здоровья человека, включая восстановление полноценного функционирования психических процессов в ходе реабилитации после соматических, психосоматических и психических заболеваний. В процессе профессиональной деятельности специалистам приходится решать разнообразные задачи, связанные с изучением причин и условий появления конкретной болезни; генетических и социальных факторов, влияющих на возникновение и протекание патологических процессов; личностных ресурсов и требуемых видов психологической поддержки пациента со стороны врача, психологов и родственников для успешного возвращения человека к активному участию в межличностном взаимодействии и выполнению трудовой деятельности. Решение задач, стоящих перед клиническими психологами, невозможно без участия мышления.

Под мышлением понимается «обобщённая и полностью опосредствованная форма отражения действительности в её существенных связях,

отношениях и закономерностях, психологически выступающая как решение задач» [3, с. 641]. Представители московской школы психологии продолжают традиции, заложенные А. Н. Леонтьевым, утверждавшим, что поскольку мышление имеет единую природу в любом виде деятельности, то нецелесообразно его делить на практическое и теоретическое. Исходя из этого положения сторонники указанной точки зрения, изучая мышление сотрудников медицинских учреждений (в том числе клинических психологов), делают акцент на детальном описании мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, абстрагирование и т. д.) [5].

Вместе с тем можно отметить, что ряд исследователей отмечают, что при постановке диагноза и определении методов лечения недостаточно использовать только мыслительные операции, логические приёмы рассуждения. Так, П. Б. Лукьянец пишет о сложности диагностического мышления, включающего не только рациональный и осознанный анализ симптомов заболевания и индивидуальных особенностей больного, оказывающих влияние на течение болезни, но и интуицию как проявление творческого подхода к решению задачи, осуществляемого на бессознательном уровне психики врача [2]. Однако можно предложить и другое толкование подобных «интуитивных открытий диагноза» у врачей, если рассматривать данное психологическое явление не с точки зрения психоанализа, а с позиций ярославской школы изучения практического мышления профессионалов.

Представители этой школы продолжают развивать идеи Б. М. Теплова, который считал, что, отличаясь от мышления учёного-теоретика, ум полководца имеет специфические черты, обусловленные задачами и условиями выполнения практической деятельности. Последующие исследования показали, что аналогичные характеристики можно обнаружить и у специалистов из других областей трудовой деятельности (например, у руководителей, педагогов, врачей и т. д.). Исходя из идеи А. Н. Леонтьева о единстве природы теоретического и практического мышления, можно предложить обобщённую картину строения и функционирования мыслительной деятельности, объединив достижения московской и ярославской школ психологии. Рассмотрим на примере мышления клинических психологов.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению структуры, определим наличие особенностей практического мышления у клинических психологов. Так, важнейшей специфической характеристикой мышления профессионала должна выступать индивидуализированность знаний об объекте. В мышлении клинических психологов это свойство проявляется в том, что при постановке диагноза и выборе способов психологического воздействия на пациента необходимо учитывать не только заболевание, но и полностью весь комплекс его личностных и интеллектуальных качеств, отношение к себе и к окружающим, к болезни и к процессу лечения, его физиологические ресурсы и взаимодействие с окружающими людьми. При одном и том же заболевании течение и проявление болезни, скорость выздоровления и успешность лечения различаются у разных людей. Другой особенностью практического мышления является учёт единичных черт конкретной ситуации. Это выражается в том, что при выборе способов лечения клиническому психологу приходится брать во внимание не только индивидуальные особенности организма и личности пациента, но и тяжесть заболевания, наличие или отсутствие поддержки со стороны семьи.

Ориентация на средства, имеющиеся в распоряжении специалиста, — это ещё одна особенность практического мышления. У клинических психологов она проявляется в том, что при всём многообразии методических средств, разработанных в современной зарубежной и отечественной психологии и психотерапии, профессионал может применять только те, которыми он в совершенстве владеет, в эффективности которых он уверен. Так, для оказания помощи пациенту клинический психолог может применять методы и приёмы воздействия, разработанные в психоанализе, в бихевиористическом или гуманистическом подходе, в зависимости от своего образования. При этом их эффективность не будет иметь существенных различий, поскольку, как правило, в любом случае происходит создание объяснительного мифа.

Большую роль в мышлении профессионала играет то, что построение представления ситуации осуществляется на основе значимых шкал, которые отражают наиболее важные для выполнения практической деятельности элементы ситуации. В деятельности клинического психолога это проявляется в том, что при постановке диагноза и выборе способов психологического воздействия на пациента специалист анализирует не всю полноту информации о пациенте, а толь-

ко те сведения о нём, которые он, в соответствии со своим прошлым опытом, считает наиболее ценными, полезными для диагностики. Так, работая со старшеклассником, совершившим попытку суицида, клинический психолог будет выяснять тип акцентуации его характера. Однако подобное диагностическое исследование нецелесообразно проводить при совершении суицида человеком пенсионного возраста. Таким образом, базовые особенности практического мышления присутствуют у клинических психологов.

В связи с этим можно предположить, что и структура, и функционирование мыслительной деятельности клинических психологов будут включать в себя универсальные компоненты практического мышления. В частности, базовым механизмом практического мышления выступает процесс категоризации. Она выполняет функцию регуляции мыслительной деятельности, а именно: вызывает актуализацию в сознании человека определённой интерпретации ситуации, а также способов решения подобных задач. Например, А. В. Родионов указывал на то, что поиск решения — это прежде всего «анализ типов ситуаций, а не длительный перебор альтернативных способов выхода из ситуации» [4, с. 58]. В случае успешной категоризации на поиск решения задач или проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, оказывают влияние наиболее значимые признаки задачи, а не познавательные способности специалиста.

Категоризация выполняет две основных функции. Первая функция состоит в том, что она влияет на процесс познания окружающей среды, на отбор и преобразование той информации, которая будет оцениваться специалистом в качестве значимой и включаться в представление о ситуации взаимодействия с пациентом. Так, клинические психологи, работающие в рамках бихевиористического подхода, обращают своё внимание на описание поведения человека, на условия, провоцирующие и закрепляющие неадекватность реагирования индивида. В то же время психоаналитики, работающие с этим же человеком, фиксируют факты, которые могли стать первой психологической травмой, в том числе связанные с детско-родительскими взаимоотношениями. Выбор подхода в работе с клиентом зависит от успешности предыдущего опыта специалиста. Вторая функция категоризации заключается в автоматической актуализации в сознании профессионала способов, методов психологического воздействия на пациента.

Поддерживая точку зрения, высказанную Н. Кантор, У. Мишелом и Дж. Шварцом, Ю. К. Корниловым, мы полагаем, что структурной единицей процесса категоризации выступает такое строение категории, которое можно обозначить как «люди-в-ситуации». Это означает, что при построении представления ситуации в ходе социального взаимодействия происходит двойная категоризация, а именно: определяются сфера деятельности и типы участников (исходя из их индивидуальных особенностей или межгрупповой принадлежности). Вследствие этого в сознании человека одновременно актуализируются нормативные представления о должном характере взаимодействия в определённом типе ситуаций и с конкретным типом индивидов. Благодаря такой структуре единицы мыслительной деятельности, человек осознаёт результаты классификации ситуации в персонализированной форме. Например, в практике клинических психологов можно обнаружить ситуативные различия в толковании поведенческих и эмоциональных реакций в зависимости от того, насколько они адекватны в конкретных ситуациях. Например, проявление спортивной злости встречается достаточно часто и помогает добиться более высоких результатов, но её проявление в рабочей обстановке или при общении с членами семьи недопустимо и свидетельствует о несформированности регуляторных механизмов психики. При этом психолог акцентирует внимание на агрессивности как личностной черте, чрезмерно выраженной у пациента, и в то же время подразумевается, что данное качество проявляется неадекватно ситуации межличностного взаимодействия.

Обобщая научные данные, полученные отечественными и зарубежными психологами, мы предполагаем, что строение категоризации носит многоуровневый характер, представленный на рисунке.

Итак, структура процесса категоризации, указанная на рисунке, включает в себя несколько уровней анализа информации, поступающей из окружающей среды, который осуществляется в симультанной, свёрнутой форме, приводя к актуализации в сознании определённого представления ситуации. На первом уровне происходит оценка информации в зависимости от степени её новизны для выполняемой профессиональной деятельности, вследствие чего она относится к категории или знакомых, или новых ситуаций. Если специалист воспринимает ситуацию как новую, ранее не встречавшуюся в его практике, то возникает осознание проблемной ситуации, вследствие чего происходит актуализация исследовательской стратегии взаимодействия с объектом. Другим случаем восприятия ситуации в качестве новой выступают объективные условия, в которых возникает затруднение, препятствующее привычному осуществлению профессиональной деятельности, вследствие чего все способы, ранее многократно и успешно применяемые для преодоления аналогичных проблем, оказываются неэффективными. Только в этих двух случаях можно наблюдать все те характеристики, традиционно относимые к мыслительной деятельности, а также использование специалистом мыслительных операций (анализа, синтеза, сравнения и т. д.) для анализа социального взаимодействия или предметного действия.

Строение процесса категоризации

Если же профессионал воспринимает ситуацию в качестве «знакомой, уже встречавшейся в предыдущем жизненном опыте», то выполняется переход на второй уровень обработки информации, когда ситуации разделяются в зависимости от типа объекта (на предметную или социальную). Если человек воспринимает ситуацию как взаимодействие с предметным объектом (например, освоить навыки вождения машины, запомнить учебный материал и т. п.), то происходит определение ситуации на основе класса предмета и типа сферы деятельности. Если человек воспринимает ситуацию как взаимодействие с социальным объектом, то категоризация типа сферы деятельности сопровождается одновременной категоризацией сначала по типу её участников (через отнесение ситуации или к категории персональных, или к категории межгрупповых), после чего осуществляется категоризация по типу личности партнёра или по типу социальной группы, в которую он может входить. Таким образом, категоризация всегда включает в себя не только определение типа партнёра по взаимодействию, но и анализ ситуационных условий выполнения профессиональной деятельности.

Если категоризация оказывается неэффективной, например, клинический психолог не видит эффективности предпринимаемых мер воздействия на пациента, то происходит переопределение ситуации. Благодаря многоуровневости процесса категоризации существуют различные варианты изменения толкования ситуации профессиональной деятельности, но их можно разделить на две группы: отнесение к уже имеющейся другой категории или формирование новой категории. В первом случае вследствие многоуровневости процесса категоризации переопределение ситуации может происходить по горизонтали (отнесение ситуации к другой категории того же уровня) или по вертикали (отнесение данной ситуации к категории другого уровня). Так, в случае отсутствия ожидаемого эффекта психологического воздействия у клинического психолога меняется интерпретация ситуации взаимодействия с пациентом. Горизонтальный тип переопределения ситуации может проявляться в том, например, что клинический психолог меняет своё мнение о причинах дезадаптации пациента, перенося акцент с черт личности на свойства темперамента, интеллекта или другие его индивидуальные особенности. Вертикальный тип переопределения ситуации может выражаться в том, что психолог начинает считать причиной дезадаптации челове-

ка не его индивидуальные черты, а характеристики, обусловленные групповой принадлежностью человека — его гендерными или возрастными особенностями, спецификой его внутрисемейных или профессиональных взаимоотношений. В качестве наиболее редкого варианта переопределения ситуации следует отнести изменение восприятия ситуации с категории «уже известной» на «новую», когда клинический психолог начинает воспринимать ситуацию пациента как ранее не встречавшуюся в практике специалиста и требующую от него исследовательского подхода. Таким образом, сложный, многоуровневый и многовариативный механизм категоризации, лежащий в основе построения представления о ситуации социального взаимодействия, реализуемого в ходе профессиональной деятельности, приводит к актуализации в сознании определённого понимания происходящих событий.

Учитывая вышеописанную структуру практического мышления и симультанный характер его функционирования, можно по-другому толковать предположение об особенностях мышления у клинических психологов, которое было выдвинуто П. Б. Лукьянец. Признаком творческого мышления у клинических психологов выступает не интуиция, то есть принятие решения на бессознательном уровне, а, наоборот, категоризация определённой ситуации диагностики конкретного пациента как принципиально «новой» ситуации, никогда ранее не встречавшейся в практике специалиста. Только в этом случае происходит активизация мышления, его поэтапное развёртывание с применением всех мыслительных операций. В связи с большими временными и энергетическими затратами такой вариант восприятия ситуации возможен только в случае отсутствия успешности лечения при всех других представлениях ситуации. В большинстве случаев происходит переопределение ситуации или по горизонтали, или по вертикали в рамках уже имеющейся у клинического психолога категоризации ситуаций. Однако поскольку этот процесс происходит в автоматизированной, симультанной форме, то психолог осознаёт новый вариант представления ситуации, актуализирующийся в сознании как результат действия интуиции.

Заключение

В статье представлена попытка обобщить теоретические представления социальной и общей психологии относительно процесса категоризации как основного механизма мышления клинических

психологов. В ней детально перечисляются характеристики практического мышления, описываются структура и процесс категоризации как механизма диагностического мышления. Кроме того, делается вывод о том, что интуитивное принятие решения о способах психологического воздей-

ствия на пациентов, а также исследовательский подход к анализу проблем, возникающих в ходе терапевтического взаимодействия, представляют собой частные случаи категоризации и перекатегоризации ситуаций.

Список источников

1. Быструшкина Н. Г. Категоризация как механизм формирования представления ситуаций // *Личность и общество: проблемы взаимодействия*. Челябинск : Монограф, 2012. С. 104–106.
2. Лукьянец П. Б. Творческие основания клинического мышления // *Омский научный вестник*. 2010. № 2. С. 126–129.
3. Психология : в 2 ч. Ч. 1 : Общая и социальная психология / под ред. Б. А. Сосновского. М. : Юрайт, 2023. 481 с.
4. Родионов А. В. Психодиагностика спортивных способностей. М. : Физкультура и спорт, 1973. 216 с.
5. Собиров М. А. и др. Роль формирования клинического мышления в подготовке врача // *Молодой учёный*. 2020. № 49 (339). С. 428–432.

References

1. Bystrushkina NG. Categorization as a mechanism for the formation of the representation of situations. In: *Personality and society: problems of interaction*. Chelyabinsk, Monograph; 2012. Pp. 104–106. (In Russ.).
2. Lukyanets PB. Creative foundations of clinical thinking. *Omsk Scientific Bulletin*. 2010;(2):126-129. (In Russ.).
3. Sosnovsky BA. (ed.) Psychology in 2 part. Part 1. General and social psychology. Moscow, Yurayt Publishing House; 2023. 481 p. (In Russ.).
4. Rodionov AV. Psychodiagnostics of sports abilities. Moscow, Physical culture and sport, 1973. 216 p. (In Russ.).
5. Sobirov MA. et al. The role of the formation of clinical thinking in the preparation of a doctor. *Young scientist*. 2020;(49):428-432. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. Г. Быструшкина — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии.

Information about the author

N. G. Bystrushkina — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 27.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 27.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-41-46

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ТРУДОМ В КОЛЛЕКТИВАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТЕКУЧЕСТИ КАДРОВ

Татьяна Александровна Барышева^{1✉}, Анастасия Анатольевна Данилова²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹bartaa@inbox.ru, ORCID: 0009-0006-7237-5583

²ensti1988@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6701-1941

Аннотация. Целью данного исследования выступило теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение особенностей проявления компонентов удовлетворённости трудом у сотрудников в коллективах с разным уровнем текучести кадров. В качестве основных методов исследования выступили: теоретический анализ литературы по теме исследования, психодиагностический метод, методы математической статистики. Для сбора данных использовалась методика «Интегральная удовлетворённость трудом» А. В. Барышева (2002). Исследование проводилось на базе персонала группы компаний «Канцбюро» (г. Челябинск, Россия). В ходе работы были опрошены 82 сотрудника из пяти структурных подразделений. В процессе исследования был установлен уровень текучести кадров в пяти подразделениях компании, на основании чего коллективы отделов были распределены в три группы: с естественным, средним и высоким уровнем текучести кадров, которые сравнивались по уровню удовлетворённости трудом. На основании статистического анализа было установлено, что в коллективах с разным уровнем текучести кадров имеются значимые отличия по уровню удовлетворённости трудом. При этом ключевым фактором является удовлетворённость собственными достижениями в работе.

Ключевые слова: текучесть кадров, удовлетворённость трудом, особенности удовлетворённости трудом, психологические причины текучести кадров

Для цитирования: Барышева Т. А., Данилова А. А. Оценка удовлетворённости трудом в коллективах с разным уровнем текучести кадров // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 41–46. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-41-46

Original article

ASSESSMENT OF SATISFACTION WITH WORK IN TEAM WITH DIFFERENT LEVEL OF STAFF TURNOVER

Tatyana A. Barysheva^{1✉}, Anastasiya A. Danilova²

^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹bartaa@inbox.ru, ORCID: 0009-0006-7237-5583

²ensti1988@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6701-1941

Abstract. The purpose of the study is a theoretical substantiation and empirical confirmation of the characteristics of meeting the needs of employees in teams with different levels of staff turnover. The main research methods were: theoretical analysis of the literature on the research topic, psychodiagnostic method, methods of mathematical statistics. To collect data, the method “Integral Job Satisfaction” by A. V. Batarshcheva (2002). The study was conducted on the basis of the staff of the Kanzburo group of companies (Chelyabinsk, Russia). In the course of the work, 82 employees from five structural divisions were interviewed. In the course of the study, the level of staff turnover in five divisions of the company was established, on the basis of which the teams of departments were divided into 3 groups: with a natural, medium and high level of staff turnover, which were compared in terms of job satisfaction. On the basis of statistical analysis, it was found that in teams with different levels of staff turnover, there are significant differences in the level of job satisfaction. At the same time, satisfaction with one’s own achievements in work is a key factor.

Keywords: staff turnover, job satisfaction, job satisfaction features, psychological causes of staff turnover

For citation: Barysheva TA, Danilova AA. Assessment of satisfaction with work in team with different level of staff turnover. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22)):41-46. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-41-46. (In Russ.).

Введение

Актуальность исследования вызвана поиском путей решения одной из главных проблем любого бизнеса — текучестью персонала, что влечёт за собой снижение производственных показателей, эффективности работы и, как следствие, немалые финансовые потери. По экспертным оценкам, повышенная степень текучести персонала является актуальной проблемой как минимум для 70 % средних и крупных компаний России. Текучесть кадров зависит от множества факторов (специфики бизнеса, территориального расположения фирмы, стадии развития компании, квалификации, образования и возраста сотрудника), однако наиболее значимыми являются психологические факторы.

Основная часть

В отечественной науке термин «текучесть кадров» подразумевается в психологической литературе в широком и узком смыслах. В широком смысле это изменения в составе членов организации, в ходе которых одни сотрудники увольняются и на их место приходят новые люди. В узком смысле это определение относится к увольняющимся членам организации. Когда термин используется во втором смысле, то текучесть кадров часто подразделяют на две категории: добровольная и принудительная. В основе текучести лежит несоответствие или противоречия между интересами индивида и возможностью предприятия реализовать их.

В литературе до сих пор нет устоявшихся нормативных показателей текучести кадров. Это связано в первую очередь со значительной дифференциацией показателей не только в различных производственных областях, но и в должностных сферах. Однако учёные сходятся во мнении, что текучесть кадров представляет опасность лишь при превышении естественного уровня. Естественный уровень текучести способствует обновлению штата сотрудников: уход на пенсию, увольнения по различным причинам. На место этих сотрудников приходят новые [1]. По итогам исследований, проведённых в 2021 г. аналитическим центром НАФИ и Высшей школой экономики, 33 % представителей российских компаний

переступили черту естественного уровня текучести кадров¹.

Проблема кадровой текучести подробно рассматривается в различных зарубежных психологических школах с акцентом на психологическую профилактику текучести кадров. Зарубежные исследователи придерживаются единой структуры факторизации причин текучести кадров, связанной с организационными (стиль управления, ценностная система организации, показатели социальной и экономической защищённости и др.) и индивидуально-психологическими (профессиональная мотивация, социально-психологическая и профессиональная адаптация, преданность компании, профессиональная интеграция, вовлечённость в профессиональную деятельность и др.) причинами.

В зарубежной организационной психологии выделяют три основных подхода к решению проблемы управления персоналом, в том числе и текучести кадров.

Первым из таких подходов является американская социально-психологическая школа, в основе которой лежит теория «человеческих отношений» Дж. Мейо. Согласно данной теории, к факторам профессиональной надёжности сотрудников, помимо материальной заинтересованности, относят такие социально-психологические процессы и явления, как психологический климат, групповая сплочённость, вертикальные и горизонтальные взаимоотношения, удовлетворённость трудом и т. д.

В этом подходе система психологической профилактики текучести кадров включает следующее:

- 1) технологию эффективной комплексной мотивации, которая направлена на формирование у сотрудников выраженной мотивации достижения долгосрочных профессиональных целей;
- 2) концепцию организационной приверженности (Дж. П. Мейер, Н. Дж. Аллен), целью которой является формирование у работника профессиональной заинтересованности и соответствия его деятельности интересам организации;

¹ Исследование НАФИ и ВШЭ: треть российских компаний страдают от текучести кадров. URL: <https://nafi.ru/analytics/issledovanie-nafi-i-vshe-tret-rossiyskikh-kompaniy-stradayut-ot-tekuchesti-kadrov/>

3) концепцию психологического капитала (Ф. Латанс, С. М. Юссеф), обеспечивающую прогнозирование эффективности профессиональной деятельности работника и удовлетворённости трудом. Под психологическим капиталом сотрудника понимается его позитивное психологическое состояние, объединяющее в себе четыре компонента: самоэффективность (самостоятельное определение наиболее эффективных путей профессионального развития и деятельности), гибкость (способность к коррекции профессиональных целей и задач и следование им), целеустремлённость (нацеленность на профессиональный успех) и работоспособность (возможность поддерживать высокий темп профессиональной деятельности и преодолевать различные трудности);

4) концепцию психологического климата организации (Л. Р. Джеймс, А. П. Джонс). Она позволяет на основе изучения психологического климата коллективов и профессиональных групп прогнозировать и управлять отношением работника к выполняемой профессиональной деятельности. Концепция включает в себя такие аспекты, как вовлечённость в деятельность компании, отношение к долгосрочной работе в определённой должности, удовлетворённость процессом работы и финансовым положением.

Вторым, не менее показательным подходом в изучении причин текучести кадров и возможностей её психологической профилактики, является немецкая классическая школа, сформировавшаяся на принципах двухфакторной теории мотивации Ф. Герцберга [2]. В основе данной теории лежат две группы потребностей работников: гигиенические (характеризуют условия обеспечения трудовой деятельности) и мотивационные (отражают характер работы).

Отсутствие тех или иных условий труда, обеспечивающих удовлетворение гигиенических потребностей, вызывает недовольство сотрудников, однако их наличие не обеспечивает высокую профессиональную мотивацию и приверженность корпоративной культуре. Гигиенические факторы представлены политикой менеджмента организации, трудовыми условиями и оплатой труда, наличием льгот, чувством значимости, привлечением к дополнительным обязанностям, отсутствием негативной обратной связи от работодателя, положительным или незначительным влиянием трудовой деятельности на личную жизнь. Невнимание организации к их обеспечению вызывает появление у сотрудников недовольства и раздражения.

Мотивационные факторы лежат в основе удовлетворённости профессиональной деятельностью сотрудников, определяют высокий уровень профессиональной мотивации и обеспечивают повышение производительности труда. К этим факторам, согласно Ф. Герцбергу, относятся: профессиональный успех и признание в профессиональной сфере и коллективе, перспективы карьерного роста, возможность творческой реализации, стабильность.

Третьим подходом в данном направлении является японская школа организационной психологии, которая сформировалась под влиянием культуры и национальных особенностей страны восходящего солнца, среди которых исследователи П. Б. Смит, М. Петерсон, Дж. Мисуми, М. А. Бонд выделяют три основные характеристики: чувство географической изолированности, комплекс неполноценности, вызванный результатами Второй мировой войны, и ощущение постоянной угрозы от внешних политических и экономических сил. Эти национальные особенности способствовали сплочению общества в целях выживания. Японцы придерживаются мнения о зависимости успешности каждого отдельного члена общества от процветания государства и приоритета сотрудничества.

Обзор основных подходов к текучести кадров выявляет общую структуру факторизации причин текучести кадров, связанной с организационными (стиль управления, ценностная система организации, показатели социальной и экономической защищённости и др.) и индивидуально-психологическими (профессиональная мотивация, социально-психологическая и профессиональная адаптация, преданность компании, профессиональная интеграция, вовлечённость в профессиональную деятельность и др.) причинами. Стоит отметить, что в последнее время именно индивидуально-психологические причины выступают объектом пристального внимания учёных, характеризуясь общим понятием «удовлетворённость трудом» (Р. Хоффман, Б. Касноча, С. Ех; Д. Л. В. Роой, Д. С. Витман, Д. Харт, С. Калео). Так, К. Охлер отмечает, что в основе модели вовлечённости сотрудников лежит удовлетворённость работников различными сферами работы в организации [5].

Наиболее полная, ёмкая и последовательная характеристика удовлетворённости трудом была предложена Л. Джуэл: удовлетворённость трудом — это психологический конструкт, наличие которого, а также степень его выраженности, влияет на профессиональное поведение человека [3].

Исследователи находят всё больше взаимосвязей этого феномена с эффективностью и лояльностью персонала, предотвращением текучести кадров, вовлечённостью и повышением трудовой мотивации. Это говорит о том, что избежать или устранить проблемы с персоналом, которые в настоящее время всё более остро поднимаются, можно посредством воздействия на психологические переменные. Данный вопрос подробно рассматривается в различных зарубежных психологических школах с акцентом на психологическую профилактику текучести кадров.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования была сформирована выборка на базе персонала группы компаний «Канцбюро» (г. Челябинск, Россия). Всего в выборку вошло 82 сотрудника из пяти структурных подразделений: отдел закупок, отдел продаж, бухгалтерия, отдел корпоративных продаж, отдел складской логистики, имеющих разные показатели текучести кадров.

Коэффициент текучести кадров исследуемых структурных подразделений определялся по формуле

$$K_{\text{тек}} = \frac{Ч_{\text{ув}}}{Ч_{\text{с}}} \cdot 100 \%;$$

$K_{\text{тек}}$ — коэффициент текучести кадров;

$Ч_{\text{ув}}$ — число выбывших по причине текучести за последние полгода;

$Ч_{\text{сп}}$ — среднесписочное число работников за последние полгода.

На основании научной литературы были выделены пределы для дифференциации выборки по уровню текучести кадров с учётом исследуемой отрасли и категории работников [4]:

- естественный уровень текучести кадров (3–15 %);
- средний уровень текучести кадров (16–30 %);
- высокий уровень текучести кадров (более 30 %).

Для измерения удовлетворённости трудом применялась методика А. В. Батаршева (2002). Данная методика содержит 32 вопроса, позволяющих выделить основные факторы удовлетворённости персонала трудом: интерес к работе, удовлетворённость достижениями в работе, удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками, удовлетворённость взаимоотношениями с руководством, уровень притязаний в профессиональной деятельности, предпочтение выполняемой работы высокому заработку, удовлетворённость условиями труда, профессиональная ответственность.

Результаты исследования и их обсуждение

На начальном этапе исследования был определён уровень текучести кадров во всех структурных подразделениях. Результаты представлены на рис. 1.

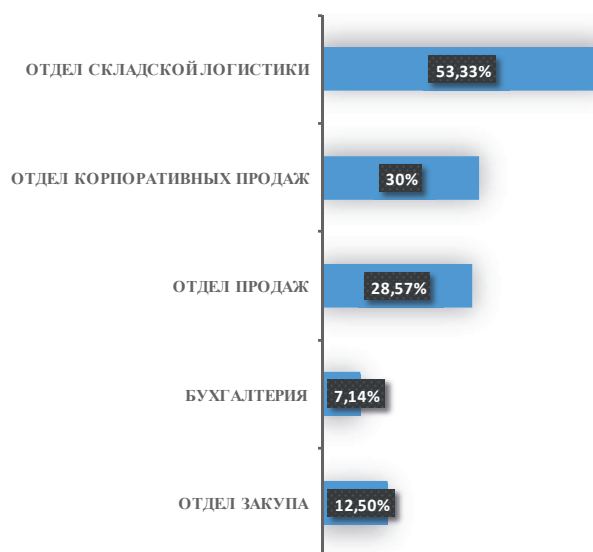

Рис. 1. Уровень текучести кадров в структурных подразделениях

В группу с естественным уровнем текучести кадров попали отдел закупок (12,5 %) и бухгалтерия (7,14 %), в группу со средним уровнем — отдел продаж (28,57 %) и отдел корпоративных продаж (30 %), высокий уровень текучести кадров выявлен в отделе складской логистики (53,33 %).

Дальнейшие исследовательские действия были направлены на выявление и оценку удовлетворённости трудом в коллективах с разным уровнем текучести кадров с помощью методики А. В. Батаршева. Результаты средних значений удовлетворённости трудом по шкалам в коллективах с естественным, средним и высоким уровнем текучести кадров представлены на рис. 2.

В коллективах с высоким уровнем текучести кадров можно наблюдать занижение значений большинства показателей удовлетворённости трудом по сравнению с коллективами с естественным и средним уровнем текучести кадров. На фоне этого респондентами также отмечается высокая профессиональная ответственность.

Статистическая значимость отличий удовлетворённости трудом в коллективах с разным уровнем текучести кадров проверялась с помощью непараметрического критерия Краскела — Уоллеса. Результаты представлены в таблице.

В ходе статистического анализа были получены значимые отличия в коллективах с разным уровнем

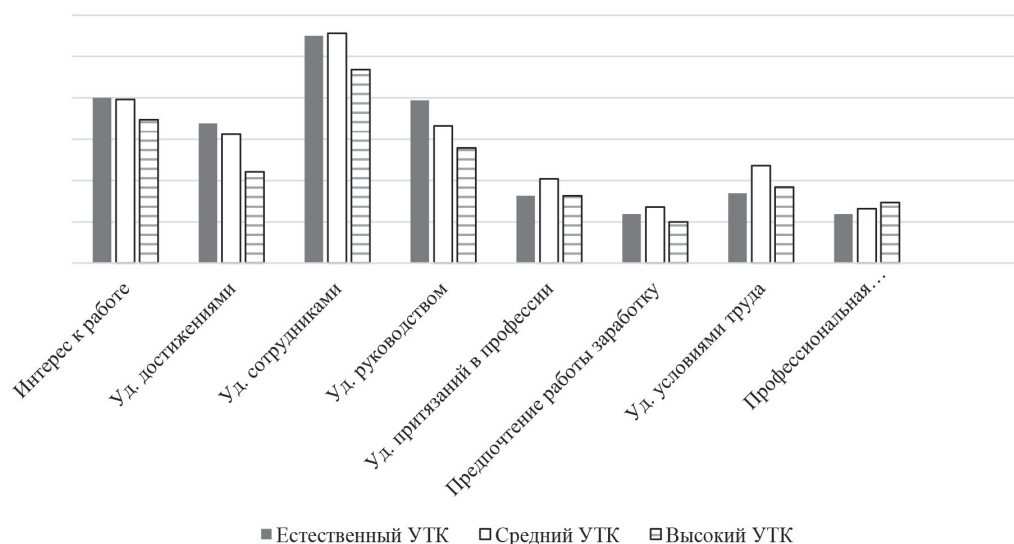

Рис. 2. Уровень удовлетворённости трудом по шкалам методики А. В. Батаршева

Результаты статистической обработки данных с помощью *h*-критерия Краскала — Уоллеса

Удовлетворённость трудом	<i>h</i> -критерий Краскала — Уоллеса	<i>P</i>
Общий уровень удовлетворённости	8,650	0,013
Интерес к работе	2,284	0,319
Удовлетворённость достижениями в работе	6,485	0,039
Удовлетворённость взаимоотношениями с сотрудниками	5,023	0,081
Удовлетворённость взаимоотношениями с руководством	4,353	0,113
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	2,008	0,366
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	2,473	0,290
Удовлетворённость условиями труда	4,463	0,107
Профессиональная ответственность	2,105	0,349

нем текучести кадров по общему уровню удовлетворённости трудом и удовлетворённости достижениями в работе ($p < 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что в коллективах с естественным, средним и высоким уровнем текучести кадров действительно имеются значимые отличия в общем уровне удовлетворённости. Именно фактор удовлетворённости определяет лояльность сотрудников к организации и возможность сохранения долгих трудовых отношений. Ключевым фактором, формирующим общую удовлетворённость трудом, является удовлетворённость своими собственными достижениями. Сотрудникам важно ощущать свою значимость, видеть результаты собственного труда.

Проведённые нами исследования согласуются с литературными данными и подтверждают необходимость разработки стратегии развития компании с учётом методов, позволяющих оценить и измерить уровень удовлетворённости персонала.

При этом весьма важно изучение внутренних мотивов и ценностных ориентиров, определяющих логику поведения трудового коллектива. Это позволит руководству предприятия самостоятельно разработать свой путь и свою концепцию управления трудовыми ресурсами.

Заключение

Результаты исследования показали, что в подразделениях с высоким уровнем удовлетворённости трудом более низкая текучесть кадров. Кроме этого на показатель текучести кадров непосредственно влияет такой психологический фактор, как удовлетворённость собственными достижениями. Необходимо отметить, что многие значимые показатели удовлетворённости, такие как удовлетворённость взаимоотношениями с коллегами, условиями труда, уровень притязаний в профессиональной сфере, не оказали значительного влияния на текучесть кадров.

Проведённые исследования подтверждают мысль Н. В. Ким, изложенную в работе «Роль психологических факторов в управлении персоналом». С помощью разработанных методов нужно помочь бизнесу оценить и измерить уровень организационной культуры, а также уровень удовлетворённости персонала. При этом весьма важно изучение внутренних мотивов и ценностных ориен-

тиров, определяющих логику поведения трудового коллектива. Это позволит руководству предприятия самостоятельно разработать свой путь и свою концепцию управления трудовыми ресурсами». Проведённые исследования позволяют выстроить чёткую программу работы с персоналом, включив в неё мероприятия, способствующие росту и развитию установленных психологических факторов.

Список источников

1. Алавердов А. Р., Куроедова Е. О., Нестерова О. В. Управление персоналом. М. : МФПУ Синергия, 2013. 192 с.
2. Костина Е. В. Зарубежный опыт психологической профилактики текучести кадров // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 30–37.
3. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. СПб. : Питер, 2001. 720 с.
4. Синяева Л. П., Додорина И. В., Герасимова Е. А. Текучесть кадров как индикатор адекватности управления предприятием // Концепт. 2013. Спецвыпуск № 04. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13539.htm>. (дата обращения: 08.05.2023)
5. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. B. The motivation to work // American Sociological Review. 1960. Vol. 25, no. 2. P. 288–289.

References

1. Alaverdov AR, Kuroyedova EO, Nesterova OV. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. Moscow, MFPU Synergy; 2013. (In Russ.).
2. Kostina EV. Foreign experience in the prevention of psychological staff turnover. *Psihologija i pedagogika sluzhebnoj dejatel'nosti* [Psychology and pedagogics in official activity], 2022;(2):30-37. (In Russ.).
3. Jewell L. *Industrial'no-organizacionnaja psihologija* [Industrial and organizational psychology]. St. Petersburg, Piter; 2001. (In Russ.).
4. Sinyaeva LP, Dodorina IV, Gerasimova EA. Personnel turnover as an indicator of the adequacy of enterprise management. *Koncept* [Concept], 2013;(04). Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13539.htm>. (Accessed 08 May 2023)
5. Herzberg F, Mausner B, Snyderman BB. The motivation to work. *American Sociological Review*. 1960;25(2):288-289.

Информация об авторах

Т. А. Барышева — магистр кафедры психологии.

А. А. Данилова — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры психологии.

Information about the authors

T. A. Barysheva — Master of the Department of Psychology.

A. A. Danilova — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 15.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.922

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-47-51

КАТЕГОРИЯ ЗРЕЛОСТИ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАТИВНОСТИ И СОГЛАСОВАННОСТИ ПСИХИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА (теоретический анализ проблемы с позиций системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко)

Ирина Владимировна Кадочникова¹ , Елена Алексеевна Сергиенко²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, irishechkadraga@mail.ru, ORCID: 0009-0008-8945-9577

² Институт психологии РАН, Москва, Россия, elenas13@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4068-9116

Аннотация. Поднята проблема фундаментального смысла категории зрелости с позиций системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко. В статье представлена степень разработанности проблемы и рассмотрены различные точки зрения на понимание зрелости в психологии, выделены основные критерии существующих подходов. Категория зрелости в теоретической статье рассматривается как основа интегративности и согласованности психической организации человека. Смысловое содержание заявленной дефиниции представлено через анализ соотношения субъектных и личностных характеристик. В представленном теоретическом анализе заявленной проблемы показано, как концептуальные положения системно-субъектного подхода, предложенного Е. А. Сергиенко, позволяют разрешить противоречия в решении вопроса согласованности двух недизъюнктивных составляющих человека: личностной и субъектной; раскрыто содержание категории личности и категории субъекта. Также представлена модель психической организации человека с позиций единой системы «субъект—личность». В представленном анализе концептуальных положений системно-субъектного подхода на проблему зрелости подчёркнуто, что психологическая зрелость есть результат сопряжённости и конгруэнтности систем, заданных на всех уровнях психической организации.

Ключевые слова: системно-субъектный подход, личность, субъект, контроль поведения, зрелость, развитие

Для цитирования: Кадочникова И. В., Сергиенко Е. А. Категория зрелости как основа интегративности и согласованности психической организации человека (теоретический анализ проблемы с позиций системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко) // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 47–51. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-47-51

Original article

CATEGORY OF MATURITY AS THE BASIC OF INTEGRATIVITY AND CONSISTENCY OF HUMAN MENTAL ORGANIZATION (theoretical analysis of the problem from the standpoint of the system-subject approach of E. A. Sergienko)

Irina V. Kadochnikova¹ , Elena A. Sergienko²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, irishechkadraga@mail.ru, ORCID: 0009-0008-8945-9577

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, elenas13@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4068-9116

Abstract. This article raises the problem of the fundamental meaning of the category of maturity from the standpoint of the system-subject approach of E. A. Sergienko. The article presents the degree of development of the problem and considers various points of view on the understanding of maturity in psychology, the main criteria of existing approaches are highlighted. The category of maturity in a theoretical article is considered as the basis of the integrativity and consistency of a person's mental organization. The semantic content of the declared definition is presented through the analysis of the correlation of subjective and personal characteristics. In the presented theoretical analysis of the stated problem, it is shown how the conceptual provisions of the system-subject approach proposed by E. A. Sergienko, allow to resolve contradictions in resolving the issue of the consistency of two non-disjunctive

components of a person: personal and subjective; the content of the category of personality and the category of the subject is disclosed. A model of a person's mental organization is also presented from the standpoint of a unified system "subject-personality". In the presented analysis of the conceptual provisions of the system-subject approach to the problem of maturity, it is emphasized that psychological maturity is the result of conjugation and congruence of systems specified at all levels of mental organization. The hypothesis of procedural maturity is proposed along with the traditional understanding.

Keywords: system-subject approach, personality, subject, behavior control, maturity, development

For citation: Kadochnikova IV, Sergienko EA. Category of maturity as the basic of integrativity and consistency of human mental organization (theoretical analysis of the problem from the standpoint of the system-subject approach of E. A. Sergienko). *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22):47-51. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-47-51. (In Russ.).

Введение

Категория зрелости является достаточно противоречивой, рассматриваемой с множества точек зрения. Несмотря на выделение различных контекстов в её понимании, все авторы сходятся во мнении, что в зрелости кроется способность человека, как высшего в своём психическом развитии существа, к построению и регулированию собственного поведения, и поэтому определение исследовательских границ данной дефиниции является «узловым моментом».

Цель работы. Дать теоретический анализ проблемы зрелости как основы интегративности и согласованности психической организации человека с позиций системно-субъектного подхода.

Основная часть

Сегодня в психологии весьма распространена категория зрелости, применимая к объяснению различных сфер человеческой жизнедеятельности (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, В. А. Бодров, А. А. Деркач, А. Л. Журавлев, В. В. Зеньковский, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская, С. К. Нартова-Бочавер, А. Н. Поддьяков, Т. А. Ребеко, В. М. Русалов, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, О. В. Хухлаева).

Анализ психологической литературы в указанной области научных исследований свидетельствует о существовании разных трактовок и содержательных характеристик данной категории. Так, категория зрелости рассматривается:

- как реализация общей тенденции психического развития человека (К. Юнг, А. Маслоу) [1];
- как результат постоянно усложняющегося процесса (Л. И. Анцыферова, А. Н. Поддьяков);
- как результат достижения дефинитивной стадии развития (Ж. Пиаже, З. Фрейд, А. Валлон, Л. Колберг, Д. Б. Эльконин) [1];
- как морально-нравственная категория, а также как способность человека к самостоятельному и осознанному выбору своего жизненного пути

(А. Г. Асмолов, В. В. Зеньковский, Д. А. Леонтьев);

– как высшая ступень индивидуального развития человека (А. А. Бодалев, А. А. Деркач);

– как уровень развития человека на более зрелых этапах его онтогенетического развития (Л. И. Божович, Т. Д. Марцинковская, В. А. Кольцова);

– как синтез возрастного и индивидуально-го развития (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, В. М. Русалов);

– как развитие разных модулей психической организации (эмоциональная, интеллектуальная, нравственная, социальная, биологическая зрелости) (Е. Л. Доценко) [1];

– как детерминанта зрелых отношений с социумом — как категория социально-психологическая (А. Л. Журавлев, И. М. Палей);

– как детерминанта и результат эффективного функционирования субъекта труда в условиях профессиональной деятельности (В. А. Бодров, Э. Ф. Зеер, А. К. Маркова, Н. С. Пряжников, Э. Э. Сыманюк);

– как категория, благодаря которой для человека становится возможным самостоятельное построение своего поведения, контролируемого и регулируемого, отличающегося осознанным целеполаганием (Е. И. Исаев, С. К. Нартова-Бочавер, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, Н. Е. Харламенкова, Р. М. Шамионов).

В системно-субъектном подходе представлено понимание категории «зрелость» как процессуальной характеристики, возможной на любых уровнях субъектного развития. Раскрыть смысловое содержание заявленной дефиниции представляется возможным только через анализ соотношения субъектных и личностных характеристик [2].

Концептуальные положения системно-субъектного подхода позволяют решить противоречия в вопросах сопоставления и связности категорий «личности» и «субъекта» в своей недизъюнктив-

ности [2]. Ключевая идея заложена в факте существования единства и реципрокности субъекта и личности.

«Личность задаёт направление движения, а субъект определяет его конкретную реализацию через координацию выбора целей и использование ресурсов индивидуальности человека...» [3].

С позиций системно-субъектного подхода Е. А. Сергиенко, единство организации психики представлено именно в системе «субъект» [4]. Субъект — системообразующий фактор [5–9], имеющий свою сложную многоуровневую систему. Системная организация «субъекта» включает в себя как когнитивную, регулятивную (контроль поведения), так и коммуникативную функции.

Контроль поведения же, отражая регулятивную функцию субъекта [2], представляет собой синергию всех внутренних ресурсов человека на когнитивном, эмоциональном и волевом уровнях.

Как отмечает Е. А. Сергиенко, именно контроль поведения — это основа самоконтроля человека: «...контроль поведения как интегративная характеристика индивидуальности является одной из основ саморегуляции и определяет успешность реализации субъектом собственной активности в различных жизненных ситуациях, в том числе и в особых...» [4].

Система «контроль поведения» представлена тремя компонентами, определяющими внутренние индивидуальные ресурсы человека, — волевым, когнитивным и эмоциональным, имеющих индивидуальный паттерн выраженности. Степень согласованности указанных компонентов будет свидетельствовать о степени их интеграции. Чем сильнее внутренняя интеграция индивидуальных ресурсов человека, тем выше вероятность успешной адаптации к внешним условиям, а также эффективное достижение поставленных целей и возможность адекватного построения взаимодействия с социумом.

Автор подчёркивает, что выраженность отдельных компонентов контроля поведения может быть неодинаковой [4], однако слабая представленность одного способна компенсироваться более высоким развитием другого.

Таким образом, контроль поведения — это система, которая в достаточной степени сложно организована и включает в себя волевою, когнитивную и эмоциональную регуляции, представленные в психической организации субъекта. Уровень развития человека как субъекта напрямую зависит от степени интеграции данных под-

систем. Соответственно, чем выше уровень развития субъектности человека, тем эффективнее регуляция субъекта в различных ситуациях жизнедеятельности.

Личность, как содержательная составляющая смыслов, ценностей, направленности, осуществляет выбор и направление активности, субъект же отмечает достижение поставленных целей путём координации психических ресурсов [10–12].

Личностная составляющая в единой системе включает в себя магистральные, фундаментальные, экзистенциальные, смысложизненные ориентации человека, в то время как, не противопоставляясь ей, субъектная составляющая отражает наличие имеющихся и наличных внутренних индивидуальных ресурсов человека, позволяющих выстраивать своё поведение на уровне психической организации.

Тесная взаимообусловленность и взаимозависимость всех уровней системы «субъект—личность» дают основу развития сложной системы регуляции человеком своего поведения в противоречивых условиях реальности, которая содержит в себе фундаментальный смысл психологической зрелости [1].

С позиций системно-субъектного подхода в раскрытии фундаментального смысла категории зрелости акценты смещены в сторону способности человека к построению собственного поведения и деятельности. При этом одним из важных аспектов является регуляция человеком собственной активности при условии целеполагания и корректировки выработанных программ деятельности в ответ на изменяющиеся условия действительности. В рамках системно-субъектного подхода психологическая зрелость — это процессуальная характеристика, результат константной сопряжённости и конгруэнтности систем, заданных на всех уровнях психической организации.

Е. А. Сергиенко отмечает, что психологическая зрелость есть категория процессуальная, не результативная. То есть в результате непрерывного и гетерохронного развития человек становится способным к постоянным достижениям, к появлению нового опыта, к целедостижению вообще [1].

Заключение

Личность и субъект, объединяясь, создают сложноорганизованную систему. Степень согласованности этих элементов единой системы будет указывать на степень зрелости в поведении

человека: «...в этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума “личность—субъект”...» [12]. Е. А. Сергиенко пишет, что психологическая зрелость — это результат согласованности субъекта и личности.

Таким образом, с позиций системно-субъектного подхода гармоничная согласованность представленных систем на всех уровнях будет свидетельствовать о зрелых формах поведения человека, оказывающегося способным к реализации своей жизни на достаточно высоком уровне эффективности и целесообразности.

Список источников

1. Сергиенко Е. А. Психологическая зрелость — интегративное понятие // Разработка понятий современной психологии. Серия «Методология, история и теория психологии». 2021. Т. 3. С. 236–272. DOI: 10.38098/thry_21_0439_07.
2. Павлова Н. С., Сергиенко Е. А. Субъектная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 1. С. 43–56.
3. Журавлев А. Л., Знаков В. В., Рябикина З. И. Субъектный подход в психологии. М. : Институт психологии РАН, 2009. 623 с.
4. Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. М. : Институт психологии РАН, 2010. 350 с.
5. Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 1. С. 120–132.
6. Сергиенко Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. М. : Институт психологии РАН, 2021. 279 с.
7. Сергиенко Е. А. Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. 2008. № 2. Т. 29. С. 16–28.
8. Знаков В. В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2. С. 95–106.
9. Знаков В. В. Постижение, непостижимое и экзистенциальный опыт как методологические проблемы психологии понимания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 18–35.
10. Сергиенко Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 2. С. 5–18.
11. Сергиенко Е. А., Журавлев А. Л. Зрелость: молярный или модулярный подход? М. : Институт психологии РАН, 2007. 223 с.
12. Сергиенко Е. А. Зрелость: молярный или модулярный подход? // Феномен и категория зрелости в психологии. 2007. № 1. С. 13–28. (Сер. «Труды института психологии РАН»).

References

1. Sergienko EA. Psychological maturity is an integrative concept. *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii. Seriya "Metodologiya, istoriya i teoriya psihologii"* [Development of the concepts of modern psychology. Series "Methodology, history and theory of psychology"], 2021;3:236-272. DOI: 10.38098/thry_21_0439_07. (In Russ.).
2. Manifestation of Human Individuality. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 2016;37(1):43-56. (In Russ.).
3. Zhuravlev AL, Znakov VV, Ryabikina ZI. *Sub"ektnyj podhod v psihologii* [Subjective approach in psychology]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. 623 p. (In Russ.).
4. Sergienko EA, Vilenskaya GA, Kovaleva YuV. *Kontrol' povedeniya kak sub"ektnaya regulyaciya* [Behavior control as subjective regulation]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2010. (In Russ.).
5. Sergienko EA. System-subjective approach: substantiation and perspective. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2011;32(1):120-132 (In Russ.).
6. Sergienko EA. *Psichicheskoe razvitie s pozicij sistemno-sub"ektnogo podhoda* [Mental development from the standpoint of the system-subject approach]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2021. (In Russ.).

7. Sergienko EA. Psychology of the Subject: Searches and Solutions. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2008;29(2):16-28. (In Russ.).
8. Znakov VV. The psychology of the subject as a methodology for understanding human existence. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2003;24(2):95-106. (In Russ.).
9. Znakov VV. Comprehension, the incomprehensible and existential experience as methodological problems in the psychology of understanding. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology]. 2017;(1):18-35. (In Russ.).
10. Sergienko EA. Implementation of the principle of development in the research of the psychology of the subject. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. 2017;38(2):5-18. (In Russ.).
11. Sergienko EA, Zhuravlev AL. *Zrelost': molyarnyj i limodulyarnyj podhod?* [Maturity: molar or modular approach?]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2007. (In Russ.).
12. Sergienko EA. Maturity: molar or modular approach? *Fenomen i kategoriya zrelosti v psihologii. Seriya: "Trudy instituta psihologii RAN"* [Phenomenon and category of maturity in psychology. Series: Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. 2016;(1):13-28. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Кадочникова — преподаватель кафедры психологии Института образования и практической психологии.

Е. А. Сергиенко — главный научный сотрудник.

Information about the authors

I. V. Kadochnikova — Lecturer of the Psychology Department of the Institute of Education and Practical Psychology.

E. A. Sergienko — Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 15.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-52-59

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Дмитрий Вениаминович Меркурьев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, md070397@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2279-4385

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования, цель которого заключалась в выявлении и анализе взаимосвязи субъективного благополучия и базисных убеждений в юношеском возрасте. Исследование опирается на работы таких авторов, как Р. Янофф-Бульман, М. А. Падун, А. В. Котельникова, Л. В. Куликов, Р. М. Шамионов, Г. Л. Пучкова, М. В. Соколова. В качестве диагностического инструментария использовались методики «Шкала базисных убеждений» (модификация М. А. Падун, А. В. Котельниковой) и «Шкала субъективного благополучия» (адаптация М. В. Соколовой). Эмпирическое исследование проводилось в 2022 г. Выборку исследования составили обучающиеся школы г. Челябинска в возрасте 15–17 лет. Анализ результатов исследования проводился в программе IBM SPSS Statistics 23 с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, в ходе которого были выявлены взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия и образом собственного «Я» ($r = -0,536$), уровнем субъективного благополучия и степенью удачи ($r = -0,518$), уровнем субъективного благополучия и убеждениями о контроле ($r = -0,509$). Полученные результаты позволяют сделать вывод о наличии взаимосвязи между уровнем субъективного благополучия обучающихся юношеского возраста и их убеждениями о ценности и значимости собственного «Я», а также убеждениями о справедливости окружающего мира.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, базисные убеждения, корреляционный анализ, юношеский возраст

Для цитирования: Меркурьев Д. В. Взаимосвязь субъективного благополучия и базисных убеждений в юношеском возрасте // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 52–59. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-52-59

Original article

THE CORRELATION BETWEEN SUBJECTIVE WELL-BEING AND BASIC BELIEFS IN ADOLESCENCE

Dmitry V. Merkuryev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, md070397@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2279-4385

Abstract. This article presents the results of the empirical study, the purpose of which was to identify and analyze the correlation between subjective well-being and basic beliefs in adolescence. The study is based on the studies of such authors as R. Janoff-Bulman, M. A. Padun, A. V. Kotelnikova, L. V. Kulikov, R. M. Shamionov, G. L. Puchkova, M. V. Sokolova. In the quality of the diagnostic methods, the questionnaires “Basic Belief Scale” (modified by M. A. Padun, A. V. Kotelnikova) and “Subjective Well-Being Scale” (adaptation by M. V. Sokolova) were used. An empirical study was conducted in 2022. The study sample included the students from schools in the city of Chelyabinsk aged 15 to 17. The analysis of the results of the study was carried out in the IBM SPSS Statistics 23 program using Spearman’s rank correlation coefficient, according to which the correlation between the level of subjective well-being and the image of one’s own “Self” ($r = -0.536$), the level of subjective well-being and the degree of luck ($r = -0.518$), subjective well-being and control beliefs ($r = -0.509$) was detected. The results obtained allow us to conclude that there is a correlation between the level of subjective well-being of adolescent students and their beliefs on the value and significance of their own “Self”, as well as the beliefs on the justice of the world around them.

Keywords: subjective well-being, psychological well-being, basic beliefs, correlation analysis, adolescence

For citation: Merkur'yev DV. The correlation between subjective well-being and basic beliefs in adolescence. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22):52-59. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-52-59. (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день в психологии существует множество научных подходов к проблеме убеждений личности, предлагающих различные точки зрения на природу и функции данного феномена. В большей степени это обусловлено тем, что убеждения являются сложной структурой, не поддающейся непосредственному наблюдению и проявляющейся в поведении, суждениях, мировоззрении человека, выступая (наряду с индивидуально-типологическими особенностями, мотивами ценностями и пр.) в качестве своеобразного условия и регулятора его деятельности. Подробный анализ исследований, посвящённых изучению убеждений, был проведён автором данной статьи ранее [1]. Одной из категорий убеждений личности, представляющей значительный интерес для современной науки и практики, являются базисные убеждения.

Базисные убеждения являются ключевой составляющей теории разрушенных предположений (Shattered Assumption Theory) Р. Янофф-Бульман, в рамках которой описывается переживание человеком психотравмирующих событий и то, как эти события влияют на восприятие себя самого и окружающего мира [2]. Под базисными убеждениями принято понимать имплицитные, глобальные, устойчивые представления индивида о мире и о себе, оказывающие влияние на мышление, эмоциональные состояния и поведение человека [3]. По мнению Янофф-Бульман, людям свойственно истолковывать происходящие с ними события так, чтобы поддерживать стабильность субъективной картины мира, обеспечивающей необходимую опору в постоянно меняющейся реальности [4, с. 98].

Базисные убеждения тесно связаны с другими сторонами психики индивида, что подтверждается многочисленными исследованиями [5; 6; 8; 17]. В рамках данного исследования рассматривается взаимосвязь базисных убеждений и субъективного благополучия личности. И, прежде чем перейти к анализу полученных результатов, рассмотрим более подробно понятие «субъективное благополучие», а также отделим его от родственных категорий.

Одними из наиболее ранних работ, посвящённых изучению субъективного благополучия, являются труды Н. Брэдберна, которым было вве-

дено понятие «психологическое благополучие» (Bradburn, 1969). Под психологическим благополучием автор предлагает понимать субъективное ощущение счастья и общей удовлетворённости жизнью. Разработанная им модель структуры психологического благополучия представляет собой баланс, достигающийся постоянным взаимодействием двух видов аффекта — позитивного и негативного. Разница между данными аффектами является показателем психологического благополучия. Если преобладает позитивный аффект, человек ощущает себя счастливым и удовлетворённым жизнью, то есть имеет высокий уровень психологического благополучия. В противном случае человек ощущает себя несчастным и неудовлетворённым, что говорит о низком уровне психологического благополучия. Как отмечает Н. Брэдберн, позитивный и негативный аффекты не взаимосвязаны. Имея данные об уровне позитивного аффекта, нельзя сделать выводы о том, каков уровень негативного аффекта, поскольку он может быть как выше, так и ниже или же быть равным позитивному аффекту [9, с. 23]. Таким образом, несмотря на то, что Брэдберн в своих работах писал о психологическом благополучии, он одним из первых предложил концепцию субъективного благополучия и предпринял попытку охарактеризовать его структуру.

Важный вклад в изучение субъективного благополучия внёс Э. Динер, которым впервые было предложено данное понятие. Динер предложил трёхкомпонентную структуру субъективного благополучия, которая включает в себя удовлетворённость жизнью, позитивный и негативный аффекты. В более поздних публикациях им также была добавлена удовлетворённость в конкретных сферах жизни. Высокий уровень субъективного благополучия отмечается тогда, когда в целом человек удовлетворён своей жизнью. Низкий уровень отмечается тогда, когда человек испытывает недовольство и чаще проявляет негативные эмоции. Таким образом, говоря о субъективном благополучии, рассматривают главным образом не объективные внешние факторы благополучия индивида, а его переживания и отношение к разным аспектам собственной жизни, имеющие фундаментальное значение для понимания благополучия человека [10, с. 6].

В отечественной психологии также предпринимались попытки охарактеризовать структуру субъективного благополучия. Так, Л. В. Куликов выделяет два основных компонента: когнитивный, включающий различные представления об отдельных сторонах своего бытия, и эмоциональный, отражающий эмоциональный тон отношения к этим сторонам. Он также отмечает, что субъективное благополучие (или неблагополучие) конкретного человека складывается из частных оценок различных сторон жизни человека. Отдельные оценки сливаются в ощущение субъективного благополучия. Благополучие зависит от наличия в жизни индивида конкретных целей, успешности реализации его планов деятельности и поведения, наличия ресурсов и условий для достижения поставленных целей. Неблагополучие же может возникать в ситуации, когда наиболее значимые потребности личности фрустрированы. На благополучие положительно влияют удовлетворяющие межличностные отношения, возможность общаться и получать положительные эмоции от процесса общения и т. д. Негативно сказывается на благополучии социальная изоляция, напряжённость в значимых межличностных связях. Таким образом, по определению Л. В. Куликова, «субъективное благополучие необходимо интерпретировать как обобщённое и относительно устойчивое переживание, имеющее особую значимость для личности. Оно является важной составной частью доминирующего психического состояния» [11].

Р. М. Шамионов, описывая собственную структурно-функциональную модель субъективного благополучия, отмечает, что субъективное благополучие выполняет как минимум четыре функции: регулятивную, функцию управления когнитивными процессами, функцию развития и «поведенческую» функцию. Функция адаптации заключается в «регуляции внутреннего самоотношения, самочувствия, а также взаимоотношения с внешним миром, усиливающих адаптационные возможности человека в социуме, а также в восприятии себя и своей жизни». Функция управления когнитивными процессами реализуется в консолидации и интеграции опыта, в соотношении актуальных и имеющихся в «арсенале» знаний и чувственного опыта. Функция развития описывается как «обеспечивающая творческое движение как в сторону саморазвития, так и в сторону обеспечения внешних условий для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы в равновесие». «Поведенческая» функция

заключается в «выборе стратегий поведения в зависимости от локуса благополучия и направленности личности» [12, с. 133].

Также в отечественной психологии встречаются термины «эмоциональное благополучие» (Александрова, Данилова, Калина, Пахалкова, Одарущенко и др.), «психоэмоциональное благополучие» (Подольский, Карабанова, Идобаева, Хейманс и др.), «эмоционально-психологическое благополучие» (Дмитриева, Долина и др.), используемые в разных контекстах и исследуемые с помощью различного психодиагностического инструментария [12].

В целом к изучению субъективного благополучия существует множество подходов как в отечественной, так и в зарубежной литературе. При этом среди авторов не существует единого мнения относительно того, каким образом соотносятся понятия «психологическое благополучие» и «субъективное благополучие». В рамках нашего исследования мы опираемся на представления Л. В. Куликова, М. В. Соколовой, Р. М. Шамионова, Г. Л. Пучковой, согласно которым психологическое благополучие есть часть субъективного благополучия, которое, в свою очередь, следует трактовать как «понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное значение для личности с точки зрения усвоенных нормативных представлений о внешней и внутренней среде, характеризующееся ощущением удовлетворённости» [13, с. 143].

Материалы и методы исследования

В ходе организации и проведения эмпирического исследования по проблеме взаимосвязи базисных убеждений и субъективного благополучия использовались следующие методы:

- 1) теоретические: анализ психологических исследований по проблеме субъективного благополучия и базисных убеждений;
- 2) эмпирические: опросный метод;
- 3) методы математико-статистической обработки: корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена. Обработка эмпирических данных проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 23.

Методики исследования. Базисные убеждения изучались с использованием опросника «Шкала базисных убеждений» (R. Janoff-Bulman, 1989), модифицированным М. А. Падун, А. В. Котельниковой. Текст опросника содержит 37 утверждений, которые оцениваются по шкале Ликерта от 1

до 6. Базисные убеждения представлены в данном опроснике набором из пяти субшкал:

1. Базисное убеждение о доброжелательности—враждебности окружающего мира отражает убеждения индивида относительно безопасной возможности доверять окружающему миру и представлено субшкалой «Доброжелательность окружающего мира».

2. Базисное убеждение о справедливости окружающего мира характеризует убеждения индивида о принципах распределения удач и несчастий и содержит две категории: «Справедливость» (убеждение в том, что в мире действуют законы справедливости: каждый человек получает то, что заслуживает) и «Контроль» (убеждение в возможности контролировать происходящие в жизни события).

3. Базисное убеждение о ценности и значимости собственного «Я» также характеризуется показателями двух субшкал: «Образ Я» (убеждение индивида в том, что он хороший и достойный человек) и «Удача» (убеждение в собственной удачливости и везении) реальности [4, с. 99].

Субъективное благополучие изучалось при помощи опросника «Шкала субъективного благополучия» (A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche, 1988) в адаптации М. В. Соколовой. Текст опросника включает 17 утверждений, которые оцениваются по шкале Ликерта от 1 до 7. В данной методике выделяются следующие субшкалы:

1. Чувствительность и напряжённость (субъективное переживание тяжести выполняемой работы; необходимость взаимодействовать с другими; потребность в уединении).

2. Признаки, сопровождающие основную психиатрическую симптоматику (нарушение сна; субъективно переживаемые чувства беспредметного беспокойства; чрезмерные острота реакций на любое незначительное препятствие и неудачу; нарастающие переживания усиления рассеянности).

3. Изменения в настроении (ухудшение настроения, значительное снижение оптимистического модуса восприятия).

4. Значимость собственного социального окружения (совместное решение проблем, переживания чувства одиночества, отношение с семьёй и друзьями).

5. Самооценка здоровья (общее переживание здоровья, вопрос физической «формы»).

6. Степень удовлетворённости обычной, привычной деятельностью (переживания скуки в де-

ятельности повседневной, настроения по утрам, собственно удовлетворённость деятельностью повседневной) [14, с. 59].

Приведённые выше шесть шкал методики объединяются в одну интегральную шкалу, по которой делается вывод об уровне субъективного благополучия респондента, выражающимся в шкале стенов. Баллы начисляются в обратном порядке: чем выше балл по шкале, тем меньше уровень субъективного благополучия.

Эмпирическое исследование проводилось на базе одной из школ г. Челябинска в 2022 г. В исследовании приняли участие обучающиеся 9–11 классов в возрасте 15–17 лет. Общий объём выборки — 30 человек.

Результаты и обсуждение

Результаты опроса, проведённого по «Шкале базисных убеждений», представлены на рис. 1. В целом можно заметить преобладание респондентов с высокими показателями по субшкалам «Убеждения о контроле», «Удача», «Образ “Я”». Что касается показателей по субшкалам «Справедливость» и «Доброжелательность мира», то они распределились более равномерно.

Обратимся к результатам, полученным по «Шкале субъективного благополучия» (рис. 2). По результатам опроса можно заключить, что большинство респондентов (19 человек) демонстрируют средние показатели (от 4 до 7 стенов). Результаты, склоняющиеся в сторону высоких показателей, демонстрируют 9 респондентов (от 1 до 3 стенов). Уровень субъективного благополучия, определяемый нами как низкий (от 8 до 10 стенов), демонстрируют 2 человека.

Полученные данные были обработаны с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена при помощи IBM Statistcs 23. Результаты проведённого корреляционного анализа представлены в таблице.

Выводы

Отмечается средняя обратная корреляция между показателями субъективного благополучия и показателями образа собственного «Я», удачи и убеждения о контроле. Отметим ещё раз, что баллы по шкале субъективного благополучия начисляются в обратном порядке: чем выше балл, тем ниже уровень благополучия респондента. Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом:

1. Субъективное благополучие и образ собственного «Я». Основываясь на результатах

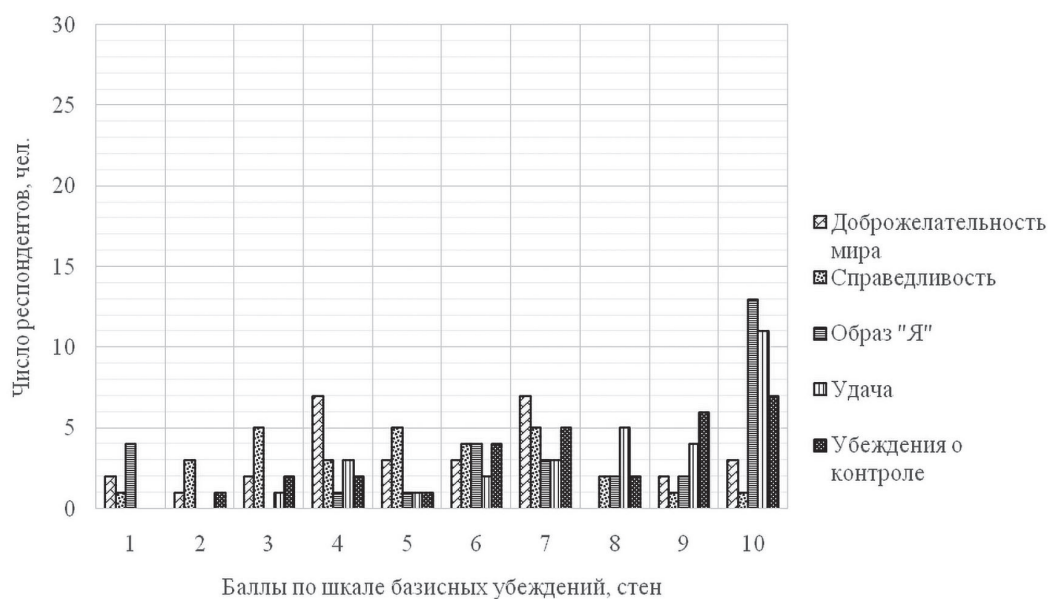

Рис. 1. Результаты опроса, полученные по «Шкале базисных убеждений»

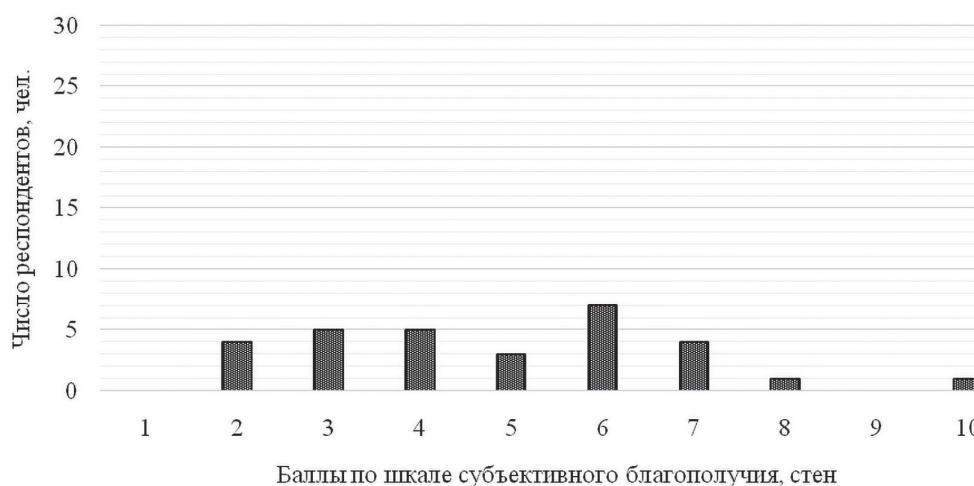

Рис. 2. Результаты опроса по «Шкале субъективного благополучия»

корреляционного анализа, можно заключить, что между представлениями индивида о себе и степенью его благополучия имеется значимая связь. Так, респонденты, достаточно высоко оценивающие себя, уверенные в своих силах и в целом имеющие позитивные представления о своём «Я», обладают более высоким уровнем психологического благополучия. Напротив, респонденты, характеризующиеся отрицательными представлениями о себе, демонстрируют более низкий уровень субъективного благополучия.

2. Субъективное благополучие и степень удачи. Результаты проведённого анализа свидетельствуют о значимой связи между показателями благополучия и представлениями индивида о степени собственной удачливости: респонденты, уверенные в своей удачливости и считающие, что в жиз-

ни им часто везёт, обладают более высоким уровнем субъективного благополучия. В то же время респонденты, убеждённые, что в жизни им везёт довольно редко, обладают низким уровнем субъективного благополучия.

3. Субъективное благополучие и убеждение о контроле. Результаты проведённого анализа показали, что существует значимая связь между субъективным благополучием индивида и убеждённостью в контролируемости мира. Так, респонденты, считающие, что происходящие вокруг них события поддаются контролю и на них можно повлиять, обладают более высоким уровнем субъективного благополучия, чем те, кто считает, что происходящие вокруг события нельзя контролировать.

Результаты корреляционного анализа

Параметр		Субъективное благополучие
Доброжелательность мира	Коэффициент корреляции	-0,359
	Знач. (двухсторонняя)	0,051
	N	30
Справедливость	Коэффициент корреляции	0,210
	Знач. (двухсторонняя)	0,266
	N	30
Образ собственного «Я»	Коэффициент корреляции	-0,536**
	Знач. (двухсторонняя)	0,002
	N	30
Удача	Коэффициент корреляции	-0,518**
	Знач. (двухсторонняя)	0,003
	N	30
Убеждение о контроле	Коэффициент корреляции	-0,509**
	Знач. (двухсторонняя)	0,004
	N	30

** — Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* — Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Заключение

Проанализированные нами исследования, посвящённые субъективному благополучию, позволяют сделать вывод о том, что данная категория является весьма сложной для изучения, что подтверждается существованием множества различных трактовок понятия «субъективное благополучие», а также подходов к его изучению. Опираясь на исследования Л. В. Куликова, М. В. Соколовой, Р. М. Шамяинова, Г. Л. Пучковой, мы предприняли попытку выявить взаимосвязь между базисными убеждениями лиц юношеского возраста и уровнем их субъективного благополучия. Анализ полученных результатов позволяет заключить, что между базисным убеждением в ценности и значимости собственного «Я» и уровнем субъективного благополучия имеется средняя прямая связь. Это означает, что респонденты, высоко оценивающие себя, а также уверенные в собственной удачливости, обладают более высоким уровнем субъективного благополучия. Аналогичная связь прослеживается между субъективным благополучи-

ем и убеждением в справедливости окружающего мира (в частности, убеждённостью в том, что большинство происходящих в жизни событий можно контролировать). Подобные результаты позволяют говорить о том, что респонденты, уверенные в справедливости окружающего мира и возможности влиять на происходящие в их жизни события, обладают более высоким уровнем субъективного благополучия. Таким образом, между некоторыми базисными убеждениями и уровнем субъективного благополучия действительно имеется корреляция. Тем не менее наличие подобной связи не позволяет нам делать какие-либо выводы о причинно-следственных отношениях благополучия и убеждений. Следует также отметить, что полученные данные не могут распространяться на генеральную совокупность в связи с малым объёмом выборки, однако они могут стать основой для дальнейших исследований в данном направлении, а также быть приняты во внимание специалистами, работающими в области оказания психологической помощи юношам и девушкам.

Список источников

1. Меркурьев Д. В. Феномен базисных убеждений личности: обзор исследований // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 1 (17). С. 71–78. DOI: 10.24411/2409-4102-2022-10111.
2. Janoff-Bulman R. Shattered Assumptions. New York : Free Press, 1992.
3. Падун М. А., Тарабрина Н. В. Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 5. С. 5–15.

4. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Булман // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106.
5. Блаженкова Н. П. Взаимосвязь базисных убеждений с ценностями и страхами студентов с различным уровнем психологической безопасности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 3. С. 92–102.
6. Секацкая Е. О. Базисные убеждения личности, представления о себе и их взаимосвязь со стратегиями совладания // Проблемы современного образования. 2020. № 6. С. 23–29.
7. Семенова Г. В., Векилова С. А., Терешкина И. Б., Рудыхина О. В. К проблеме взаимосвязи опыта социальной эксклюзии с базисными убеждениями личности: психологический подход // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 197. С. 63–67. doi: 10.33910/1992-6464-2020-197-63-73.
8. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности / В. В. Гриценко, А. Д. Резник, В. В. Константинов [и др.] // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 99–118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205.
9. Попова Л. В. Субъективное благополучие как объект психологического исследования // Живая психология. 2021. № 2 (30). С. 21–29.
10. Бенко Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвящённых исследованию благополучия // Психология. Психофизиология. 2015. № 2. С. 5–13.
11. Куликов Л. В. Детерминанты удовлетворённости жизнью // Общество и политика. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 476–510.
12. Карапетян Л. В. Исследование благополучия в отечественной психологии // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2017. № 2 (40). С. 132–137.
13. Шамионов Р. М. Психология субъективного благополучия (к разработке интегративной концепции) // Мир психологии. 2002. № 2. С. 143–148.
14. Урываев В. А., Тарасова А. А. Субъективное благополучие и структура защитных реакций личности студентов медицинского вуза // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 58–63.
15. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago : Aldine Pub. Co, 1969.

References

1. Merkuryev DV. The phenomenon of personal basic beliefs: a review of research. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravoohranenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare], 2022;(1(17):71-78. DOI: 10.24411/2409-4102-2022-10111. (In Russ.).
2. Janoff-Bulman R. Shattered Assumptions. New York, Free Press; 1992.
3. Padun MA, Tarabrina NV. Cognitive-personal aspects of post-traumatic stress experience. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2004;25(5):5-15. (In Russ.).
4. Padun MA, Tarabrina NV. Modification of the methodology for studying of the basic beliefs of the personality R. Janoff-Bulman. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2008;29(4):98-106. (In Russ.).
5. Blagenkova NP. The correlation between basic beliefs, values and fears of students with different levels of psychological safety. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya* [Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology], 2021;(3):92-102. (In Russ.).
6. Sekatskaya EO. Personal basic beliefs, ideas about self and their correlation with coping strategies. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of modern education], 2020;(6):23-29. (In Russ.).
7. Semenova GV, Vekilova SA, Tereshkina IB, Rudykhina OV. Regarding the correlation between the experience of social exclusion and the basic beliefs of the individual: a psychological approach. *Izvestiya RGPU imeni A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2020;(197):63-67. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-63-73. (In Russ.).
8. Gricenko VV, Reznik AD, Konstantinov VV [et al.]. Fear of coronavirus disease (COVID-19) and basic beliefs of the individual. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya* [Clinical and special psychology], 2020; 9(2):99-118. DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-602-609. (In Russ.).
9. Popova LV. Subjective well-being as an object of psychological research. *Zhivaya psihologiya* [Living psychology], 2021;(2):21-29. (In Russ.).
10. Benko EV. The review of foreign publications devoted to the study of well-being. *Psihologiya. Psihofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2015;(2):5-13. (In Russ.).

11. Kulikov LV. Determinants of life satisfaction. *Obshchestvo i politika* [Society and politics]. St. Petersburg, St. Petersburg University publishing house; 2000. Pp. 476–510. (In Russ.).
12. Karapetyan LV. The study of well-being in domestic psychology. *Vestnik KGPU imein V. P. Astaf'eva* [Bulletin of KSPU named after V. P. Astafyev], 2017;(2):132-137. (In Russ.).
13. Shamionov RM. Psychology of subjective well-being: (to the development of an integrative concept). *Mir psihologii* [The world of psychology], 2002;(2):143-148. (In Russ.).
14. Uryvaev VA, Tarasova AA. Subjective well-being and the structure of protective personal reactions of medical students. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2011;(41):58-63. (In Russ.).
15. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago, Aldine Pub. Co; 1969.

Информация об авторе

Д. В. Меркурьев — аспирант кафедры психологии.

Information about the author

D. V. Merkuriev — postgraduate student of the Department of Psychology.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 15.04.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ HEALTHCARE

Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 60–66. ISSN 2409-4102 (print)

Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2023;(2(22)):60-66. ISSN 2409-4102 (print)

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-60-66

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ НОВОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аделина Арменовна Саргсян¹, Наира Юрьевна Зограбян²

^{1,2} Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения

¹adelina-sargsyan@mail.ru

²naira.zohrabyan@rau.am

Аннотация. Охрана здоровья граждан является одной из важнейших задач государства. В настоящее время наблюдается тенденция увеличения ятрогений в медицинской деятельности, характеризующихся высокой степенью общественной опасности, что, в свою очередь, требует осуществления надлежащей уголовно-правовой охраны и совершенствования криминологических мер предупреждения ятрогенной преступности. Научно-технический прогресс в медицине, международные стандарты системы здравоохранения, совершенствование технологий оказания медицинской помощи, появление новых лекарственных средств имеют двойственный эффект: с одной стороны, они повышают качество лечения больных и их выздоровления, с другой стороны — сопряжены с риском для жизни и здоровья пациентов, что, в свою очередь, требует разработки адекватных и криминологически обоснованных мер реагирования. Проблема ятрогений в медицинской деятельности, влекущих за собой летальный исход, делающих людей инвалидами, непосредственно сказывающихся на снижении качества их жизни, влечёт за собой нарушение конституционных прав граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи, необходимой для сохранения жизни и улучшения здоровья. В этом заключается огромный социальный вред, наносимый ятрогениями.

Ключевые слова: ятрогения, ятрогенная преступность, медицинская деятельность, здравоохранение, клонирование, медицинская помощь

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке Республики Армения (научный проект № 22YR-5E012).

Для цитирования: Саргсян А. А., Зограбян Н. Ю. Особенности законодательной регламентации ятрогенных преступлений в контексте нового Уголовного кодекса Республики Армения // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 60–66. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-60-66

Original article

FEATURES OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF IATROGENIC CRIMES IN THE CONTEXT OF THE NEW CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

Adelina A. Sargsyan¹, Naira Yu. Zohrabyan²

^{1,2} Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

¹adelina-sargsyan@mail.ru

²naira.zohrabyan@rau.am

Abstract. Protecting the health of citizens is one of the most important tasks of the state. Currently, there is a tendency to increase iatrogenism in medical activities, characterized by a high degree of public danger, which, in turn,

© Саргсян А. А., Зограбян Н. Ю., 2023.

requires the implementation of appropriate criminal law protection and improvement of criminological measures to prevent iatrogenic crime. Scientific and technological progress in medicine, international standards of the health-care system, improvement of medical care technologies, the emergence of new medicines have a dual effect, on the one hand they improve the quality of treatment of patients and their recovery, on the other hand, they are associated with a risk to the life and health of patients, which, in turn, requires the development of adequate and criminologically sound response measures. The problem of iatrogenies in medical activity, which entail a fatal outcome, making people disabled, directly affecting the decline in their quality of life entails a violation of the constitutional rights of citizens to health protection and to receive medical care necessary to preserve life and improve health. This is the huge social harm caused by iatrogenies.

Keywords: iatrogeny, iatrogenic crime, medical activity, healthcare, cloning, medical care

Funding. The research was carried out with the financial support of the RA Science Committee (Scientific Project No. 22YR-5E012).

For citation: Sargsyan AA, Zohrabyan NYu. Features of the legislative regulation of iatrogenic crimes in the context of the new Criminal Code of the Republic of Armenia. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(2(22):60-66. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-60-66. (In Russ.).

Введение

Ятрогенная преступность, вне сомнения, является одним из основных и динамичных направлений развития уголовной политики Республики Армения, поскольку, с учётом специфики сферы здравоохранения и оказания медицинской помощи, адекватное реагирование на происходящие в них качественные изменения и отклонения является залогом успешного развития государства.

Некачественное и недобросовестное оказание гражданам медицинской помощи и иные ятрогенные преступления требуют особого внимания как со стороны Министерства здравоохранения, так и правоохранительных органов. Необходимо также отметить, что ятрогенные преступления отличаются высокой степенью латентности и корпоративной солидарностью медицинских работников.

Таким образом, неблагоприятная динамика ятрогенных преступлений, обусловленная технологическими, экономическими, общесоциальными и иными факторами, актуализирует проблему надлежащего уголовно-правового противодействия им.

Приходится констатировать, что не всегда охрана здоровья, как одна из важнейших задач государственной политики, реализуется на должном уровне. Программа мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 гг. в качестве одной из своих основных целей закрепляет повышение качества медицинской помощи и обслуживания населения.

Особую важность приобретает надлежащее уголовно-правовое противодействие ятрогенным преступлениям, совершаемым в отдалённых регионах, в условиях отсутствия надлежа-

щего медицинского оборудования, высококвалифицированного персонала и повышенной степени латентности ятрогенной преступности.

Описание исследования

В науке уголовного права имеются различные точки зрения по вопросу о понятии и сущности ятрогенных преступлений и критериях их классификации. Необходимо обратиться к имеющимся в науке определениям понятия «ятрогении». Так, например, некоторые рассматривают ятрогению как «такой способ обследования, лечения или проведения профилактических мероприятий, в результате которых врач причиняет вред здоровью больного» [1, с. 46]. Другие понимают под ятрогениями «неумышленный, но зачастую неизбежный вред, наносимый пациенту медицинским персоналом при профилактических, диагностических или лечебных воздействиях» [2, с. 15]. Oxford Advanced Learners Dictionary (1988) трактует ятрогении как «психические или телесные нарушения, симптомы и т. д., непреднамеренно вызванные врачом вследствие его диагноза, поведения или лечения», «Осложнения, возникающие в результате функционирования системы здравоохранения в целом, включая все человеческие, технические и организационные аспекты процесса медицинской помощи» [3].

А. В. Шапошников предлагает понимать под ятрогенией «негативные прямые и косвенные последствия действий, а также высказываний медицинских работников, обладающих прямыми распорядительными и исполнительными функциями в период и на месте выполнения ими профессиональных или служебных обязанностей, на здорового или больного человека, повлекшие за собой

изменения его психического или физического состояния независимо от времени их наступления». Последняя дефиниция, на наш взгляд, наиболее полно отражает сущность ятрогений, поскольку, полагаем, отнюдь не обязательно применительно к ятрогениям вести разговор о таковых только во время обследования или лечения. Полагаем, что под ятрогенией необходимо понимать любую форму медицинского вмешательства (а равно несанкционированного воздействия на организм человека), в результате чего наносится вред человеку и обществу.

Отмеченный разрозненный подход объясняется, в частности, отсутствием в уголовном законодательстве единой главы, объединяющей все составы ятрогенных преступлений. Можно предположить, что такая попытка предпринята отчасти армянским законодателем, предусмотревшем главу «Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека», однако, тем не менее, туда входят не только ятрогенные преступления, а например, такой состав преступления, как оставление в опасности. Таким образом, недостатки терминологического характера, пробельность уголовного законодательства, несвоевременная реакция и отражение в уголовном законодательстве стремительно развивающихся криминальных ятрогений в своей совокупности также образуют комплекс факторов, обуславливающих необходимость научного осмысления ятрогенных преступлений в широком смысле. Глава «Преступления, ставящие под угрозу жизнь и здоровье» вобрала в себя такие составы преступлений, как «Незаконное производства аборта» (ст. 174); «Принуждение к искусственному производству аборта» (ст. 175); «Незаконный оборот клеток, тканей, органов или биологических материалов или жидкостей человеческого эмбриона, плода, человека или трупа» (ст. 183); «Нарушение правил трансплантации» (ст. 184); «Подвергание человека медицинскому, научному или другому опыту без его согласия» (ст. 185); «Репродуктивное клонирование человека или евгенические эксперименты» (ст. 186); «Неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинскими работниками профессиональных обязанностей» (ст. 187). Предусмотрение данных составов преступлений имеет важное значение с точки зрения их криминологической обоснованности, в особенности в условиях развития и совершенствования биотехнологий, характеризующихся «двойным назначением», использование которых происходит не только в социально полезных, но и в иных, нелегальных целях.

В уголовном законодательстве вовсе отсутствуют термины «ятрогения», «ятрогенные преступления». Нет единства мнений и по вопросу о ятрогенных преступлениях. Существует множество классификаций ятрогенных преступлений (преступлений, совершаемых в сфере медицинской помощи), различных оснований и критериев таковых. Различаются также объекты ятрогенных преступлений, особенности объективной и субъективной стороны преступления. В зависимости от выбора того или иного критерия, лежащего в основе выделения, сужается или расширяется круг ятрогенных преступлений.

Давая обобщённую характеристику, необходимо указать, что родовым объектом ятрогенных преступлений согласно Уголовному кодексу Республики Армения являются отношения, обеспечивающие безопасность личности, в то время как видовым — жизнь и здоровье человека (точнее говоря, общественные отношения по обеспечению безопасности граждан от состояния **угрозы** их жизни и здоровью).

Так, по мнению И. О. Никитиной, ятрогенные преступления — это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершённые при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью и иным законным правам и интересам пациентов [4, с. 9]. Однако предлагаем рассматривать область ятрогенных преступлений более широко, подразумевая как деятельность при оказании медицинской помощи, так и действия, не сопряжённые с оказанием таковой. В противовес данной точке зрения А. А. Лавриненко отмечает, что «сама по себе «ятрогения» предполагает именно возникновение нежелательных последствий для здоровья пациента. Соответственно, и ятрогенное преступление не может заключаться в умышленном использовании медицинским работником знаний и опыта в сфере медицины в качестве орудия для причинения вреда здоровью пациента» [5, с. 27]. А. Л. Хлапов, под ятрогенными преступлениями понимает неосторожные или умышленные, имеющие общественную опасность действия работников в сфере медицинских услуг, которые нарушают ключевые установленные законом принципы и условия оказания медицинской помощи, совершённые при исполнении своих служебных обязанностей, а также ставящие под угрозу здоровье, жизнь и права

пациента [6]. В конечном итоге от установления дефиниции «ятрогенных преступлений» зависит их типология, классификация.

И. О. Никитина, включая в круг преступлений против здоровья человека, связанных с умышленным причинением вреда здоровью пациента, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью пациента в целях изъятия его органов и (или) тканей в целях трансплантации, к их числу относит и преступления, связанные с умышленным причинением вреда здоровью пациента, совершение которых не связано с оказанием ему медицинской помощи. В связи с отмеченным Э. П. Григонис и О. В. Леонтьев отмечают, что данные преступления (за исключением п. «ж» ч. 2 ст. 111) не следует относить к числу преступлений в сфере ОМП, так как их совершение не вызвано медицинской деятельностью, обусловлено личностью виновного, умышленно причиняющего вред здоровью по мотивам, не связанным с ОМП. Причинение вреда здоровью пациента является преступлением, совершаемым в системе ОМП, в том случае, если оно совершается медицинским работником в процессе реализации им своей профессиональной функции по ОМП. В случае если лицо, наделённое статусом медицинского работника, причиняет вред здоровью пациента, не реализуя при этом указанной профессиональной функции, данное преступление утрачивает свою профессиональную специфику и поэтому выходит за рамки системы ОМП [7, с. 77].

С. В. Замалеева, не соглашаясь с вышеприведёнными точками зрения, указывает, что данные авторы в качестве объекта рассматриваемых преступлений выделяют отношения между пациентом и медицинскими работниками в сфере здравоохранения. Однако ятрогенные преступления — это преступления, совершаемые в процессе исполнения профессиональных обязанностей медицинским работником [8, с. 150]. Мы же придерживаемся промежуточной, пограничной точки зрения, считая, что совершение ятрогенных преступлений становится возможным в связи с взаимоотношениями врач—пациент, но не всегда как их прямое следствие.

Также следует отметить наличие двух видов ятрогенных преступлений — так называемые традиционные ятрогенные преступления и ятрогенные преступления, возникающие в связи с развитием биотехнологий.

В. Д. Пристансков относит к ятрогенным преступлениям только те деяния, которые порожда-

ются действиями медицинских работников вследствие преступной небрежности и легкомыслия [9]. По мнению Г. Г. Карагезяна, ятрогенные преступления могут быть совершены только по неосторожности [10, с. 16]. Позволим себе не согласиться с подобным ограничительным толкованием ятрогенных преступлений только лишь неосторожной формой вины, поскольку в данном случае остаются за рамками преступных ятрогенных преступлений в репродуктивной сфере, в сфере трансплантологии, эвтаназия и иные преступные манипуляции в медицине.

Н. А. Огнерубов сужает круг ятрогенных преступлений, отмечая, что к ним следует относить лишь те, которые связаны непосредственно с профессиональным медицинским воздействием на организм пациента. Таким образом, Н. А. Огнерубов относит к ятрогенным преступлениям следующие преступления: преступления против жизни (например, ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, части 2 ст. 109, 124, 235), здоровья (например, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 112, 115, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 123, 124, ч. 1 ст. 235, ст. 120), иных конституционных прав и свобод граждан (например, части 2 ст. 128, 137) [11, с. 44–45].

В науке уголовного права среди многочисленных классификаций ятрогенных преступлений практически отсутствует выделение таких групп, как ятрогенные преступления в репродуктивной сфере; репродуктивные преступления в сфере высокой медицины (биотехнологий), что, на наш взгляд, требует скорейшего восполнения, учитывая стремительные темпы развития медицинских технологий.

Таким образом, проведя анализ имеющихся в уголовно-правовой науке мнений по вопросу о содержании «ятрогенных преступлений», мы предлагаем их расширительное толкование, не основанное исключительно на их совершении при оказании медицинской помощи/либо, иначе говоря, — как следствие оказания медицинской помощи. Иными словами, мы предлагаем рассматривать сферу ятрогенных преступлений шире, чем в традиционном понимании, подразумевая под ними как преступления, совершённые в процессе оказания медицинской помощи, так и действия, не сопряжённые с оказанием медицинской помощи. Полагаем необходимым вести разговор о преступных ятрогенных, возникающих в сфере профессиональной (медицинской) деятельности, но не обязательно связанных и являющихся итогом оказания конкретного вида медицинской помощи. В обратном

случае, мы излишним образом сужаем круг ятрогений, понимая под ними лишь, например, следствие неверно поставленного диагноза; неправильного лечения или же незаконного производства аборта и т. д. В то же время остаются за рамками такие преступления в сфере биомедицинской этики, как клонирование, евгеника, посягательства на жизнь эмбриона, изначально не охватывающиеся и не могущие быть следствием оказания конкретной медицинской помощи. Данные деяния не составляют суть медицинской помощи, следовательно, не могут образовывать отклонения от неё и быть её негативным следствием. Совершение данных преступлений лишь представляется возможным в связи с оказанием пациенту иной медицинской помощи. Такая концепция созвучна и определению понятия ятрогении, предложенному на Конгрессе Международного общества по предупреждению ятрогенных осложнений (ISPIC) в специальном «Заявлении по безопасности в охране здоровья», в котором ятрогении рассматриваются как итоговый негативный результат функционирования системы здравоохранения в целом».

Таким образом, следует определиться с тем, что должно быть положено в основу выделения ятрогенных преступлений. Если мы говорим о классификации данных преступлений по объекту, то необходимо определиться, что в конечном итоге понимается под объектом ятрогенных преступлений. Решение этого и других вопросов может быть положено в основу не только формирования единой классификации ятрогенных преступлений, но и дальнейшей разработки вопроса о выделении самостоятельной главы, посвящённой ятрогенным преступлениям.

С учетом повышенного внимания, которое уделяется охране здоровья граждан, уязвимости сферы здравоохранения и необходимости реализации надлежащей уголовно-правовой охраны права граждан на жизнь и здоровье, вопрос о рассмотрении самостоятельной главы, посвящённой преступлениям, совершаемым медицинскими работниками, безусловно, имеет место быть. Однако необходимо подойти к данному вопросу, тщательно проанализировав имеющиеся в науке аргументы, соблюдая правила законодательной техники и чёткие критерии систематизации ятрогенных преступлений в одной единой главе.

Реалии действительности выдвигают на повестку дня проблемы генной инженерии: в частности, незаконного клонирования человека и евгенические идеи. Представляется необходимым

разрешение криминологической проблемы, связанной с незаконной трансплантацией. Вследствие отмеченного приоритетным направлением предупреждения преступности в сфере здравоохранения выступает в первую очередь совершенствование норм уголовного законодательства; усиление уголовной ответственности медицинских сотрудников. Наблюдается неблагоприятная тенденция использования органов и тканей сирот, а также людей, находящихся в районах вооружённых конфликтов.

В новом уголовном кодексе Республики Армения также предусмотрена уголовная ответственность за нетрадиционные ятрогенные преступления, среди которых евгеника, а именно — евгенические эксперименты — совершение любых действий, направленных на улучшение (селекцию) человека. В науке уголовного права нет однозначного отношения к евгеническим идеям. Впервые в Республике Армения упоминание о евгенике и её недопустимости нашло своё отражение в Конституции РА от 2015 г., согласно ст. 25 которой (Право физической и психической неприкосновенности) «В области медицины и биологии, в частности, запрещены евгенические эксперименты, превращение органов и тканей человека в источник прибыли, репродуктивное клонирование человека». Далее, с принятием нового УК РА, данный запрет нашёл отражение в ст. 186. Можно заметить, что речь идёт не о запрете евгенической деятельности вообще, а лишь о запрете евгенических экспериментов (опытов). Отсюда плавно вытекает вопрос о видах евгеники: положительной (позитивной) и отрицательной (негативной). Во многих странах в настоящее время имеются евгенические практики, в США, ряде европейских стран имеются законы о стерилизации, опирающиеся на положения о евгенике. Негативная евгеника стремится уменьшить воспроизводство тех, кого можно считать недоразвитыми умственно или физически или развитыми ниже среднего. Здесь также есть две точки зрения: борьба за права инвалидов (лиц, страдающих даунизмом, и др.), с одной стороны, и право матери на аборт (в данном случае производство евгенического аборта) — с другой стороны.

Законодатель предусмотрел также такой состав преступления, как клонирование, причём речь идёт о репродуктивном клонировании, в то время как за рамками уголовно-правового регулирования остаётся терапевтическое клонирование, несущее в себе риски «псевдоклонирования». Существоют многочисленные криминогенные ри-

ски, которые заключаются в том, что медицинские работники под предлогом «псевдоклонирования» в терапевтических целях (в условиях его допущения на законодательном уровне) будут заниматься клонированием человека, его органов и тканей в криминальных целях. Таким образом, получается, что терапевтическое клонирование, основной целью которого является излечение пациентов (в частности, производство замены больных органов), в действительности может повлечь за собой незаконный оборот органов и тканей человека, полученных посредством клонирования. Особую опасность представляет возможность клонирования человеческого эмбриона в целях незаконного оборота или проведения различных манипуляций, также требующая, на наш взгляд, криминализации.

Достаточно всеохватывающе и детально регламентированы в новом УК Республики Армения ятрогенные преступления в репродуктивной сфере. Ст. 176 УК РА предусматривает уголовную ответственность за принуждение к искусственному прерыванию беременности. В то же время особую опасность представляет совершение данного преступления медицинским работником, в частности, в процессе выполнения им профессиональных обязанностей, связанных с обследованием беременной женщины. Конечной целью данного ятрогенного преступления является производство аборта в целях дальнейшего использования эмбрионов, в частности, эмбриональных стволовых клеток.

Следует отметить, что в отличие от ст. 123 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, армянский законодатель наиболее полно урегулировал данный вопрос, а именно — в ст. 174 УК РА (Производство незаконного прерывания беременности (аборт)) законодатель предусмотрел уголовную ответственность за данное деяние, совершённое не только лицом, не имеющим соответствующего медицинского образования, но и лицом, имеющим высшее медицинское образование.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, следует отметить, что детальная регламентация ятрогенных преступлений в новом УК РА, безусловно, заслуживает поддержки, однако в условиях отсутствия единообразного подхода к понятию ятрогении, криминальных ятрогений, классификаций ятрогенных преступлений также возникают многочисленные вопросы, требующие дальнейшего научного осмысления. Полагаем возможным закрепление норм-дефиниций, предусматривающих определения преступной ятрогении и ятрогенных преступлений, а равно дальнейшее совершенствование уголовного законодательства в части предупреждения криминального использования современных биомедицинских технологий.

Список источников

1. Конечный И., Боухал М. Психология в медицине. Прага, 1983. 405 с.
2. Долецкий С. Я. Ятрогенные болезни и повреждения. Махачкала, 1991.
3. International Society for the Prevention of Iatrogenic Complications. 1991. URL: <https://uia.org/s/or/en/1100032374>
4. Никитина И. О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 32 с.
5. Лавриненко А. А. Расследование ятрогенных преступлений, совершённых в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022. 273 с.
6. Хлапов А. Л. Профессиональные преступления медицинских работников. Владимир, 2008. 459 с.
7. Григонис Э. П., Леонтьев О. В. Ответственность за преступления, совершаемые медицинскими работниками : учебное пособие. СПб., 2008. 157 с.
8. Замалеева С. В. Ятрогенные преступления: понятие, система и вопросы криминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2016. 223 с.
9. Пристансков В. Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи : монография. СПб., 2007. 59 с.
10. Карагезян Г. Г. Ответственность за преступления, совершённые вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

11. Огнерубов Н. А. Ятрогении в медицинской деятельности: уголовно-правовой аспект : монография. Воронеж, 2010. 140 с.

References

1. Konechnyj I, Bouhal M. Psihologija v medicine [Psychology in medicine]. Prague, 1983. 405 p. (In Russ.).
2. Doleckij S Ja. Jatrogennye bolezni i povrezhdenija [Iatrogenic diseases and injuries]. Makhachkala, 1991. (In Russ.).
3. International Society for Prevention of Iatrogenic Complications. 1991 Available at: <https://uia.org/s/or/en/1100032374>
4. Nikitina IO. Prestuplenija v sfere zdravoohraneniya (zakonodatel'stvo, juridicheskij analiz, kvalifikacija, prichiny i mery preduprezhdenija) [Crimes in the field of healthcare (legislation, legal analysis, qualification, causes and preventive measures). Abstract]. N. Novgorod, 2007. 32 p. (In Russ.).
5. Lavrinenko AA. Rassledovanie jatrogennyh prestuplenij, sovershennyh v otnoshenii nesovershennoletnih [Investigation of iatrogenic crimes committed against minors. Thesis]. Kaliningrad, 2022. 273 p. (In Russ.).
6. Hlapov AL. Professional'nye prestuplenija medicinskih rabotnikov [Professional crimes of medical workers]. Vladimir, 2008. 459 p. (In Russ.).
7. Grigonis JeP, Leont'ev OV. Otvetstvennost' za prestuplenija, sovershaemye medicinskimi rabotnikami [Responsibility for crimes committed by medical workers]. St. Petersburg, 2008. 157 p. (In Russ.).
8. Zamaleeva SV. Jatrogennye prestuplenija: ponjatie, sistema i voprosy kriminalizacii [Iatrogenic crimes: the concept, system and issues of criminalization. Thesis]. Ekaterinburg, 2016. 223 p. (In Russ.).
9. Pristanskov VD. Kriminalisticheskaja teorija rassledovaniya jatrogennyh prestuplenij, sovershaemyh pri okazanii medicinskoj pomoshhi [Criminalistic theory of investigation of iatrogenic crimes committed in the provision of medical care]. St. Petersburg, 2007. 59 p. (In Russ.).
10. Karagezjan GG. Otvetstvennost' za prestuplenija, sovershennye vsledstvie nenadlezhashhego ispolnenija licom svoih professional'nyh objazannostej [Responsibility for crimes committed as a result of improper performance by a person of his professional duties. Abstract]. Moscow, 2009. 24 p. (In Russ.).
11. Ognerubov NA. Jatrogenii v medicinskoj dejatel'nosti: ugovovno-pravovoj aspect [Iatrogeny in medical activity: criminal-legal aspect]. Voronezh, 2010. 140 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Саргсян — кандидат юридических наук.

Н. Ю. Зограбян — кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Sargsyan — Candidate of Legal Sciences.

N. Yu. Zohrabyan — Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 15.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-67-72

ПРИНЦИП ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА ОТ МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И ОПЫТОВ

Мария Игоревна Галюкова

Центральный районный суд города Челябинска, Челябинск, Россия, 753825777@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3719-1707

Аннотация. Приводятся основные международно-правовые положения, на которых базируется принцип защиты человека от медицинских экспериментов и опытов. Прослеживается динамика формирования принципа от общих тезисов к специальным нормам, отслеживающим недопустимость незаконного донорства биоматериала человека. Проникновение медицинских инноваций в правовое пространство и общественное правосознание должно основываться на чётко выверенной концепции развития биобезопасности. Право человека на распоряжение своим телом, свобода выбора безопасной модели поведения личности должны интегрироваться в существующую систему ценностей государства. Единство подхода к определению стандарта безопасности человека должно базироваться на универсальных подходах международного права, однако мы признаём необходимость создания уникального и аутентичного механизма защиты личности от медицинских экспериментов и опытов в Российской Федерации с целью последующего распространения законодательного и правоприменительного опыта в мировое сообщество.

Ключевые слова: медицинский эксперимент, геноцид, эмбрион, биологический материал, принцип, преступление, права человека, биобезопасность

Для цитирования: Галюкова М. И. Принцип защиты человека от медицинских экспериментов и опытов // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 67–72. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-67-72

Original article

THE PRINCIPLE OF PROTECTING HUMANS FROM MEDICAL EXPERIMENTS AND EXPERIENCES

Maria I. Galyukova

Central District Court of the City of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia, 753825777@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3719-1707

Abstract. The article presents the main international legal provisions on which the principle of human protection from medical experiments and experiments is based. The dynamics of the principle formation is traced from general theses to special norms that monitor the inadmissibility of illegal donation of human biomaterial. The penetration of medical innovations into the legal space and public legal awareness should be based on a clearly verified concept of biosafety development. The human right to dispose of his body, the freedom to choose a safe model of personal behavior should be integrated into the existing value system of the state. The unity of the approach to determining the standard of human security should be based on universal approaches of international law, however, we recognize the need to create a unique and authentic mechanism for protecting individuals from medical experiments and experiments in the Russian Federation, with the aim of further dissemination of legislative and law enforcement.

Keywords: medical experiment, genocide, embryo, biological material, principle, crime, human rights, biosecurity

For citation: Galyukova MI. The principle of protecting humans from medical experiments and experiences. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare.* 2023;(2(22):67-72. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-67-72. (In Russ.).

Постановка проблемы

Использование современных научных разработок в сфере фармакологии невозможно без предварительного их апробирования на добровольцах. Клинические испытания должны проводиться в строгом соответствии с действующим законодательством. Однако новые достижения в сфере биогенетики, биомедицины и синтетической биологии диктуют необходимость расширения законодательной базы и системы контроля за экспериментальным воздействием на организм человека. Генную или клеточную терапию называют лекарством будущего. Учёные также полагают, что большинство заболеваний возможно будет излечить наноботами. «Красные» биотехнологии динамично внедряются в систему здравоохранения, при этом имеются все основания полагать, что слишком быстрые положительные результаты NBIC-технологий являются не панацеей, а «ахиллесовой пятой» здравоохранения. Так называемый феномен NBIC-конвергенций основан на идее слияния человека с цифровыми технологиями, в том числе и физически. По сути, речь идёт о новом витке развития теории трансгуманизма. В связи с этим крайне актуальным становится вопрос защиты права человека от незаконных медицинских экспериментов и опытов.

Материалы и методы исследования

При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, системно-структурный подход. Основное место в работе занимают частно-научные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, логический, контент-анализ средств массовой информации.

Результаты исследования и их обсуждение

В середине XX в. всё мировое сообщество официально подводило итоги масштабных экспериментов над человеком. Словосочетание «Нюрнбергский процесс» (1947 г.) вызывает однозначную ассоциацию у каждого, кто знаком с новейшей историей. Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации «О принципах проведения научных исследований с участием человека в качестве объекта» (июнь 1964 г.) была принята как отголосок фактов, звучавших в стенах Дворца юстиции в Нюрнберге, и обозначила основные принципы и правила проведения медицинского эксперимента, включая его постоянную оценку с точки зрения этики.

Конструкторы единственной в мире декларации об экспериментах над людьми установили следующие правила проведения исследований над подопытным:

- доказанная научная обоснованность исследования;
- высокая квалификация исследователя;
- разумное соотношение частных и публичных интересов;
- получение от испытуемого однозначного информированного согласия;
- реализация права на отказ от эксперимента без санкционного воздействия.

С 2000 г. Хельсинкская декларация существует в новой редакции, которая предоставляет исследователям право проводить опыты на биоматериале человека, но с существенной оговоркой — план и выполнение каждой экспериментальной процедуры, включающей людей в качестве испытуемых, должны быть ясно сформулированы в протоколе исследования и доложены в Этический комитет (ст. 13). Существенное значение при проведении эксперимента имеют сведения об источнике финансирования и спонсоре эксперимента.

Логичным продолжением международно-правовой мысли стал международный пакт о гражданских и политических правах [1]. Проведение медицинских опытов на человеке без его согласия прямо запрещается ст. 7 Пакта, которая гласит: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. В частности, ни одно лицо не должно без его свободного согласия подвергаться медицинским или научным опытам».

Универсальным камертоном по разнообразным вопросам биоэтики, включая биомедицинские исследования, в 2005 г. явилась Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, содержащая ко всему прочему 16 морально-этических стандартов, положенных в основу «Клятвы врача» в России.

Потребность современного общества в проведении ряда экспериментов на человеческих эмбрионах попала под влияние Положения об оплодотворении *in vitro* и трансплантации эмбрионов 1987 г., Положения о генетическом консультировании и генной инженерии 1987 г., Рекомендации Совета Европы № 1046 об использовании эмбрионов и плодов человека в целях диагностики. Кроме того, Регламентом № 536/2014 Европейского парламента и Совета от 16 апреля 2014 г. о кли-

нических испытаниях лекарственных средств для использования человеком установлен прямой запрет на проведение клинических испытаний с применением генной терапии, если это приводит к изменениям в генетической идентичности зародышевой линии субъекта (ст. 90) [2].

Однако, несмотря на базовые предписания международно-правовых договоров, государства всё чаще и настойчивее пытаются диктовать свои правила, в которых фигурирует возможность проведения опытов над человеком, а точнее, его биологическим репродуктивным материалом. В этих случаях потенциальный успех от опытов над зародышевым материалом не должен затмевать реальный взгляд на то, что «вторжение биотехнологий методом генной инженерии в биологическую структуру человека влечёт за собой не только медицинские риски, но и риски философской рефлексии самого человека о его сущности» [3]. Даже под прикрытием положений Директивы 98/79/ЕС [4, р. 1–37], Директивы Европейского парламента и Совета от 6 июля 1998 г. «О правовой защите биотехнологических изобретений», Директивы 200/98/ЕС и Рекомендаций Rec (2006) 4 Комитета министров государствам-членам по исследованию биологических материалов человеческого происхождения (Совет Европы 2006) проведение таких экспериментов граничит с геноцидом.

Полагаем также, что вопросы незаконной трансплантации органов и тканей, а также торговли биоматериалами на так называемом Красном рынке в современной реальности тесно связаны и практически интегрированы с проблемами незаконных медицинских экспериментов и опытов над человеком. Правовой щит от незаконных посягательств на биоматериал создаёт Конвенция Овьедо (4 апреля 1997 г.) в ст. 16–17, в которой изначально присутствовало строгое ограничение возможности проведения экспериментов на людях, затем элегантно уточнённое 186-м Дополнительным протоколом, касающимся трансплантации органов и тканей человека (Страсбург, 2002). В ст. 21 этого документа говорится о запрещении извлечения финансовой выгоды при трансплантации, а в ст. 22 отмечается, что «торговля органами и тканями запрещена» [5].

В Заявлении о торговле живыми органами Всемирная медицинская ассамблея (1985 г.) осуждает куплю-продажу человеческих органов для трансплантации и предусматривает возможность удалять органы и ткани у живого человека только как крайний метод лечения (ст. 9). Декларация о трансплантации человеческих органов (1987 г.)

определяет, что ни один врач не может взять на себя ответственность за проведение операции по пересадке органа до тех пор, пока не будет обеспечено соблюдение прав и донора, и реципиента.

Директива 2006/86/ЕС принята как логическое продолжение Директивы 2004/23/ЕС и содержит положения о единой системе идентификации донорских материалов, а также устанавливает стандарты качества и биобезопасности донорства, забора, тестирования, обработки, консервирования, хранения и распределения тканей и клеток, а также производства продуктов, полученных из человеческих тканей и клеток и предназначенных для лечения человека [6, р. 32–50]. Линию защиты использования человеческих органов и тканей продолжает Директива 2004/23/ЕС, содержащая в своих положениях понятийный аппарат и раскрывающая суть таких ключевых понятий, как аллогенное и аутологичное применение клеток и тканей [7, р. 48–58]. Комплексную защиту биоматериала обеспечивают также Директива 2006/17/ЕС [8, р. 40–46], Директива 2002/98/ЕС [9, р. 30–40].

Рекомендация Rec (2006) 4 Комитета министров государствам-членам по исследованию биологических материалов человеческого происхождения (Совет Европы 2006) даёт широкий спектр разъяснений относительно понятия идентифицируемости биологических материалов, пределов вмешательства в организм человека, остаточных и постмортальных биологических материалов, а также обсуждает вопросы трансграничных потоков биоматериалов [10].

Несмотря на дестабилизацию международного фона, базовые стандарты безопасности личности и государства остаются неизменными.

Российская Федерация в своей внутренней политике взяла верный курс на развитие биобезопасности, содержащей в своей внутренней структуре многокомпонентный вектор развития.

Принцип защиты человека от медицинских экспериментов и опытов уже интегрирован в правосознание общества. Подтверждением этому служат правовые нормы, регламентирующие вопросы трансплантологии, предупреждения возникновения биологических рисков и угроз, в том числе и в рамках Основ государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу.

Однако, несмотря на тщательно сформированный базис «щита биобезопасности», в России большинство частных правовых вопросов

нуждаются в филигранной проработке законодателем.

Для примера возьмём самый простой аспект — использование биометрического чипа. Молодое поколение охватила идея чипирования как возможности выделиться из стандарта общества. Если не брать во внимание юношеский максимализм, то внедрение в организм человека электронного продукта есть не что иное, как медицинский эксперимент, сочетанный с использованием/распространением персональных данных о человеке. В этом ракурсе в зону внимания законодателя должна попасть правовая природа оказываемой медицинской услуги, её безопасность, а также обеспечение сохранности персональных данных, их аккумуляция и распространение. Проблема ротации персональных данных в свою очередь тесно сопрягается с вопросами использования и преобразования Больших данных в здравоохранении.

На сегодняшний день форма проведения медицинских экспериментов трансформируется в сторону усложнения, и мы уже отходим от классической модели апробации: эксперимент, основанный на добровольном информированном согласии пациента (разумеется, с учётом всех факторов безопасности манипуляции). Использование при проведении исследования искусственного интеллекта, результатов NBIC-технологий, а также методов CRISPR/Cas делает непредсказуемым сам ход эксперимента, не говоря уже о его последствиях для организма конкретного человека и в целом будущих поколений. Именно это составляет реальную угрозу жизни и здоровью как конкретного индивида, так и неопределённого круга лиц. Недостаточность информации о репрезентативности инновационных технологий, в совокупности с прокламациями об их безопасности создаёт условия для возникновения новых криминогенных рисков, таких как использование человека в целях создания «универсального солдата», поиска «гена бессмертия», использование репродуктивного материала человека для создания биохимер, клонирование человека и т. д.

К сожалению, уже сделан шаг от фантастического будущего к реальным опытам над человеческой материей. Об этом говорят отчёты МИД России в части исследования обнаруженных на Украине биологических лабораторий.

Можно ли в этих ситуациях говорить о научной и правовой составляющей эксперимента? Разумеется, нет. Носят ли данные деяния характер преступных? Безусловно, да.

Российское уголовное законодательство не предполагает отдельной регламентации уголовной ответственности за проведение опытов над людьми (человеком). Любое насильственное воздействие над личностью интерпретируется через составы причинения вреда здоровью человека либо убийство с отягчающими обстоятельствами.

Неоднократно в научной литературе развёртывалась полемика на тему необходимости специальной детерминации проводимых над человеком испытаний, однако суть проблемы остаётся нераскрытой на уровне уголовного закона.

Мы полагаем, что необходимо разрабатывать и презентовать юридическому сообществу несколько составов, так или иначе связанных с вопросами опытов над человеком. Это могут быть тетралогические конструкции о запрете действий с эмбрионом человека, запрете на генетические манипуляции, клонирование, незаконное оплодотворение женщины, создание гермафродита и биологической химеры и т. д.

Заключение

Следовательно, проведение экспериментальных исследований над биоматериалом действительно необходимо для безопасного конструирования методов лечения и диагностики заболеваний человека, в том числе и с позиций доказательной медицины, но любая манипуляция, связанная с помещением человека в экстремальные и нетипичные для жизнедеятельности условия, должна осуществляться с учетом основополагающего принципа, закреплённого на международном уровне, — защиты человека от медицинских экспериментов и опытов.

Список источников

1. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml (дата обращения: 22.09.2022).
2. Regulation (EU) № 536/2014 in clinical trials on medicinal products for man use, and repealing Directive 2001/20/EC.
3. Крылатова И. Ю. Достоинство личности и геномные технологии: философско-правовой аспект

// Антиномии. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-lichnosti-i-genomnye-tehnologii-filosofsko-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 29.09.2022).

4. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины от 19 ноября 1996 г. URL: <https://rm.coe.int/98-/16808e6383> (дата обращения: 01.10.2022).

5. Commission Directive 2006/86/EC of 2006 implementing Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council as regards traceability requirements, notification of serious adverse reaction and events and certain technical requirements for the coding, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells // *Official Journal of the European Union*. 2006. Vol. 49. L294. P. 32–50.

6. Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on setting standard of quality and safety for the donation, procurement, testing, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells // *Official Journal of the European Union*. 2004. Vol. 47. L102. P. 48–58.

7. Commission Directive 2006/17/EC of 8 February implementing Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council as regards certain technical requirements for the donation. Procurement and testing of human tissues and cells // *Official Journal of the European Union*. 2006. Vol. 49. L38. P. 40–46.

8. Directive 2002/98/EC of the European Parliament and of the Council of 27 January setting standards of quality and safety for the collection, testing, processing, storage and distribution of human blood and blood components and amending Directive 2001/83/EC // *Official Journal of the European Union*. 2001. Vol. 46. L33. P. 30–40.

9. Рекомендация Rec (2006) 4 Комитета Министров государствам-членам об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения. URL: <https://rm.coe.int/rec-2006-4-biobanks-er-ru/168066caa9> (дата обращения: 22.09.2022).

References

1. The International Covenant on Civil and Political Rights was adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed: 09/22/2022).

2. Regulation (EU) No 536/2014 in clinical trials on medicinal products for human use, and repealing Directive 2001/20/EC.

3. Krylatova IY. Dignity of personality and genomic technologies: philosophical and legal aspect. *Antinomies*. 2021;(4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoinstvo-lichnosti-i-genomnye-tehnologii-filosofsko-pravovoy-aspekt> (date of application: 09/29/2022).

4. Convention on the Protection of Human Rights and Human Dignity in connection with the Application of Biology and Medicine of November 19, 1996. Available at: <https://rm.coe.int/98-/16808e6383> (accessed: 01.10.2022).

5. Commission Directive 2006/86/EC of 2006 implementing Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council as regards traceability requirements, notification of serious adverse reaction and events and certain technical requirements for the coding, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells. *Official Journal of the European Union*, 2006;49(L294):32-50.

6. Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on setting standard of quality and safety for the donation, procurement, testing, processing, preservation, storage and distribution of human tissues and cells. *Official Journal of the European Union*, 2004;47(L102):48-58.

7. Commission Directive 2006/17/EC of 8 February implementing Directive 2004/23/EC of the European Parliament and of the Council as regards certain technical requirements for the donation. Procurement and testing of human tissues and cells. *Official Journal of the European Union*, 2006;49(L38):40-46.

8. Directive 2002/98/EC of the European Parliament and of the Council of 27 January setting standards of quality and safety for the collection, testing, processing, storage and distribution of human blood and blood components and amending Directive 2001/83/EC. *Official Journal of the European Union*, 2001;46(L33):30-40.

9. Recommendation Rec (2006) 4 of the Committee of Ministers to Member States on research of biological materials of human origin. Available at: <https://rm.coe.int/rec-2006-4-biobanks-er-ru/168066caa9> (accessed: 22.09.2022).

Информация об авторе

М. И. Галюкова — кандидат юридических наук, доцент, судья.

Information about the author

M. I. Galyukova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Judge.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 15.05.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 347

doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-73-79

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Яна Рафаэлевна Хакимова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, yana31khakimova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается институт суррогатного материнства, особенности его законодательного регулирования в Российской Федерации, а также практика применения договоров суррогатного материнства, заключаемых в Российской Федерации, и проблемы, возникающие в области юриспруденции при использовании данной вспомогательной репродуктивной технологии. Автор рассматривает проблему правовой природы договора суррогатного материнства, анализируя различные точки зрения. В ходе работы автор формулирует вывод о необходимости легального закрепления договора об оказании услуги суррогатного материнства как самостоятельного вида договора. Также автор считает, что существует необходимость в закреплении за данным договором простой письменной формы, определения его существенных условий. Автор подчёркивает необходимость более конкретного определения предмета данного договора. Автором в ходе работы выделены коллизии норм права относительно признания права на материнство и отцовство при применении вспомогательных репродуктивных технологий, анализируется судебная практика, подтверждающая данную коллизию. Автор анализирует законодательство Российской Федерации в рассматриваемой сфере, предлагая внести изменения в некоторые его положения в целях уменьшения рисков возникновения судебных споров при применении суррогатного материнства.

Ключевые слова: гражданское право, вспомогательные репродуктивные технологии, договор, семейное право, медицинское право, суррогатное материнство, возмездное оказание услуг

Для цитирования: Хакимова Я. Р. Проблемные аспекты правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2 (22). С. 73–79. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-73-79

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF SURROGACY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Yana R. Khakimova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, yana31khakimova@mail.ru

Abstract. In this scientific article, the author examines the institution of surrogate motherhood, the features of its legislative regulation in the Russian Federation, as well as the practice of applying surrogacy contracts concluded in the Russian Federation, and the problems that arise in the field of jurisprudence when using this assisted reproductive technology. The author considers the problem of the legal nature of the surrogacy contract, analyzing various points of view. In the course of the work, the author formulates a conclusion about the need to legally consolidate the contract for the provision of surrogate motherhood services as an independent type of contract. The author also believes that there is a need to assign a simple written form to this agreement, to determine its essential conditions. The author emphasizes the need for a more specific definition of the subject of this agreement. In the course of the work, the author highlights conflicts of law regarding the recognition of the right to motherhood and paternity when using assisted reproductive technologies, and analyzes judicial practice confirming this conflict. The author analyzes the legislation of the Russian Federation in this area, proposing to amend some of its provisions in order to reduce the risk of litigation when using surrogate motherhood.

Keywords: Civil law, contract, family law, medical law, assisted reproductive technologies, surrogacy, paid services

For citation: Khakimova YaR. Problematic aspects of legal regulation of surrogacy in the Russian Federation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare*. 2023;(2(22):73-79. doi: 10.47475/2409-4102-2023-22-2-73-79. (In Russ.).

Введение

Базовая потребность человека в продолжении рода обусловлена его биосоциальной природой. Бесплодие является препятствием для удовлетворения данной потребности. Сегодня проблему бесплодия можно решить, прибегнув к помощи такой вспомогательной репродуктивной технологии, как суррогатное материнство.

Постановка проблемы

Данный способ эффективен и вполне востребован среди медицинских услуг, но, увы, проблем и неоднозначен с этической и правовой точки зрения. На данный момент отмечается достаточно скудное регулирование правового института суррогатного материнства в нашей стране.

Положения о данном институте закреплены в следующих правовых актах Российской Федерации: Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) (ст. 51 и 52); Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) (гл. 39. Возмездное оказание услуг); Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации») (гл. 6. Охрана здоровья матери и ребёнка, вопросы семьи и репродуктивного здоровья); приказ Минздрава РФ от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению».

Вышеназванные источники не решают проблем применения суррогатного материнства, а потому возникает необходимость совершенствования законодательства, регулирующего данный социальный институт.

Материалы и методы исследования

Методологической основой послужили следующие методы: общенаучные — анализ, системный подход, структурный метод, метод логического исследования; частноправовые — формально-юридический, сравнительно-правовой. При этом в качестве материала использовались нормативно-правовые источники, данные научной литературы, судебная практика.

Результаты исследования и их обсуждение

Пункт 9 Закона «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» определяет, что суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребёнка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребёнка невозможны по медицинским показаниям (и которые состоят в браке между собой), либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребёнка невозможны по медицинским показаниям» [1].

В вышеуказанной дефиниции есть положения о договоре суррогатного материнства, о правовой природе которого до сих пор ведутся дискуссии, что является первой выделенной автором проблемой правового регулирования рассматриваемой области законодательства. В российском законодательстве не даётся и легального определения данного договора, что также усложняет вышеназванную проблему, но С. В. Алборов указывает, что «договор суррогатного материнства можно определить как соглашение гражданско-го и семейного права, в соответствии с которым суррогатная мать обязуется выносить и родить генетически чужого для неё ребёнка и передать его потенциальным родителям в целях лечения бесплодия посредством установления детско-родительских отношений, которые обязуются произвести государственную регистрацию рождения ребёнка и записать себя его родителями (родителем), а медицинская организация обязуется оказать весь комплекс необходимых для лечения бесплодия медицинских услуг» [2, с. 115].

О правовой природе данного вида договора в доктрине гражданского права нет единой позиции. Разные научные деятели указанный договор относят к гражданско-правовым, семейно-правовым либо смешанным.

Так, о гражданско-правовой природе договора суррогатного материнства высказывалась Е. С. Митрякова. Некоторые научные деятели (в том числе и Е. С. Митрякова) считают возможным применять к договору суррогатного мате-

ринства положения, связанные с договором о возмездном оказании услуг, таким образом, отмечая, что необходимо применять к данному институту положения гл. 39 ГК РФ [3]. По отношению к данной позиции стоит уделить внимание тому, что рассматриваемый договор в Российской Федерации может быть заключён как на коммерческой основе, так и быть абсолютно безвозмездным, тогда как положения гл. 39 ГК РФ закрепляют лишь возмездное оказание услуг. Несмотря на это, Е. С. Митрякова считает, что возможность заключения безвозмездного договора суррогатного материнства не мешает его включению в гл. 39 ГК РФ, поскольку на практике ему чаще присущ именно коммерческий характер [4, с. 81].

Надлежит согласиться с тем, что возмездный договор об оказании услуги суррогатного материнства похож на договор о возмездном оказании услуг. Так, М. Ю. Кременец в своём исследовании отмечает, что субъектами такого договора выступают суррогатная мать как исполнитель, а биологические родители либо одинокая биологическая мать, в отношении которой установлена невозможность самостоятельного рождения ребёнка по медицинским показаниям, как заказчики. При этом суррогатная мать обязана выносить и родить ребёнка, а биологические родители должны произвести оплату оказанной им услуги [5, с. 153]. Автор придерживается мнения о том, что, исходя из возможности заключения и возмездного, и безвозмездного договора суррогатного материнства, нельзя однозначно заявить, что данный договор имеет гражданско-правовую природу.

К семейно-правовым договорам суррогатного материнства относит О. Ю. Лебедева. В своей работе она утверждает, что при заключении данного договора от суррогатной матери биологическими родителями переходят родительские личные немущественные права [6, с. 16]. Данная позиция, по мнению некоторых авторов, противоречит положениям СК РФ, поскольку в ст. 2 данного кодекса нет указания на суррогатную мать как на субъекта семейного права [7, с. 230]. Автор согласен с данной позицией и считает, что нормы только семейной отрасли права не смогут в полной мере урегулировать правоотношения, которые возникают при заключении договора оказания услуги суррогатного материнства, поскольку женщина, выступившая в качестве суррогатной матери, и биологические родители ребёнка не вступают в семейные правоотношения.

В доктрине разработана и концепция смешанной природы договора суррогатного материн-

ства, к которому должны применяться положения и гражданского, и семейного права, но не какого-либо из них в отдельности. Данной концепции придерживается С. А. Муратова [8, с. 200].

В ходе работы автор формулирует вывод о необходимости легального закрепления договора об оказании услуги суррогатного материнства как самостоятельного вида договора. Также автор согласен с мнением, что существует необходимость в закреплении за данным договором простой письменной формы, его существенных условий. Более того необходимо определять предмет данного договора как услуги, которая заключается в переносе донорского эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании ею плода и рождении ею ребёнка [5, с. 153]. Легальное закрепление вышеуказанных аспектов способствует более полному соблюдению прав и интересов ребёнка, рождённого с применением данной технологии, а также уменьшит риск возникновения судебных споров по данному вопросу.

Одна из проблем в данном правовом институте вызвана очевидной коллизией норм. Так в п. 3 ст. 55 Закона «Об основах охраны здоровья граждан РФ» закреплено, что «мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий», но в ч. 4 ст. 51 СК РФ сказано, что родителями могут быть записаны лишь лица, состоящие в браке [9].

Данная коллизия вызывает необходимость у граждан, обратившихся к применению данной вспомогательной репродуктивной технологии, в судебном порядке доказывать своё право на материнство и отцовство.

Так, например, органы ЗАГСа отказывали в государственной регистрации ребёнка парам, не состоящим в зарегистрированном браке. В одном случае суд первой инстанции, руководствуясь ч. 4 ст. 51 СК РФ и в связи с отсутствием зарегистрированного брака, отказал в удовлетворении исковых требований о регистрации ребёнка [10]. Суд апелляционной инстанции с таким мнением не согласился и впоследствии отменил решение нижестоящего суда [11]. В другом случае Дзержинский районный суд г. Санкт-Петербурга сразу выступил с позицией о том, что законное право граждан быть родителями не зависит от наличия зарегистрированного в установленном законодательством порядке брака [12].

В правоприменительной практике также есть случаи, когда органы ЗАГСа отказывали матерям

без партнёра и не состоящим в зарегистрированном браке, в государственной регистрации рождения ребёнка, родившегося с помощью суррогатного материнства, после чего от них следовало обращение в суд. Так, в одном из дел Туапсинский городской суд Краснодарского края вынес решение в пользу одинокой женщины, выразив свою позицию о наличии у неё права на использование вспомогательных репродуктивных технологий (в том числе суррогатного материнства), если имеется её информированное добровольное согласие на такое медицинское вмешательство (решение по делу № 2а-1633/16 от 24 ноября 2016 г.).

Необходимо согласиться с мнением Л. В. Зарапиной и Н. Ю. Белокопытовой, которые считают, что подобные отказы органов ЗАГС вызваны несистемным применением норм права, они осложняют возникновение родственно-семейных отношений между биологическими родителями и рождённым суррогатной матерью ребёнком [13, с. 70].

Таким образом, исходя из правоприменительной практики можно увидеть, что к услугам суррогатного материнства имеют право прибегать не только лица, зарегистрировавшие брак. Из этого следует вывод о необходимости внесения изменения в ч. 4 ст. 51 СК РФ, которая содержит положение о наличии такого права только у законных супругов.

Исследователи отмечают неопределённость в вопросе о том, имеет ли право одинокий мужчина быть субъектом договора суррогатного материнства, поскольку ч. 9 ст. 55 Закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» закрепляет, что данный договор заключается «между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной». Научные деятели поднимают вопрос о возможном возникновении препятствий в государственной регистрации рождения ребёнка, рождённого с помощью данной технологии, с записью одинокого биологического отца единственным родителем [14, с. 5].

Вместе с этим необходимо отметить, что Приказ Минздрава РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» закрепляет, что теперь, в отличие от старого порядка, где был необходим генетический материал генетической матери либо обоих родителей, есть возможность

использовать только генетический материал потенциального отца.

Следовательно, нормы о праве одинокого мужчины на заключение договора суррогатного материнства и дальнейшую регистрацию рождённого с помощью применения данной технологии ребёнка также должны быть введены в нормативные акты, регулирующие рассматриваемый правовой институт в нашей стране.

Проблемой является возможность записи родителями ребёнка его биологических родителей лишь с согласия суррогатной матери. Данное положение закреплено в абз. 2 ч. 4 ст. 51 СК РФ.

Бесспорно, что между суррогатной матерью и рождённым ею ребёнком за время беременности формируется тесная связь, исходя из чего суррогатная мать способна отказать биологическим родителям в передаче ребёнка. Законодатель закрепил за суррогатной матерью возможность решить судьбу ребёнка, который генетически является ребёнком потенциальных родителей.

Подобное содержание данной нормы в СК РФ препятствует должному исполнению договора суррогатного материнства, а также снижает его правовое значение. Изначально применение суррогатного материнства направлено на рождение ребёнка у людей, на лечение бесплодия которых была направлена данная вспомогательная репродуктивная технология. Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев считает, что подобный подход законодателя «ведёт к нарушению прав генетических родителей и не обеспечивает соблюдение конституционных принципов правовой определённости, справедливости и равенства» [15]. По данному вопросу высказывался и Верховный Суд РФ, который в Постановлении Пленума от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъяснил, что отказ суррогатной матери в согласии на запись родителями биологических родителей не является безусловным основанием для неудовлетворения иска о признании их прав на ребёнка и передаче им его на воспитание. В частности, также указано, что спор должен быть разрешён в интересах ребёнка, а для этого следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве, на каких условиях, являются ли истцы биологическими родителями рождённого ребёнка, в виду чего суррогатная мать не дала согласие на запись генетических родителей в качестве родителей ребёнка [16].

Некоторые исследователи, в частности А. А. Абоян, отмечают, что при заключении рас-

смаатриваемого договора неправомерно обязать суррогатную мать передать ребёнка его биологическим родителям [17, с. 171]. Следует согласиться с данным утверждением, поскольку в ином случае суррогатное материнство было бы сопоставимо с уголовным деянием, предусмотренным ст. 127.1 УК РФ.

Однако думается, что, несмотря на данный факт, автор придерживается мнения, что законодателью следует отказаться от необходимости получения согласия суррогатной матери на запись родителями ребёнка его генетических родителей, поскольку это нарушает их право на воспитание своих детей, предусмотренное СК РФ.

Заключение

Анализ существующего на данный момент законодательства в рассматриваемой сфере позволяет сделать вывод о том, что законодатель оставил без должного регулирования многие важные моменты, проанализированные автором в данной научной работе.

Действующее законодательство Российской Федерации в области регулирования вспомогательных репродуктивных технологий (в частности — суррогатного материнства) нуждается в дальнейшем качественном улучшении. Выявлена необходимость внесения как изменений, так и дополнений в ряд положений нормативно-правовых актов для решения вышеописанных проблем.

Список источников

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ.
2. Алборов С. В. Правовое и индивидуальное регулирование суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 243 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2020).
4. Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 175 с.
5. Кременец М. Ю. Правовая природа договора о суррогатном материнстве // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 149–157.
6. Лебедева О. Ю. Некоторые проблемы правового регулирования вспомогательной репродукции в свете нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Медицинское право. 2012. № 2. С. 16–20.
7. Борисова В. Р. Природа договора суррогатного материнства // Закон и право. 2022. № 3. С. 229–232. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-3-229-232.
8. Муратова С. А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 198–202. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-198-202.
9. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021).
10. Решение Мещанского районного суда города Москвы от 13 марта 2018 г. по делу № 2а-0121/2018 URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/kas/details/2a103a6d-1fc5-492a-96d1-eea8aa74fc28?caseNumber=2%D0%B0-0121/2018> (дата обращения: 17.11.2022).
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 июля 2016 г. по делу № 33-27809/16). URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/9cf82316-e7a7-4a9f-be91-7b8a83e79761?caseNumber=%E2%84%96+33-27809/16> (дата обращения: 17.11.2022).
12. Решение Дзержинского районного суда города Санкт-Петербурга от 25 февраля 2019 г. по делу № 2-639/2019~М-440/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XCePR3ddoH5R/> (дата обращения: 20.11.2022).
13. Зарапина Л. В., Белокопытова Н. Ю. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. № 2. С. 68–72.
14. Супрун Я. И., Козлова А. М. Практические и теоретические проблемы правового регулирования суррогатного материнства // Политика и общество. 2021. № 1. С. 1–12.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 г. № 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (дата обращения: 17.11.2022).

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения: 20.11.2022)

17. Абоян А. А. Проблемы института суррогатного материнства в российском семейном законодательстве и пути их решения // Закон и право. 2020. № 8. С. 168–171.

References

1. On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Feder. Law of November 21, 2011 No. 323-ФЗ (last edition). (In Russ.).

2. Alborov SV. Legal and individual regulation of surrogate motherhood. Thesis. Moscow, 2018. 243 p. (In Russ.).

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-ФЗ (as amended on December 28, 2020).

4. Mitryakova ES. Legal regulation of surrogate motherhood in Russia. Thesis. Tyumen, 2006. 175 p. (In Russ.).

5. Kremenets MYu. Legal nature of the contract on surrogate motherhood. *Issues of Russian justice*, 2022;(20):149-157. (In Russ.).

6. Lebedeva OYu. Some problems of legal regulation of assisted reproduction in the light of the new Federal Law “On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation”. *Medical Law*, 2012;(2):16-20. (In Russ.).

7. Borisova VR. The nature of the surrogacy contract. *Law and Law*, 2022;(3):229-232. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-3-229-232. (In Russ.).

8. Muratova SA. Legislative regulation and legal nature of the contract of surrogate motherhood. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021;(6):198-202. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-198-202. (In Russ.).

9. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-ФЗ (as amended on July 2, 2021). (In Russ.).

10. Decision of the Meshchansky District Court of Moscow dated March 13, 2018 in case No. 2a-0121/2018). Available at: <https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/kas/details/2a103a6d-1fc5-492a-96d1-eea8aa74fc28?caseNumber=2%D0%B0-0121/2018> (accessed 11/17/2022).

11. Appeal ruling of the Moscow City Court dated July 18, 2016 in case No. 33-27809/16). Available at: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/9cf82316-e7a7-4a9f-be91-7b8a83e79761?caseNumber=%E2%84%96+33-27809/16> (accessed 11/17/2022).

12. Decision of the Dzerzhinsky District Court of St. Petersburg dated February 25, 2019 in case No. 2-639/2019~M-440/2019. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/XCePR3ddoH5R/> (date accessed: 11/20/2022).

13. Zarapina LV, Belokopytova NYu. Problems of legal regulation of surrogate motherhood. *Legal Bulletin of the Dagestan State University*, 2021;(2):68-72. (In Russ.).

14. Suprun YaI, Kozlova AM. Practical and theoretical problems of legal regulation of surrogate motherhood. *Politics and Society*. 2021;(1):1-12. (In Russ.).

15. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 15, 2012 No. 880-О “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Ch.P. and Ch. Yu. about the violation of their constitutional rights by the provisions of paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law “On acts of civil status”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131275/ (date of access: 11/17/2022).

16. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 No. 16 (as amended on December 26, 2017) “On the application of legislation by courts when considering cases related to the establishment of the origin of children”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (accessed 11/20/2022)

17. Aboyan AA. Problems of the institution of surrogate motherhood in Russian family law and ways to solve them. *Law and Law*, 2020;(8):168-171. (In Russ.).

Информация об авторе

Я. Р. Хакимова — студентка Института права.

Information about the author

Y. R. Khakimova — student of the Institute of Law

Статья поступила в редакцию 15.06.2023; принята к публикации 20.06.2023.

The article was submitted 15.06.2023; accepted for publication 20.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.